

ВЕСТНИК ПЕРМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

ISSN 2078-7898
ISSN online 2686-7532

Научный рецензируемый журнал
Выходит 4 раза в год

2025

Выпуск 4

ФИЛОСОФИЯ. ПСИХОЛОГИЯ. СОЦИОЛОГИЯ

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Пермский государственный национальный исследовательский университет»

Научный журнал издается
Пермским государственным
национальным исследовательским
университетом с 2010 г.

Тематика статей журнала отражает научные интересы специалистов в области социально-гуманитарного знания. В публикуемых материалах рассматриваются актуальные проблемы философии, психологии и социологии, обсуждаются результаты эмпирических исследований.

Издание включено в Перечень ВАК РФ по следующим научным специальностям, по которым принимаются статьи:

- 5.7.1 Онтология и теория познания
- 5.7.2 История философии
- 5.7.7 Социальная и политическая философия
- 5.7.8 Философская антропология, философия культуры
- 5.3.1 Общая психология, психология личности, история психологии
- 5.4.1 Теория, методология и история социологии
- 5.4.4 Социальная структура, социальные институты и процессы
- 5.4.7 Социология управления

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство о регистрации средства
массовой информации ПИ № ФС77-66481
от 14 июля 2016 г.

Подписка на журнал
«Вестник Пермского университета.
Философия. Психология. Социология»
осуществляется через подписанное
агентство «Урал Пресс».
Подписной индекс — 41011

Адрес редакционной коллегии

614068, Пермский край,
г. Пермь, ул. Букирева, 15.
Тел. +7(342) 2396-305.

E-mail: fsf-vestnik@yandex.ru,
fsf-nir@yandex.ru, dekanatfsf@psu.ru.

Web-site:
<https://press.psu.ru/index.php/philsoc>

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор

Александр Юрьевич Внутских (докт. филос. наук, доцент, чл.-кор. РАЕ, профессор кафедры философии, Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь).

Заместитель главного редактора

Александра Юрьевна Бересфельд (канд. психол. наук, доцент, доцент кафедры общей и клинической психологии, Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь).

ФИЛОСОФИЯ

Наталья Ириковна Береснева (докт. филос. наук, доцент, профессор кафедры культурологии и социально-гуманитарных технологий, Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь),

Владимир Николаевич Железняк (докт. филос. наук, профессор, профессор кафедры философии и права, Пермский национальный исследовательский политехнический университет, Пермь),
Лариса Павловна Киященко (докт. филос. наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Институт философии РАН, Москва),

Сергей Владимирович Комаров (докт. филос. наук, доцент, декан философско-социологического факультета, профессор кафедры философии, Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь),

Лея Асканазович Мусаелян (докт. филос. наук, доцент, профессор кафедры философии, Пермский государственный национальный исследовательский университет Пермь),

Сергей Анатольевич Никольский (докт. филос. наук, профессор, главный научный сотрудник, руководитель сектора философии культуры, Институт философии РАН, Москва),

Сергей Владимирович Орлов (докт. филос. наук, профессор, профессор секции философии кафедры истории и философии, Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения, Санкт-Петербург),

Екатерина Сергеевна Черепанова (докт. филос. наук, профессор, профессор кафедры истории философии, философской антропологии, эстетики и теории культуры, директор Института по переподготовке и повышению квалификации, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург).

ПСИХОЛОГИЯ

Юрий Петрович Зинченко (докт. психол. наук, профессор, акад. РАО, декан факультета психологии, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва),

Милена Валерьевна Балева (докт. психол. наук, доцент, профессор кафедры общей и клинической психологии, Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь),

Наталья Анатольевна Логинова (докт. психол. наук, профессор, профессор кафедры психологии развития и дифференциальной психологии, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург),

Ирина Анатольевна Мироненко (докт. психол. наук, профессор, профессор кафедры психологии личности, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург),

Людмила Александровна Мосунова (докт. психол. наук, профессор, зам. кафедрой издательского дела и редактирования, Вятский государственный гуманитарный университет, Киров),

Александр Октябринович Прохоров (докт. психол. наук, профессор, профессор кафедры общей психологии, Казанский государственный педагогический университет, Казань),

Елена Евгеньевна Сапожникова (докт. психол. наук, профессор, профессор кафедры психологии образования, Московский педагогический государственный университет, Москва).

СОЦИОЛОГИЯ

Ольга Ивановна Бородкина (докт. социол. наук, доцент, профессор кафедры теории и практики социальной работы, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург),

Зинаида Петровна Замараева (докт. социол. наук, профессор, зав. кафедрой социальной работы и конфликтологии, Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь),

Евгения Анатольевна Козай (докт. филос. наук, профессор, зав. кафедрой социологии, Курский государственный университет, Курск),

Наталья Александровна Лебедева-Несеярова (докт. социол. наук, доцент, профессор кафедры социологии, Пермский государственный национальный исследовательский университет, зав. лабораторией методов анализа социальных рисков, Федеральный научный центр медико-профилактических технологий управления рисками здоровья населения, Пермь),

Елена Леонидовна Омельченко (докт. социол. наук, профессор, директор Центра молодежных исследований, профессор Департамента социологии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (филиал), Санкт-Петербург),

Сергей Александрович Судин (докт. социол. наук, доцент, заведующий кафедрой общей социологии и социальной работы, Национальный исследовательский Нижегородский университет им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород).

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Андрей Юрьевич Дудчик (канд. филос. наук, доцент, зам. директора по научной работе НАН Беларусь, Минск, Беларусь),

Александр Алексеевич Строканов (докт. наук, профессор Департамента криминальной юстиции, истории и глобальных исследований, директор Института русского языка, истории и культуры, университет Северного Вермонта-Линдона, Линдонвилл, Вермонт, США),

Дэйрдь Сарвари (доктор философии, директор Bardo Consulting Organizational Development Office, Будапешт, Венгрия),

Джорджио Де Маркис (доктор наук, профессор департамента аудиовизуальных коммуникаций и рекламы, Мадридский университет Комплутенсе, Мадрид, Испания),

Стивен Д. МакДаулл (доктор наук, профессор, директор Школы коммуникации, Университет штата Флорида, Таллахаси, Флорида, США),

Пол Эйткен (доктор наук, альянкт-профессор факультета бизнеса, Университет Бонд, Голд-Кост, Квинсленд, Австралия).

PERM UNIVERSITY HERALD

PHILOSOPHY. PSYCHOLOGY. SOCIOLOGY

2025
Issue 4

ISSN 2078-7898
ISSN online 2686-7532
Scientific peer-reviewed journal
Published 4 times a year

The scientific journal
has been published
by the Perm State University
since 2010

Subjects of articles of the journal reflect scientific interests of experts in the field of socially-humanitarian knowledge. Actual problems of philosophy, psychology and sociology are considered in published materials. Results of empirical researches are also discussed in the articles.

*The periodical is included
in the List of the Higher Attestation
Commission of the Russian Federation
in the following scientific specialties,
for which the articles are received:*

- 5.7.1 Ontology and theory of knowledge
- 5.7.2 History of philosophy
- 5.7.7 Social and Political philosophy
- 5.7.8 Philosophical anthropology, philosophy of culture
- 5.3.1 General psychology, personality psychology, history of psychology
- 5.4.1 Theory, methodology and history of sociology
- 5.4.4 Social structure, social institutions and processes
- 5.4.7 Sociology of management

The periodical is registered
in the Federal Service for Supervision
of Communications, Information Technology,
and Mass Media (Roskomnadzor).

The Mass Media Registration Certificate
ПИ № ФС77-66481, July 14, 2016.

Subscription to the journal
«Perm University Herald».

Philosophy. Psychology. Sociology
is carried out through an agency «Ural Press».
Subscription index — 41011

Address of Editorial Board

Perm State University,
15, Bukirev st., Perm,
Perm Krai, Russia, 614068.

Tel. +7(342) 2396-305.

E-mail: fsf-vestnik@yandex.ru,
fsf-nir@yandex.ru, dekanatsfs@psu.ru

Web-site:

<https://press.psu.ru/index.php/philsoc>

© Perm State University, 2025

EDITORIAL STAFF

Editor-in-Chief

Alexander Yu. Vnukikh (Doctor of Philosophy, Corresponding Member of Russian Academy of Natural History, Professor of the Department of Philosophy, Perm State University, Perm).

Deputy Editor-in-Chief

Alexandra Yu. Bergfeld (Candidate of Psychology, Associate Professor of the Department of General and Clinical Psychology, Perm State University, Perm).

PHILOSOPHY

Natalya I. Beresneva (Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Culturology and Social and Humanitarian Technologies, Perm State University, Perm),

Vladimir N. Zheleznyak (Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Philosophy and Law, Perm National Research Polytechnic University, Perm),

Larisa P. Kiyashchenko (Doctor of Philosophy, Leading Researcher of Institute of Philosophy of Russian Academy of Sciences, Moscow),

Sergey V. Komarov (Doctor of Philosophy, Dean of the Faculty of Philosophy and Sociology, Professor of the Department of Philosophy, Perm State University, Perm),

Leva A. Musaelyan (Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Philosophy, Perm State University, Perm),

Sergey A. Nickolsky (Doctor of Philosophy, Chief Researcher - Head of the Department of Philosophy of Culture, Institute of Philosophy of Russian Academy of Sciences, Moscow),

Sergey V. Orlov (Doctor of Philosophy, Professor of the Section of Philosophy of the Department of History and Philosophy, Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Saint Petersburg),

Ekaterina S. Cherepanova (Doctor of Philosophy, Professor of the Department of History of Philosophy, Philosophical Anthropology, Aesthetics and Theory of Culture, Director of the Institute for Retraining and Advanced Training, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg).

PSYCHOLOGY

Yury P. Zinchenko (Doctor of Psychology, Academician of Russian Academy of Education, Professor, Dean of Psychology Faculty, Lomonosov Moscow State University, Moscow),

Milena V. Baleva (Doctor of Psychology, Professor of the Department of General and Clinical Psychology, Perm State University, Perm),

Natalya A. Loginova (Doctor of Psychology, Professor of the Department of Developmental Psychology, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg),

Irina A. Mironenko (Doctor of Psychology, Professor of the Department of Personality Psychology, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg),

Lyudmila A. Mosunova (Doctor of Psychology, Head of the Department of Publishing and Editing, Vyatka State University of Humanities, Kirov),

Alexander O. Prokhorov (Doctor of Psychology, Professor of the Department of General Psychology, Kazan Federal University, Kazan),

Elena E. Sapogova (Doctor of Psychology, Professor, Professor of the Department of Educational Psychology, Moscow State Pedagogical University, Moscow).

SOCIOLOGY

Olga I. Borodkina (Doctor of Sociology, Professor of the Department of Theory and Practice of Social Work, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg),

Zinaida P. Zamaraeva (Doctor of Sociology, Head of the Department of Social Work and Conflictology, Perm State University, Perm),

Evgeniya A. Kogay (Doctor of Philosophy, Head of the Department of Sociology and Political Science, Kursk State University, Kursk),

Natalya A. Lebedeva-Neseyrya (Doctor of Sociology, Professor of the Department of Sociology, Perm State University, Head of Social Risk Analysis Laboratory, Federal Scientific Center for Medical and Preventive Health Risk Management Technologies, Perm),

Elena L. Omelchenko (Doctor of Sociology, Head of the Centre for Youth Studies, Head of the Department of Sociology, National Research University Higher School of Economics, Saint Petersburg),

Sergey A. Sudjin (Doctor of Sociology, Head of the Department of General Sociology and Social Work, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod).

EDITORIAL BOARD

Andrey Yu. Dudchik (Candidate of Philosophy, Docent, Deputy Director for Science of National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus),

Alexandre A. Strokanov (Ph.D., Professor of Department of Criminal Justice, History and Global Studies, Director of the Institute of the Russian Language, History and Culture, Northern Vermont University – Lyndon, Lyndonville, VT, USA),

Gyorgy Sarvari (Ph.D., Director of Bardo Consulting Organizational Development Office, Budapest, Hungary),

Georgio De Marchis (Ph.D., Professor of the Department of Audiovisual Communication and Advertising, Complutense University of Madrid, Madrid, Spain),

Stefan D. McDowell (Ph.D., H. Phipps Professor of Communication, College of Communication and Information's Associate Dean for Academic Affairs, Florida State University, Tallahassee, FL, USA),

Paul Aitken (Ph.D., Adjunct Professor of the School of Business, Bond University, Gold Coast, QLD, Australia).

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФИЯ / PHILOSOPHY

**ТВОРЧЕСКОЕ СМЫСЛОПОРОЖДЕНИЕ
В МУЛЬТИВЕРСЕ СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ**
(Тематический выпуск)

**CREATIVE GENERATION OF MEANING
IN THE MULTIVERSE
OF CONTEMPORARY CULTURE**
(*Special issue*)

Многообразие форм парадоксальности
в мультиверсальности порождающего
творчества (от редакции)

Киященко Л.П.

487 Variety of forms of paradox
in the multiversity of generative creativity
(an editorial)

Larisa P. Kiyashchenko

Может ли ИИ быть субъектом
творческого смыслопорождения?

Стельмахов Д.А.

498 Can AI be a subject of creative
meaning-making?

Denis A. Stelmakhov

Цифровой соавтор: как ИИ меняет
природу творчества и смысла

Янукович М.Ф.

506 The digital co-author: how AI is reshaping
the nature of creativity and meaning

Maxim F. Yanukovich

Эпистемология смыслопорождения
в мультиверсе знаемого

Бескова И.А.

516 Epistemology of meaning generation
in the multiverse of the known

Irina A. Beskova

Личностный опыт как онтологическая
основа творческого смыслополагания

Филипенок С.А.

527 Personal experience as an ontological basis
of creative sense-making

Stanislava A. Filipenok

Квазиклассичность
как свойство современного
мультиверсального общества

Моркина Ю.С.

535 Quasi-classicism as a property
of the modern multiversal society

Julia S. Morkina

ФИЛОСОФИЯ / PHILOSOPHY

Эскапизм в постметафизическую эпоху

Бакеева Е.В.

543 Escapism in the post-metaphysical era

Elena V. Bakeeva

Проблема цели и предмета
социальной философии

Худякова Н.Л., Внутских А.Ю.

553 The issue of the purpose
and subject of social philosophy

*Natalya L. Khudyakova,
Alexander Yu. Vnutschikh*

Институциональный дизайн
сквозь призму социальной философии:
аналитические рамки
и концептуальные основы

Шаткин М.А.

565 Institutional design through the lens
of social philosophy: analytical framework
and conceptual foundations

Maxim A. Shatkin

Виртуальное и идеальное: проблема соотношения категорий	576	The virtual and the ideal: the problem of the relationship between the categories
<i>Кадочников К.В.</i>		<i>Konstantin V. Kadochnikov</i>

ПСИХОЛОГИЯ / PSYCHOLOGY

Оценка внутренней согласованности и факторной валидности опросника ситуативной и личностной тревожности Ч. Спилбергера	587	Assessment of the internal consistency and factorial validity of Ch. Spielberger's State-Trait Anxiety Inventory
<i>Мерзляков Д.Е.</i>		<i>Dmitry E. Merzlyakov</i>
Современные модели нарциссизма как личностной черты в зарубежной психологии	601	Modern models of narcissism as a personality trait in foreign psychology
<i>Ничепорук Е.В.</i>		<i>Ekaterina V. Nicheporuk</i>

СОЦИОЛОГИЯ / SOCIOLOGY

К вопросу об оценке эффективности управления студенческими спортивными клубами	616	On the effectiveness evaluation of student sports clubs' management
<i>Желинская М.А., Воронцов А.В.</i>		<i>Maryya A. Zhelinskaia, Alexey V. Vorontsov</i>
Наши рецензенты	629	Our reviewers
Информация для авторов	631	Guidelines for English-speaking authors

ФИЛОСОФИЯ**ТВОРЧЕСКОЕ СМЫСЛОПОРОЖДЕНИЕ
В МУЛЬТИВЕРСЕ СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ
(Тематический выпуск)**

УДК 130.2
<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2025-4-487-497>
<https://elibrary.ru/emciyt>

Поступила: 18.10.2025
Принята: 06.11.2025
Опубликована: 26.12.2025

**МНОГООБРАЗИЕ ФОРМ ПАРАДОКСАЛЬНОСТИ
В МУЛЬТИВЕРСАЛЬНОСТИ ПОРОЖДАЮЩЕГО ТВОРЧЕСТВА
(ОТ РЕДАКЦИИ)**

Киященко Лариса Павловна (приглашенный редактор)

Институт философии РАН (Москва)

Настоящая статья открывает раздел, посвященный творческому смыслопорождению в контексте современного культурного мультиверса. В качестве отправной точки рассматривается концепция мультиверсальности, которая понимается как фундаментальная характеристика современной культуры, состоящей из взаимодействующих, но зачастую несоизмеримых смысловых миров. В рамках предложенного подхода творческий процесс предстает как сложная эмерджентная система, а смыслопорождение — как результат рекурсивной обратной связи в гибридной системе «человек – ИИ». В панораме таких представлений ИИ может быть переосмыслен как очеловеченный актант, обладающий агентивностью и выступающий катализатором творчества, удерживающий в программном обеспечении целевые причины программиста — субъекта, ориентированного интенциональной связью с ИИ и сделанным оценочным отбором в его пользу. Смысл рождается не в одном из полюсов, а в интервальном пространстве их диалогического взаимодействия, что знаменует сдвиг от классической модели единоличного автора к распределенной, сетевой субъективности. Таким образом, статья предлагает новую модель реляционно-трансдуктивного творчества, актуальную для осмыслиения творчества и смыслопорождения в условиях постчеловеческого культурного мультиверса, что актуализации трансформации антропоцентризма в эпоху ИИ.

Ключевые слова: мультиверс, трансдисциплинарность, искусственный интеллект, смыслопорождение, со-творчество, субъективность, акторно-сетевая теория, сложность, постгуманизм.

Для цитирования:

Киященко Л.П. Многообразие форм парадоксальности в мультиверсальности порождающего творчества (от редакции) // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2025. Вып. 4. С. 487–497.
<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2025-4-487-497>. EDN: EMCIYT

VARIETY OF FORMS OF PARADOX IN THE MULTIVERSITY OF GENERATIVE CREATIVITY (AN EDITORIAL)

Larisa P. Kiyashchenko (guest editor)

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences (Moscow)

This article opens a section devoted to creative meaning-making in the context of the contemporary cultural multiverse. It takes as the point of departure the concept of *multiversality*, understood as a fundamental characteristic of modern culture, composed of interacting yet often incommensurable worlds of meaning. Within this perspective, creativity emerges as a complex, self-organizing process, and meaning-making — as the outcome of recursive feedback within a hybrid *human – AI* system. AI is reconceived as a non-human actant; it is endowed agency and catalyze creativity. We believe, that AI can hold in software final causes of computer programmer who provides intentionality and evaluative selection. Meaning thus arises not at either pole but within the intervalic space of their dialogical interplay, marking a shift from the classical model of the solitary author to a distributed, networked subjectivity. Thus, the article proposes a new model of relationally transductive creativity that is relevant for understanding creativity and meaning generation in the context of posthuman cultural multiverse, which actualizes the transformation of anthropocentrism in the era of AI.

Keywords: multiverse, transdisciplinarity, artificial intelligence (AI), meaning-making, co-creativity, subjectivity, actor-network theory, complex thought, posthumanism.

To cite:

Kiyashchenko L.P. [Variety of forms of paradox in the multiversity of generative creativity (an editorial)]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psichologija. Sociologija* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2025, issue 4, pp. 487–497 (in Russian), <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2025-4-487-497>, EDN: EMCIYT

Введение: Эпоха мультиверса как новый культурный контекст

Мы рады представить вниманию читателя раздел, посвященный одной из самых актуальных и многогранных тем современной философии, философии науки и культурологии, — творческому смыслопорождению в архитектуре современных представлений о мире. В сложной ризоматической среде, в которой великие нарративы уступили место региональным системам ценностей, а технологии кардинально изменили способы создания и распространения контента, меняется и сама природа творчества сложноорганизованный характер.

Внутренняя противоречивость этого понятия, сочетающего в себе множественность («мульти») и гибкость, способность к адаптации и движению «против» («верс»), задает общий тон исследования, где парадокс рассматривается не

как тупик, а как продуктивное начало и источник развития. Центральной проблемой, на примере которой демонстрируется эвристический потенциал трансдисциплинарного подхода, становится феномен искусственного интеллекта (ИИ) в творческих практиках. Сложность как методологический прием в современном научном дискурсе приобретает очертания феномена предметного рассмотрения. Причиной этого являются повсеместно встречающиеся в современных научных реалиях характеристические черты его ментальной презентации:

— признание нелинейности и многослойности реальности: мир рассматривается не как простая сумма деталей, а как совокупность взаимосвязанных и взаимообусловленных процессов, формирующих сложное целое;

— учет неопределенности и случайности: сложностный подход признает наличие стохастичности, вероятности и невозможности точ-

ного предсказания будущих состояний сложных систем;

– принятие открытости и незавершенности: реальность воспринимается как постоянно развивающаяся, открытая и подверженная постоянным изменениям, что отличает сложный подход от классических детерминированных схем;

– осознание важности самоорганизации и эмерджентности: сложностный подход обращает особое внимание на возникновение новых качеств и свойств в результате взаимодействия элементов системы, не сводимых к свойствам отдельных компонентов [Аршинов В.А., 2024].

Исходя из основополагающей идеи предлагаемого раздела — многообразие форм парадоксальности в мультиверсальности порождающего творчества и из значения самого термина «мультиверс», можно отметить плодотворную внутреннюю противоречивость его тематики. Так приставка «мульти» подразумевает множественность, разнообразие, неоднородность, а корень «версальность» ассоциируется с гибкостью, способностью адаптироваться и действовать в разных направлениях, включая движение смысла «против». Выделенные части слова «мультиверс» образуют сочетание, которое звучит как утверждение возможности одновременного co-существования многочисленных, порой противоположных или несопоставимых качеств. Это создает ситуацию потенциального противоречия, поскольку множественность и наличие разных качеств предполагают невозможность полного единства или однородности. Тем не менее, именно такое внутреннее напряжение и делает термин «мультиверс» интересным и полезным, потому что оно отражает реальный опыт человечества: мы живем в мире, где множество конкурирующих идей, ценностей и образов поведения постоянно находятся в состоянии поиска баланса и динамического взаимодействия, открытия способов разрешающего выражения в уникальности его значимости.

Использование термина мультиверсальное обусловлено важностью принятия множественных позиций, взглядов и опыта, поскольку позволяет учитывать то, насколько по-разному можно подходить к одной и той же проблеме, и обеспечивает условия для конструктивного диалога и совместных действий. Кроме того, в такой формулировке отражается идея эвристичности: отсутствие однозначных истин,

наличие плюрализма трактовок и постоянный процесс адаптации и поиска компромисса делают наши представления о мире богаче и полнее, учитывая его многогранную становящуюся изменчивость.

Внутренняя противоречивость термина «мультиверсальность», не должна восприниматься только негативно. Напротив, она свидетельствует о сложности и глубине нашего отношения к миру. Под мультиверсальностью, как качественном состоянии такого представления о мире, подразумевается признание многообразия форм знания и культурных традиций, каждая из которых имеет право на существование и равнозначность: «Вообще говоря, нет единого мира, но есть множество жизненных и смысловых миров разных людей» [Князева Е.Н., 2022, с. 130]. Отрицая универсальный стандарт или единственную истину, мультиверсальность подчеркивает ценность локальных практик и специфичных культур, с учетом понимания существования общечеловеческих ценностей [Киященко Л.П., 2022б]. Положение мультиверсальности можно перенести и на культуру: она существует не как единая система, а как совокупность взаимодействующих смысловых миров, которые могут быть когнитивно замкнутыми, но при этом быть готовыми к сложностному взаимодействию друг с другом.

В качестве методологического приема сложность подлежит предметному рассмотрению, поскольку в современной науке чрезвычайно широко распространены существенные характеристики ментальной репрезентации этого приема. Так, признается нелинейность и многослойность реальности, которая предстает в качестве сложного целого, не сводимого к свойствам отдельных его компонентов; признается объективное существование случайностей и невозможность точного прогноза в отношении будущего соответствующих систем; реальность признается перманентно развивающейся и открытой.

В связи с таким пониманием реальности, мы предлагаем рассматривать творческий процесс в качестве сложной системы, не сводимой к совокупности ее элементов, а смыслопорождение в качестве продукта рекурсивной обратной связи в системе «человек – ИИ». В таком случае ИИ понимается в качестве «очеловеченного актанта», наделенного агентностью, в качестве

катализатора творческой деятельности. Мы исходим из того, что в соответствующем программном обеспечении могут удерживаться целевые причины человеческого субъекта, связанного с ИИ, сделавшего выбор в его пользу. Смыслопорождение происходит не в каком-то из этих двух полюсов, а в интервальном пространстве диалога ИИ и человека. А это означает формирование распределенной, сетевой субъективности и отказ от классической модели авторства — в пользу новой реляционно-трансдуктивной модели. Именно она востребована при осмыслинии творческой деятельности и смыслопорождения в условиях мультиверса современной культуры, неразрывно связанной с деятельностью искусственного интеллекта и трансформирующей традиционные принципы антропоцентризма.

Трансдисциплинарность: язык и принципы навигации в сложности

Ответом на вызовы мультиверсального мира становится трансдисциплинарность, для которой характерны критика ограниченности монодисциплинарного подхода и отказ от упрощенных схем в пользу признания сложной природы реальности, для постижения которой требуется соответствующий арсенал познавательных и практических средств. В конечном счете, трансдисциплинарный подход позволяет формировать комплексное видение мира, способное учесть разнообразие и породить интегральное знание, основанное на признании равной значимости каждого региона бытия в реальности. Однако, при всей справедливости этих констатирующих утверждений, каждое из них содержит *инвариантную* вопросительную парадоксальность, которая множится различными *вариантами* выражений в зависимости от степени готовности фрагмента исследуемой реальности к изменению, развитию. Дело в том, что представление о «мультиверсе», пришедшее из теоретической физики, сегодня обретает мощное эвристическое значение в гуманитарных науках, сохраняя структурообразующий потенциал, сочетающий ситуационно обусловленное как единством множественного, так и множественностью единства в рассматриваемой реальности. Указанные конфигурации в представлениях, дополняя друг друга, описывают фундаментальную фрагментацию культурного ланд-

шафта на сосуществующие, порой несоизмеримые, парадоксальные «смысловые миры», переформатируя онтологическую предметность в сложностном измерении. Речь идет о способах измерения более тонких форм человеко-машинного сотрудничества и коэволюции, а именно обращать внимание на взаимную конституцию человеческих и технических сущностей посредством эмерджентных алгоритмов и их рекурсивного взаимодействия [Аршинов В.А., 2024, с. 73].

Инициируется к рассмотрению следующая парадоксальная ситуация: с одной стороны, феномен сложности признается одним из самых ярких символов познания человека, с другой — существует пробел в области исследований, посвященных поиску ответа на вопрос, почему именно сложность возведена в ранг «объяснения всего». Напрашивается вывод о необходимости обоснования перехода от сложности как методологического постулата, к сложности как предмету исследования [Асмолов А.Г. и др., 2020]. Тем самым предлагается перспектива не впасть, а войти в парадокс на что способна как раз предельно ответственная — логичная — мысль, принимающая всерьез свои изречения, слушающая, что говорит, задумывающаяся о том, как она думает, замечающая свое участие, присутствие в мыслимом, озадачивающаяся собой в целом — это осознанный ход в ситуацию парадокса самореферентности, установления соединяющей границы между противоречивыми утверждениями. Греческое слово подсказывает, что пара-докс выявляет и ставит под вопрос формы (само)мнения мысли («доксы»), формы мнимой само-свой-разумеемости, в которой скрываются вещи [Ахутин А.В., 2005].

В этой зоне ответственности существенную роль может сыграть трансдисциплинарный язык в установлении взаимопонимания и сотрудничества между различными научными дисциплинами и областями знания (включая язык повседневности и еще не родившийся, а только ожидаемый язык, взыскиемый недостаточностью имеющимся). Язык трансдисциплинарности обозначает общий способ коммуникации, позволяющий ученым разных направлений обмениваться информацией и взаимодействовать друг с другом, несмотря на различия в профессиональной лексике, методологии и мировоззрении [Киященко Л.П., 2022а].

Ключевая роль трансдисциплинарного языка раскрывается в нескольких взаимосвязанных функциях, образующих целостный механизм научной коммуникации. Прежде всего, он обеспечивает базовое взаимопонимание между специалистами разных областей, позволяя преодолевать терминологические барьеры и схватывать суть концепций из смежных дисциплин. Это особенно важно в междисциплинарных исследованиях, где сама возможность диалога знаменует начало совместной проблематизации. Более существенным следствием становится создание общего концептуального пространства — своеобразного эпистемологического поля, в котором общие категории и понятия связывают дисциплины и становятся точками кристаллизации нового знания. В этом пространстве естественным образом смягчаются конфликты интерпретаций, неизбежно возникающие при столкновении разных профессиональных языков. Хотя трансдисциплинарный язык не гарантирует полного разрешения разногласий, но он создает условия для их продуктивного обсуждения, переводя диалог из плоскости терминологических споров в содержательную дискуссию.

Особенно плодотворно это оказывается на инновационном процессе: необходимость смотреть на проблему через призму чужих парадигм и находить общий язык стимулирует рождение неочевидных решений. Постепенно формируется и новая научная культура, где владение таким языком междисциплинарного общения, часто опирающимся на язык повседневности, становится нормой профессиональной компетентности.

Цель трансдисциплинарного подхода — создать универсальный взгляд на природу реальности в *данное время и место*, рассматриваемой с позиций множества известных наук одновременно, но при удержании связи с той проблемной зоной в жизненном мире, которая инициировала выход на трансдисциплинарное измерение случившегося события, поставив до этого под вопрос существовавшие дисциплинарные способы решения. Трансдисциплинарное направление мысли и практики ориентировано на создание интегративных моделей, позволяющих рассматривать реальность с единой позиции на множественность ее парадоксальных проявлений, решая традиционную фило-

софскую проблему противоречия единого и многого [Киященко Л.П., 2016].

Парадоксальные ситуации возникают тогда, когда сталкиваются взаимоисключающие утверждения, каждое из которых кажется верным в своей собственной области. Это служит сигналом о том, что привычные категории и подходы больше не работают и требуют переосмысления. Разрешение подобного конфликта возможно только путем перехода на новый уровень анализа, учитывающий оба аспекта одновременно. Можно сказать, что когда система (будь то теория, культура или творческий процесс) сталкивается с парадоксом, она оказывается в точке бифуркации, требующей качественного скачка. История науки демонстрирует, что парадоксы и противоречия (как, например, кризис оснований физики на рубеже XIX–XX вв.) служили катализатором, приводившим к смене исследовательских парадигм. Одним из наиболее продуктивных способов разрешения такого напряжения является переход на новый уровень абстракции — создание более общей концептуальной рамки, которая не отвергает противоположные тезисы, а включает их в себя как частные случаи. Сегодня трансдисциплинарность становится практическим инструментом для принятия парадокса как источника развития, множественных, мультиверсальных представлений о мире, в котором человек пребывает. Идея мультиверса, возникшая в космологии, сегодня становится междисциплинарным понятием «и демонстрирует свою эвристичность далеко за пределами естествознания» [Князева Е.Н., 2022, с. 122]. В культурной перспективе мультиверс позволяет осмыслить множественность сообществ, практик и ценностей как сосуществование различных «смысло-вых миров». Е.Н. Князева подчеркивает: «Миры жизни, восприятия и действия живых организмов — это смысловые миры. Семиозис создает умельты¹...» [Князева Е.Н., 2022, с. 130]. Это положение можно перенести и на культуру: она существует не как единая система, а как совокупность взаимодействующих смысловых миров, которые могут быть когнитивно замкнутыми, но при этом вступают во взаимодействие. В этом контексте появление ИИ как

¹ От нем. Umwel — жизненный мир.

мощной силы в творческих практиках представляет серьезный философский и культурный вызов. Системы ИИ, обученные на огромном объеме оцифрованной человеческой культуры, действуют как демон Лапласа: с одной стороны, они способны комбинировать и воспроизвести все предшествующие формы смысла, с другой — у них отсутствуют сознание, жизненный опыт и собственные намерения, которые мы обычно считаем необходимыми для порождения смысла. Как же машина может участвовать в создании смысла? Парадокс ситуации очевиден. Для его преодоления требуется выход за рамки укоренившегося дуализма «человек – инструмент», или в более широком смысле «естественное – искусственное», что неизбежно выводит рассуждение в русло междисциплинарных и трансдисциплинарных исследований на встречу множественных проблематизаций в способах выражения коллизий единства множественного и множественности единства в интервале взаимообращаемости выделенных оппозиций [Киященко Л.П., 2016].

Подчеркнем очень важную для нас в данном контексте связь трансдисциплинарности и мультиверсальности. Трансдисциплинарность и мультиверсальность дополняют друг друга следующим образом:

– *Интеграция уровней.* Трансдисциплинарность обеспечивает горизонтальное соединение дисциплин, тогда как мультиверсальность добавляет вертикальное измерение, связанное с культурой и ценностными ориентациями, выстраивая иерархическое подобие органической сопряженности.

– *Многомерность восприятия.* Совместное применение обоих подходов позволяет увидеть мир как многослойную конструкцию, состоящую из множества взаимозависимых компонентов, помогающую отслеживать между ними относительную автономию, скрепляющую всю структуру в целом.

– *Преодоление ограниченности монодисциплинарного подхода.* Оба подчеркивают необходимость отхода от упрощенных схем объяснения и учета сложной природы реальности, требующей соответствующего арсенала познавательных и практических средств, для решения возникающих проблем.

Таким образом, связь между трансдисциплинарностью и мультиверсальностью проявляется

в способности создавать комплексное видение мира, учитывать разнообразие культур и дисциплин и формировать интегральное знание, основанное на признании равенства и значимости каждого отдельного фрагмента реальности.

Основные функции трансдисциплинарного языка можно свести к нескольким позициям.

– *Обеспечение понимания.* Трансдисциплинарный язык помогает специалистам различных областей понимать идеи и концепции коллег из смежных дисциплин. Это особенно важно в междисциплинарных исследованиях, где ученые объединяют усилия для решения сложных проблем, помечая начало взаимопонимания как обозначение становления самой проблематизации.

– *Создание общего концептуального пространства.* Общие понятия и категории помогают сформировать единое пространство взаимодействия, облегчая интеграцию результатов исследований из разных наук. Например, концепция устойчивого развития объединяет экологию, экономику и социальные науки, намечая подвижные мосты-связи между ними, как уникальные моменты сотворения.

– *Разрешение конфликтов интерпретаций.* Часто специалисты разных отраслей воспринимают одни и те же явления по-разному, выражая их на своем дисциплинарном языке. Использование универсальных, общенаучных понятий позволяет избежать недопонимания и устранить известные разногласия лишь в известной мере. Разрешение конфликтов и противоречивых суждений в данном случае говорит лишь о возможности и необходимости заняться поисками их решения.

– *Стимулирование инноваций.* Междисциплинарные исследования часто приводят к появлению новых идей и подходов, поскольку ученым приходится смотреть на проблему с точки зрения других научных парадигм. Общение на трансдисциплинарном языке способствует рождению оригинальных решений, поскольку речь осваивает обновленные или совсем новые регионы бытия.

– *Формирование научной культуры.* Умение мыслить и говорить на языке, доступном представителям разных специальностей, становится важным элементом профессиональной компетентности современного ученого, часто в диалоге в качестве эсперанто используя язык повседневности.

Таким образом, трансдисциплинарный язык служит мощным инструментом интеграции научного сообщества, позволяя преодолевать барьеры, разделяющие отдельные дисциплины, и содействуя развитию комплексных подходов к решению глобальных проблем современности. Здесь речь идет не столько о взаимодействии существующих наук, сколько о формировании совершенно иной перспективы, включающей элементы множества наук и философии. Трансдисциплинарность формирует универсальное понимание реальности в конкретных пространственно-временных координатах, реальности, рассматриваемой одновременно с позиций разных наук при удержании связи с той проблемой, которая, в силу неэффективности традиционных дисциплинарных подходов, и индуцировала трансдисциплинарное видение. Это видение приводит к формированию моделей, которые позволяют рассматривать «множественную» реальность с единой — но отнюдь не принуждающей, «исключительной» — позиции. Доминантой указанного направления является наработка опыта преодоления границ традиционных дисциплинарных рамок путем формирования новой картины мира. Примером такого подхода может служить философия холизма, утверждающая единство природы и ее частей, а также теория хаоса, используемая как в физике, так и в биологии и экономике.

Смыслопорождение в со-творчестве человека и ИИ

На примере совместных творческих практик человека и ИИ мы рассмотрим проблему творческого смыслопорождения и проверим эвристический потенциал трансдисциплинарного подхода. Эта конкретная область как нельзя лучше обнажает классические парадоксы авторства и сознания, требуя для их разрешения выхода за рамки традиционных дисциплинарных методов. ИИ оказывается способным, с одной стороны, воспроизводить и комбинировать все предшествующие смыслы, созданные как человеком, так и другим ИИ. С другой стороны, ИИ явно не обладает сознанием в человеческом смысле. Вместе с тем, справедливым представляется утверждение о том, что ИИ *участвует* в создании смысла. Решение этого парадокса видится в отказе от бинарных оппозиций вроде «человек — инструмент», или

«естественное — искусственное» и выходе в перспективу трансдисциплинарного исследования. Представляется, что в современных условиях это и есть тот самый «переход на высший уровень», который «снимает» (Гегель) исходное противоречие, открывая путь к новой онтологии творчества по типу включенного третьего, опираясь на исходное противоречие.

Принципы Эдгара Морена оказываются здесь особенно подходящими для описания со-творческой динамики смыслопорождения. Диалог (конфликт и взаимодействие разных начал), рекурсия (взаимогенерация причин и следствий) и голографический принцип (целое существует в каждой части) [Морен Э., 2021, с. 162] позволяют рассматривать совместное творчество человека и ИИ как сложную эмерджентную систему, в которой ключевым моментом является процесс (вместо привычного нам результата).

Процесс действительно рекурсивен: выход ИИ (сгенерированный контент) становится входом для следующего шага (интерпретации и доработки человеком).

Вопрос в данном контексте смещается: не «может ли ИИ быть субъектом смыслобразования сам по себе», а «как смысл возникает в процессе их взаимодействия». Деятельность ИИ связана с генеративным ограничением: он раскрывает общирное, но ограниченное поле возможностей, одновременно стимулируя и упорядочивая человеческое творчество. Роль человека заключается в сознательном оценочном отборе и целенаправленном обрамлении: человек задает цель, определяет контекст и придает создаваемым ИИ результатам смысл. Поэтому они вносят в процесс разный вклад: человек задает интенцию и цель, обеспечивает контекст и оценивает результаты, а ИИ расширяет поле возможностей, выявляет неожиданные сочетания и предлагает новые перспективы относительно нашего культурного наследия. Вместе они образуют гибридный субъект смыслопорождения, смещая акцент с классического образа единоличного автора на распределенный коллективный процесс.

В этой системе ИИ выступает мощным катализатором дистанцирования. Обрабатывая и комбинируя культурные тропы через свою нечеловеческую призму, он делает знакомое чужим, выявляет скрытые закономерности и создает

неожиданные сочетания, разрывая привычные когнитивные шаблоны человека. Это открывает новые эстетические пространства. Человек же, направляя и интерпретируя результаты ИИ, придает им мирской контекст и интенциональность, «приручая» эксцентричные творения машины обратно в сферу человеческого дискурса, при этом обогащая их новыми формами.

Такой взгляд позволяет перейти к анализу целой экосистемы творчества — системы, включающей человека, ИИ, обучающие данные (культурное наследие), программные интерфейсы и аудиторию. В соответствии с наблюдаемой коэволюционной динамикой человеческое и искусственное в творчестве становится взаимоконститутивным. Смысл не возникает в ИИ в изоляции, но и без ИИ он не может появиться полностью. Он формируется в промежуточном пространстве диалога, что подчеркивает распределенную природу творчества в постчеловеческом, мультиверсальном состоянии.

О содержании раздела

Уважаемые читатели,

мы рады представить вашему вниманию раздел, посвященный одной из самых актуальных и многогранных тем современной философии и культурологии, — творческому смыслопорождению. Понятие «мультиверс», пришедшее из теоретической физики, сегодня обретает мощное эвристическое значение в гуманитарных науках. Оно описывает не просто многообразие мнений, а фундаментальную фрагментацию культурного ландшафта на существующие, порой несоизмеримые, «смысловые миры». В этой сложной, ризоматической среде, где великие нарративы уступили место локальным системам ценностей, а технологии кардинально изменили способы создания и распространения контента, меняется и сама природа творчества. Авторы данного раздела с разных методологических позиций исследуют, как в этом новом мультиверсе рождаются смыслы и кто или что выступает их субъектом.

Открывают раздел две статьи, посвященные философскому осмыслению роли искусственного интеллекта в творческих практиках. Д.А. Стельмахов в своей работе «Может ли ИИ быть субъектом творческого смыслопорождения?» [Стельмахов Д.А., 2025] ставит центральный парадокс: ИИ, функционируя как

«демон Лапласа» культуры, хранит в себе всю совокупность человеческих смыслов, но при этом лишен сознания и интенциональности. Опираясь на сложностное мышление Эдгара Морена и акторно-сетевую теорию Бруно Латура, автор предлагает выйти за рамки дилеммы «человек-творец против инструмента». Смысл, по его мнению, рождается не в человеке или машине по отдельности, а в рекурсивной обратной связи их взаимодействия. Субъектом смыслопорождения становится гибридная система «человек – ИИ», где машина выступает нечеловеческим актантом, катализируя творческий процесс, а человек обеспечивает интенциональность и оценочный отбор.

Развивая эту тему, М.Ф. Янукович в статье «Цифровой соавтор: Как ИИ меняет природу творчества и смысла» [Янукович М.Ф., 2025] рассматривает эволюцию ИИ от пассивного инструмента к активному «соавтору». Автор анализирует культурную мультивселенную как пост-нarrативную среду, где смысл активно конструируется через ремикс-культуру под влиянием «алгоритмической феноменологии». В этом контексте ИИ становится полноценным собеседником, порождая новую парадигму «диалогического створчества». Статья глубоко исследует философские последствия этого симбиоза: парадокс творческой инфляции, угрозу «семантического коллапса» из-за алгоритмического контроля и кризис аутентичности, вызванный «разрывом интенциональности» между человеком и машиной.

От индивидуального акта к коллективному смыслопорождению нас ведет статья И.А. Бесковой «Эпистемология смыслопорождения в мультиверсе знаемого» [Бескова И.А., 2025]. Автор исследует, как в процессе групповой творческой активности множество изолированных «универсумов» индивидуального знания преобразуются в «мультиверс» коллективно знаемого. Этот переход описывается через метафору смены «корпускулярного» модуса сознания на «волновой», что позволяет растворить ментальные ограничения и осуществить трансгрессию — скачок за пределы исходно возможного. Опираясь на концепт «Ва» Икудзири Нонаки, Бескова показывает, как особая атмосфера доверия и вовлеченности способствует рождению эмерджентной новизны, в ко-

торой субъектность каждого участника преображается в общем творческом потоке.

Двигаясь в потоке совместности через взаимодействие субъективных реальностей и культурных паттернов, рождается индивидуальное творчество, отмечает С.А. Филипенок в статье «Личностный опыт как онтологическая основа творческого смыслополагания» [Филипенок С.А., 2025]. При этом механизmom воплощения культурных моделей служит аналогизирующая схематизация, опирающаяся на случайные жизненные события через общую ментальную реальность - мультиверс, объединяющую миры личного опыта.

Завершает раздел работа Ю.С. Моркиной «Квазиклассичность как свойство современного мультиверсального общества» [Моркина Ю.С., 2025], предлагающая системно-теоретический взгляд на условия, делающие современное общество столь креативным и лабильным. Автор вводит понятие «квазиклассической системы», в которой, в отличие от классической, некоторые элементы могут не работать на целое или даже быть деструктивными по отношению к нему. Именно эта неполная интегрированность, парадоксальность и наличие внутренних противоречий, по мнению Моркиной, обеспечивают современному обществу его динамизм, способность к быстрым инновациям и мультиверсальность. Таким образом, творческий потенциал современной культуры оказывается неразрывно связан с самой ее квазиклассической, нестабильной природой.

В совокупности статьи этого раздела представляют собой многогранное исследование феномена творчества в XXI в. Они показывают, что субъект смыслопорождения становится все более распределенным — будь то гибрид «человек–машина», творческий коллектив или само парадоксальное устройство общества. Мы надеемся, что предложенные концептуальные подходы откроют новые перспективы для дальнейших дискуссий и помогут лучше понять природу смысла в нашем сложном и постоянно меняющемся мире.

Выводы

На основе представленных статей можно сделать вывод о глубоком трансформационном потенциале сочетаемости искусственного интеллекта (ИИ) и человеческого сознания, а

также о креативных возможностях такого взаимодействия в современной мультиверсальной культуре.

Во-первых, центральный тезис нескольких авторов состоит в преодолении упрощенной дилеммы «человек против машины». Д.А. Стельмахов убедительно показывает, что истинное творческое смыслопорождение не происходит ни от ИИ, ни от человека в изоляции, но рождается в рекурсивной обратной связи их взаимодействия, формируя гибридную систему «человек – ИИ». В этой системе ИИ выступает как катализатор и «нечеловеческий актант», генерирующий обширное «пространство возможностей», неожиданные комбинации и переосмысление культурных тропов, а человек привносит интенциональность, контекстуальное ограничение и оценочный отбор.

Во-вторых, М.Ф. Янукович развивает эту идею, утверждая, что ИИ уже эволюционировал из пассивного инструмента в активного «соавтора» и «собеседника», открывая парадигму «диалогического сотворчества». Он описывает, как ИИ производит «эстетику бесконечности», генерируя новые комбинации, которые удивляют человеческих создателей. Этот диалог, требующий «промпт-инженерии» как «герменевтики перспективы», приводит к распределению авторства, выходя за рамки классического гуманистического понимания субъекта. Важно отметить, что человеческая сторона при этом должна развивать «кибернетическую мудрость» и «семантическую устойчивость», чтобы навигировать в мире «генеративного симулякра» и избежать «семантического коллапса».

В-третьих, человеческие возможности и способности к взаимодействию оказываются ключевыми для реализации этого потенциала. И.А. Бескова показывает, что даже в чисто человеческом коллективном творчестве смыслопорождение — это превращение множества изолированных систем индивидуального знания в мультиверс коллективно знаемого, достигаемое через «растворение границ» и отказ от жесткой субъектной идентичности. Эта способность к трансгрессии, принятию идей «другого» как своих, гибкости в упорядочении опыта (метафорически — переход от корпускулярного к волновому модусу сознания) является фундаментальной и может быть распространена на процессуальное взаимодействие с ИИ.

Согласно С.А. Филипенок, индивидуальное творчество рождается как результат взаимодействия субъективных реальностей и культурных паттернов, а также функционирования аналогизирующей схематизации, которая, в свою очередь, базируется на не однозначно детерминированных жизненных событиях, каждое из которых вносит свой вклад в общую ментальную реальность — мультиверс, понимаемый как объединение миров личного опыта.

Наконец, общий контекст современного общества, по мысли Ю.С. Моркиной, сам по себе способствует такой гибридной и распределенной креативности. Мультиверсальность и «квазиклассический» характер общества — его лабильность, наличие элементов, работающих как на систему, так и против нее — обеспечивают невиданное ранее разнообразие взглядов и служат «неиссякаемым источником внешних и внутренних инноваций». Этот нестабильный, динамичный и парадоксальный социум является идеальной средой для расцвета совместного, распределенного творчества человека и ИИ.

Таким образом, статьи подводят к выводу: креативная возможность сочетания ИИ и человеческой разумности заключается не в конкуренции, а в синергетическом симбиозе. ИИ обогащает поле возможностей, ускоряет процессы генерации, деконтекстуализирует привычное, в то время как человеческое сознание придает произведенному смыслу, интенцию, ценность и этический каркас, а также осуществляет необходимый «оценочный отбор» из безграничного потока. Наиболее продуктивная траектория развития творчества видится в культтивировании этого «диалогического сотворчества» и гибридных форм субъективности, что требует как технологического развития, так и глубокого философского и этического переосмысления самих категорий авторства, смысла и бытия в постоянно эволюционирующем культурном мультиверсе.

Список литературы

Ариинов В.И. Трансформация антропоцентризма в эпоху искусственных интеллектов // Наука, человек и перспективы техногенной цивилизации: сб. науч. ст. / отв. ред. В.Г. Буданов и др.; Ин-т философии РАН. Курск. Университетская книга. 2024. С. 70–84.

Асмолов А.Г., Шехтер Е.Д., Черноризов А.М. Сложность как символ познания человека: от по-

стулата к предмету исследования // Вопросы психологии. 2020. № 1. С. 3–18.

Ахутин А.В. Парадоксы культурологии // В перспективе культурологии: повседневность, язык, общество: сб. ст. / отв. ред. О.К. Румянцев; Рос. ин-т культурологии. М.: Академ. проект, 2005, С. 10–47.

Бескова И.А. Эпистемология смыслопорождения в мультиверсе знаемого // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2025. Вып. 4. С. 516–526. DOI: <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2025-4-516-526>

Киященко Л.П. Идея трансверсума — среда порождения смысла в трансдисциплинарном опыте // Філософія освіти. 2016. № 2(19). С. 231–244.

Киященко Л.П. Моделирование семиозиса цифровизации дискурсивных практик (синергично-трансдисциплинарные аспекты) // Антропомерность как вызов и ответ современности: колл. монография / отв. ред. В.Г. Буданов. Курск: Университетская книга, 2022. С. 246–279.

Киященко Л.П. Парадокс целостности человека: критика способности быть // Человек как открытая целостность: монография / отв. ред. Л.П. Киященко, Т.А. Сидорова. Новосибирск: Академиздат, 2022. С. 14–32. DOI: <https://doi.org/10.24412/cl-36976-2022-1-14-32>

Князева Е.Н. Идея мультиверса: междисциплинарная перспектива // Философия науки и техники. 2022. Т. 27, № 2. С. 121–135. DOI: <https://doi.org/10.21146/2413-9084-2022-27-2-121-135>

Морен Э. О сложности / пер. с англ. Я.И. Свирского. 2-е изд. М.: Ин-т общегуманит. исследований, 2021. 284 с.

Моркина Ю.С. Феноменальный характер мышления и проблема субъектности искусственного интеллекта // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2025. Вып. 4. С. 535–542. DOI: <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2025-4-535-542>

Стельмахов Д.А. Может ли ИИ быть субъектом творческого смыслопорождения? // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2025. Вып. 4. С. 498–505. DOI: <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2025-4-498-505>

Филипенок С.А. Личностный опыт как онтологическая основа творческого смыслополагания // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2025. Вып. 4. С. 527–534. DOI: <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2025-4-527-534>

Янукович М.Ф. Цифровой соавтор: как ИИ меняет природу творчества и смысла // Вестник

Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2025. Вып. 4. С. 506–515. DOI: <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2025-4-506-515>

References

- Arshinov, V.I. (2024). [The Transformation of Anthropocentrism in the Age of Artificial Intelligence]. *Nauka, chelovek i perspektivy tekhnogennoy tsivilizatsii: sb. nauch. st., otv. red. V.G. Budanov I dr.* [V.G. Budanov et al.(eds.) Science, man and the prospects of technogenic civilization: collection of scientific articles]. Institute of Philosophy RAS, Kursk: Universitetskaya kniga Publ., pp. 70–84.
- Asmolov, A.G., Shekhter, E.D., Chernorizov, A.M. (2020). [Complexity as a symbol of human cognition: from the postulate to the research object]. *Voprosy Psychologii.* No. 1, pp. 3–18.
- Akhutin, A.V. (2005). [Paradoxes of cultural studies]. *V perspektive kul'turologii: povsednevnost', yazyk, obshchestvo: sb. st., otv. red. O.K. Rumyantsev* [O.K. Rumyantsev (ed.) In the perspective of cultural studies: everyday life, language, society: collection of articles]. Moscow: Akademicheskiy proekt Publ., pp. 10–47.
- Beskova I.A. (2025). [Epistemology of meaning generation in the multiverse of the known]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologiya. Sociologiya* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology]. Iss. 4, pp. 516–526. DOI: <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2025-4-516-526>
- Filipenok S.A. (2025). [Personal experience as an ontological basis of creative sense-making]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologiya. Sociologiya* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology]. Iss. 4, pp. 527–534. DOI: <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2025-4-527-534>
- Kiyashchenko, L.P.(2016). [Idea of transversum as generation of meaning space in transdisciplinary experience]. *Filosofiya osvity* [Philosophy of Education]. No. 2(19), pp. 231–244.
- Kiyashchenko L.P. (2022). [Modeling the semiosis of digitalization of discursive practices (synergistic-transdisciplinary aspects)]. *Antropomernost' kak vyzov i otvet sovremennosti* [Anthropomericity as a challenge and response of modernity]. Kursk: Universitetskaya Kniga Publ., pp. 246–279.
- Kiyashchenko, L.P. (2022). [The paradox of human integrity: a critique of the ability to be]. *Chelovek kak otkrytaya celostnost', otv. red. L.P. Kiyashchenko, T.A. Sidorova* [L.P. Kiyashchenko, T.A. Sidorova (eds.) Man as an open wholeness]. Novosibirsk: Akademizdat Publ., pp. 14–32. DOI: <https://doi.org/10.24412/cl-36976-2022-1-14-32>
- Knyazeva, E.N. (2022). [The idea of the multiverse: an interdisciplinary perspective]. *Filosofiya nauki i tekhniki* [Philosophy of Science and Technology]. Vol. 27, no. 2, pp. 121–135. DOI: <https://doi.org/10.21146/2413-9084-2022-27-2-121-135>
- Morin, E. (2021). *O slozhnostnosti* [On complexity]. 2nd ed. Moscow: Institut obshchegumanitarnykh issledovaniy Publ., 284 p.
- Morkina J.S. [Quasi-classicism as a property of the modern multiversal society]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologiya. Sociologiya* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology]. Iss. 4, pp. 535–542. DOI: <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2025-4-535-542>
- Stelmakhov, D.A. (2025). [Can AI be a subject of creative meaning-making?]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologiya. Sociologiya* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology]. Iss. 4, pp. 498–505. DOI: <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2025-4-498-505>
- Yanukovich M.F. (2025). [The digital co-author: how AI is reshaping the nature of creativity and meaning]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologiya. Sociologiya* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology]. Iss. 4, pp. 506–515. DOI: <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2025-4-506-515>

Об авторе

Киященко Лариса Павловна
доктор философских наук,
ведущий научный сотрудник

Институт философии РАН,
109240, Москва, ул. Гончарная, 12/1;
e-mail: larisakiyashchenko@gmail.com
ResearcherID: J-4925-2018

About the author

Larisa P. Kiyashchenko
Doctor of Philosophy, Leading Researcher

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences,
12/1, Goncharnaya st., Moscow, 109240, Russia;
e-mail: larisakiyashchenko@gmail.com
ResearcherID: J-4925-2018

УДК 1:004.8
<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2025-4-498-505>
<https://elibrary.ru/hniqew>

Поступила: 04.11.2025
Принята: 19.11.2025
Опубликована: 26.12.2025

МОЖЕТ ЛИ ИИ БЫТЬ СУБЪЕКТОМ ТВОРЧЕСКОГО СМЫСЛОПОРОЖДЕНИЯ?

Стельмахов Денис Александрович

*Институт философии РАН (Москва),
Московский авиационный институт (Москва)*

Статья исследует вопрос о том, может ли искусственный интеллект (ИИ) выступать субъектом творческого смыслопорождения, и показывает, что традиционная постановка проблемы основана на ошибочной бинарности («человек VS инструмент» или «естественное VS искусственное»). Автор анализирует феноменологическую критику (Д. Сёрл, Х. Дрейфус), прагматическую концепцию интенциональной установки (Д. Деннет) и постгуманистические подходы (Р. Брайдотти, Д. Харауэй), выявляя ограничения классического гуманистического понимания субъектности. Используя концепции сложностного мышления Э. Морена и акторно-сетевой теории Б. Латура, в статье показано, что творческое действие в условиях ИИ представляет собой рекурсивный, диалогический процесс, распределенный между человеческими и нечеловеческими актантами. ИИ рассматривается не как автономный автор, но как активный генеративный агент, создающий «организующий беспорядок» и перекомбинирующий заложенные в него культурные формы. Человек, в свою очередь, обеспечивает интенциональность, контекст, ценностное суждение и этическую ответственность. В статье используется концепция «гибридного субъекта» — человеко-машинной системы, в которой смысл рождается в промежутке между человеческой интерпретацией и машинной генерацией. Особое внимание уделяется рискам предвзятости, «пролетаризации» навыков (Б. Стиглер) и утрате ремесленного знания в условиях работы с непрозрачными «аппаратами» (В. Флюссер). Доказывается, что вопрос о ИИ как субъекте смыслопорождения некорректен; вместо этого необходимо рассматривать распределенную, сетевую модель авторства и новую онтологию творчества в условиях мультиверсальной постчеловеческой культуры.

Ключевые слова: искусственный интеллект (ИИ), смыслопорождение, творчество, со-творчество, субъектность, гибридный субъект, рекурсивность, акторно-сетевая теория, сложностное мышление, постгуманизм.

Для цитирования:

Стельмахов Д.А. Может ли ИИ быть субъектом творческого смыслопорождения? // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2025. Вып. 4. С. 498–505. <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2025-4-498-505>. EDN: HNIQEW

CAN AI BE A SUBJECT OF CREATIVE MEANING-MAKING?

Denis A. Stelmakhov

*Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences (Moscow),
Moscow Aviation Institute (Moscow)*

The article examines whether artificial intelligence (AI) can function as a subject of creative meaning-making and argues that the traditional formulation of this problem relies on a mistaken binary opposition («human versus tool» or «biological versus artificial»). The author analyzes phenomenological critiques (J. Searle, H. Dreyfus), the pragmatic concept of the intentional stance (D. Dennett), and posthumanist approaches (R. Braidotti, D. Haraway), revealing the limitations of the classical humanist understanding of agency. Drawing on Edgar Morin's complexity thinking and Bruno Latour's actor-network theory, the article shows that creative action in the context of AI is a recursive, dialogical process distributed across human and non-human actants. AI is viewed not as an autonomous author but as an active generative agent that produces «organizing disorder» and recombines the cultural forms encoded within it. Humans, in turn, provide intentionality, contextual framing, evaluative judgment, and ethical responsibility. The article employs the concept of a «hybrid subject» — a human-machine system in which meaning emerges in the interval between human interpretation and machine generation. Particular attention is given to the risks of bias, the «proletarianization» of skills (B. Stiegler), and the loss of craftsmanship in the context of working with opaque «apparatuses» (V. Flusser). The study concludes that the question of AI as a subject of meaning-making is itself incorrect; instead, one must consider a distributed, network-based model of authorship and a new ontology of creativity within a multiversal posthuman culture.

Keywords: artificial intelligence (AI), meaning-making, creativity, co-creation, agency, hybrid subject, recursive loop, actor-network theory, complexity thinking, posthumanism.

To cite:

Stelmakhov D.A. [Can AI be a subject of creative meaning-making?]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologiya. Sociologiya* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2025, issue 4, pp. 498–505 (in Russian), <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2025-4-498-505>, EDN: HNIQEW

Введение

Идея мультиверса, возникшая в космологии, сегодня становится междисциплинарным понятием «и демонстрирует свою эвристичность далеко за пределами естествознания» [Князева Е.Н., 2022, с. 122]. В культурной перспективе мультиверс позволяет осмыслить множественность сообществ, практик и ценностей как сосуществование различных «смысловых миров». Е.Н. Князева подчеркивает: «Мирь жизни, восприятия и действия живых организмов — это смысловые миры. Семиозис создает умельты. [...] Вообще говоря, нет единого мира, но есть множество жизненных и смысловых миров разных людей» [Князева Е.Н., 2022, с. 130]. Это положение можно перенести и на

культуру: она существует не как единая система, а как совокупность взаимодействующих смысловых миров, которые могут быть когнитивно замкнутыми, но при этом вступать во взаимодействие.

В цифровую эпоху эта концепция приобретает особое звучание. Социальные медиа, цифровые платформы и экосистемы, а также алгоритмические «эхо-камеры» активно конструируют и поддерживают эти разрозненные «смысловые миры». Они существуют параллельно, каждый со своим набором истин, ценностей и эстетических кодов. В этом контексте появление искусственного интеллекта (ИИ) как мощной силы в творческих практиках представляет серьезный философский и культурный вызов. Системы ИИ, обученные на огромном объеме оцифрованной

человеческой культуры, действуют как демон Лапласа: с одной стороны, они способны комбинировать и воспроизводить все предшествующие формы смысла, а с другой — у них отсутствуют сознание, жизненный опыт и собственные намерения, которые мы обычно считаем необходимыми для порождения смысла. Как же машина может участвовать в создании смысла? Этот парадокс поляризует дискурс, загоняя его в две тупиковые позиции.

Первая — позиция «ИИ-инструмента». В этой парадигме ИИ — не более чем усовершенствованный молоток или кисть. Он не обладает субъектностью, является пассивным продолжением воли человека. Этот взгляд удобен, но он не способен объяснить эмерджентные и непредсказуемые результаты, которые ИИ привносит в творческий процесс, и то, как он активно трансформирует замыслы творца.

Вторая — позиция «ИИ-конкурента». Это алармистский взгляд, предвещающий «смерть автора» и замену человеческого творчества машинным. Здесь ИИ антропоморфизируется, ему приписывается квази-субъектность, и это ведет к бесплодным спорам о том, «думает» ли машина или «чувствует» ли она [Черкашина О.В., 2025].

Для преодоления данного парадокса требуется выход за рамки укоренившегося дуализма «человек — инструмент», или в более широком смысле «естественное — искусственное».

Философские споры о субъекте и машине

Прежде чем выстроить нашу модель, необходимо обратиться к философскому фундаменту, на котором зиждется сам вопрос о «мыслящей машине». Этот ландшафт определяется тремя ключевыми поворотами: феноменологической критикой, аналитическим pragmatismом и постгуманистической деконструкцией.

Хуберт Дрейфус в своей критике возможностей ИИ опирается на феноменологию Хайдеггера. «Знание» ИИ чисто синтаксическое: мастерское владение формой и корреляцией, лишенное семантического осмысливания. Проблема ИИ, по Дрейфусу, не в том, что у него нет «души», а в том, что у него нет тела. Оно фундаментально воплощенное, ситуативное и контекстуальное [Дрейфус Х., 1978]. Человеческое знание — это не набор фактов, а «схватывание» ситуации, телесное «бытие-в-мире». Машина может «знать», что «Звездная ночь» статисти-

чески ассоциируется с именем Ван Гога, но она никогда не видела ночного неба и не испытывала трепет или страха.

Аргумент Джона Сёрла в его знаменитом мысленном эксперименте «Китайская комната» также достаточно прост и изящен: человек, сидящий в комнате и манипулирующий китайскими иероглифами по книге правил, будет выдавать осмысленные ответы, не понимая при этом ни слова по-китайски [Searle J.R., 1980]. Для Сёрла это доказывает, что ИИ (как и человек в комнате) оперирует чистым синтаксисом, будучи полностью лишенным семантики. У машины нет понимания, нет интенциональности (в феноменологическом смысле). Эти аргументы убедительны для демонстрации того, почему ИИ не может быть субъектом в классическом гуманистическом смысле. Он лишен воплощенности и семантического ядра.

Дэниел Деннет предлагает прагматичный выход. Чтобы понять сложную систему (будь то человек, животное или компьютер), мы можем принять «интенциональную установку» — т.е. мы решаем относиться к ней, как если бы у нее были убеждения, желания и намерения [Деннет Д.К., 2004]. Когда мы говорим, что «компьютер хочет победить меня в шахматы», мы не приписываем ему сознание. Мы используем удобный язык для прогнозирования его поведения. В нашем контексте, творец, работающий с ИИ, неизбежно принимает интенциональную установку: он «просит» ИИ, «спорит» с ним, «удивляется» его находкам. Это не антропоморфизм, а продуктивная рабочая стратегия.

Феноменологическая критика и аналитический подход все еще работают в рамках дуализма «человек VS машина». Постгуманизм же предлагает радикально иной взгляд, который и является ключом к разрешению проблемы. Рози Брайдотти призывает к деконструкции «гуманистического индивида». Творческий процесс становится тем, что она назвала бы новой формой субъективности — трансверсальным ансамблем [Брайдотти Р., 2021] — динамической гибридной сборкой, в которой смысл возникает в сквозном взаимодействии разнородных элементов (в данном случае в рамках системы «человек — ИИ»). Но еще раньше Донна Харауэй в «Манифесте киборгов» провозгласила киборга — гибрид организма и машины — центральной фигурой нашей онтологии [Харауэй Д., 2017]. Киборг разрушает границы между

ду человеком и машиной, естественным и искусственным. Если мы принимаем постгуманистическую оптику, то «гибридный субъект» — это не футуристическая аномалия, а норма нашего существования. Наш «гибридный субъект» («человек – ИИ») — это киборг XXI века, и вопрос не в том, может ли машина быть субъектом, а в том, как конфигурируется новая гибридная субъектность.

Сложностное мышление и акторно-сетевая теория как ключ к парадоксу

Именно для описания этой гибридной, киборгической субъектности нам необходимы инструменты сложностного мышления Эдгара Морена и акторно-сетевой теории Бруно Латура. Как показал Латур, агентность распределена по сетям человеческих и нечеловеческих актантов. Он настаивает на «принципе симметрии»: мы не должны априори считать, что человеческие акторы важнее или реальнее, чем нечеловеческие. Актанты могут включать любое звено, влияющее на процесс. Агентностью обладает все, что заставляет других действовать иначе, меняет ход событий [Латур Б., 2014]. В этом смысле дорожный «лежачий полицейский», светофор или вирус являются актантами. С этой точки зрения ИИ — активный участник, нечеловеческий актант, изменяющий ход творческого процесса.

Но если Латур дает нам онтологию (сеть актантов), то у Морена мы находим динамику (как эта сеть живет и порождает новое). Концепция сложностного мышления предоставляет важнейшие инструменты для ее понимания. Для нашего анализа ключевыми являются три принципа:

1) диалог (конфликт и взаимодействие разных начал). Творчество с ИИ — это диалогика между человеческой семантикой (смыслом) и машинным синтаксисом (формой);

2) рекурсия (взаимогенерация причин и следствий). В творческом акте человек-оператор (причина) создает запрос, ИИ (следствие) выдает результат (продукт). Но этот результат немедленно становится причиной для нового, уточненного запроса, изменяя самого оператора (производителя);

3) голограммический принцип (целое присутствует в каждой части), который позволяет рассматривать совместное творчество человека и ИИ как сложную эмерджентную систему, в ко-

торой ключевым моментом является процесс (вместо привычного нам результата) [Морен Э., 2021, с. 162].

В действительности принцип диалогики можно развить дальше. Для Морена сложностная система питается конфлиktом и неопределенностью. Он настаивает на том, что сложные системы (такие как жизнь или творчество) существуют «на краю хаоса» и нуждаются в «шуме» для своего развития. Именно здесь «нечеловеческая» природа ИИ приобретает решающее значение, когда мы говорим о со-творчестве. ИИ — это генератор «организующего беспорядка». Его ошибки, галлюцинации или статистически неожиданные ходы — это тот самый «шум», который, с точки зрения Морена, является сырьем для создания нового, более высокого уровня организации. В рекурсивной петле «человек – ИИ» человек-актант интерпретирует «шум» машины и превращает его в смысл.

Таким образом, гибридный субъект постоянно использует непредсказуемость ИИ для самоизготовства и порождения нового, эмерджентного смысла. И в этом случае изначальный вопрос о ИИ как субъекте смыслопорождения сменяется на поиск того, как смысл возникает в процессе взаимодействия человека и ИИ.

Природа «знания» ИИ

Первый шаг к деконструкции парадокса смыслопорождения — понять природу «знания» машины. Современные генеративные модели ИИ (большие языковые модели, модели диффузии и пр.) обучаются на беспрецедентных объемах данных о человеческой культуре. Процесс обучения создает многомерную статистическую карту нашего коллективного культурного продукта — огромное скрытое пространство, где каждое слово, изображение и стиль существуют во взаимосвязи. В этом смысле ИИ воплощает операционализированный постмодернизм: он является виртуозом пастиша, сложной рекомбинации и «цитирования без цитирования». Как отмечалось во введении, ИИ действует как демон Лапласа культуры, обладая обширной, хотя и статистической, моделью переданной ему вселенной смыслов.

Когда мы просим ИИ нарисовать кошку в стиле Кандинского, он не «понимает» ни кошку, ни Кандинского. Он находит статистическую середину в этом скрытом пространстве между векторами «кошка» и «стиль Кандин-

ского». Поэтому генерация ИИ — это лишь акт сложного завершения паттерна. Здесь крайне эвристичной оказывается концепция Вилема Флюссера. Он описывает «аппараты» (например, фотоаппарат) как «черные ящики», которые реализуют заложенную в них программу. Человек, использующий аппарат, — «функционер», который играет с программой [Флюссер В., 2025, с. 15–16].

ИИ — это идеальное воплощение такого символического аппарата. Его программа — это его статистическая модель. Его цель — не физический труд, а создание, обработка и хранение символов. Когда «функционер» (пользователь) взаимодействует с ИИ, он не «работает» в индустриальном смысле (как *Homo faber*), а «играет» (как *Homo ludens*). Программа аппарата (статистическая модель ИИ) предлагает конечное, хотя и почти безграничное, число возможностей. Интерес «функционера» сконцентрирован не на мире, а на самом аппарате. Мир (например, «кошка» в запросе) становится лишь предлогом для реализации его возможностей. Если «функционер» просто следует программе (пишет банальные запросы), он получит лишь «среднестатистическое», предсказуемый пастиш. Но творчество (как порождение нового смысла) начинается тогда, когда «функционер» начинает играть против аппарата — использовать его сбои, неточности, пытается «вывести на свет скрытый в нем замысел» [Флюссер В., с. 29], заставив его реализовать ту возможность своей программы, которая еще не была открыта. Он «удивляет» машину, заставляя ее выдавать то, что не было статистически очевидным. Но возникает критический тупик: если ИИ — лишь комбинаторная машина, как он может быть источником чего-то по-настоящему нового? Ответ кроется в смещении единицы анализа. Вместо рассмотрения ИИ в качестве автономной сущности необходимо анализировать человека и машину вместе как единую сложную рекурсивную систему.

Со-творчество как итеративный процесс

Процесс со-творчества представляет собой итеративный диалог: человек формулирует запрос, ИИ генерирует ответ, который человек интерпретирует и на основе которого формулирует следующий, более точный запрос. Подобный обмен похож на игру в пинг-понг: смысл словно шарик перелетает от одного игрока к друго-

му. Шарик не замирает на месте и не является суммой отдельных точек (ударов) — он живет в непрерывном движении между ними. Именно в этом «между» — в самом перелете шарика — формируется смысл, который ни человек, ни машина не могли бы породить поодиночке.

Это и есть рекурсивная петля Морена: выход ИИ (сгенерированный контент) становится входом для следующего шага (интерпретации и доработки человеком). Первоначальная человеческая интенция преобразуется ответом машины и порождает новое, уточненное намерение — очередное направление для подсказки. Так создается петля обратной связи, в которой причина и следствие переплетаются, и каждое становится основой для другого [Морен Э., 2021, с. 162].

Более того, взаимодействие по сути диалогично и включает два вида интеллекта — человеческий и искусственный. Они не столько конкурируют, сколько дополняют друг друга. Человек и ИИ вносят в процесс разный вклад: человек задает вопрос «почему», обеспечивает контекст и ценностное суждение, тогда как ИИ задает вопрос «что», предлагая обширное нейтральное пространство формальных возможностей. Такое постгуманистическое сотрудничество порождает эмерджентный результат, невозможный для любой стороны в одиночку. Вместе они образуют гибридный субъект смыслопорождения, смешавший акцент с классического образа единоличного автора на распределенный коллективный процесс. Аналогично тому, как Вальтер Беньямин в классическом эссе показал, что новые технологии трансформируют категорию искусства [Беньямин В., 1996], ИИ, помимо создания новых объектов, перестраивает сам творческий процесс.

В этой системе ИИ выступает мощным катализатором дистанцирования. Обрабатывая и перекомбинируя культурные тропы через свою нечеловеческую призму, он делает знакомое чужим, выявляет скрытые закономерности и создает неожиданные сочетания, разрывая привычные когнитивные шаблоны человека. Это открывает новые эстетические пространства. Человек же, направляя и интерпретируя результаты ИИ, придает им мирской контекст и интенциональность, «приручая» эксцентричные творения машины обратно в сферу человеческого дискурса, при этом обогащая их новыми формами.

Динамика гибридного смыслопорождения

Вышесказанное подводит к ключевому вопросу: может ли ИИ считаться агентом? Акторно-сетевая теория Бруно Латура дает ответ без антропоморфизма. Согласно этой теории, агентность — не имманентное свойство людей, а характеристика всего, что меняет ход событий. Актанты влияют на процесс [Латур Б., 2014, с. 101]. В строгом смысле ИИ без сомнения является нечеловеческим актантом. В творческой сети он обладает агентностью, но не субъектностью: он активно опосредует, трансформирует и направляет замысел творца. У него нет сознания или желаний, как у человека, но он оказывает реальное, измеримое и зачастую решающее влияние на процесс и результаты творчества. Такая перспектива позволяет обойти тупиковый спор об авторстве. Последний — это реликт гуманистического индивидуализма. Акторно-сетевая теория показывает, что авторство всегда распределено. Ни один автор не является «одиноким гением»; он всегда со-творит с языком, культурой, издателями, технологиями (от пера до компьютера). ИИ — просто новый, но очень активный актант в этой сети.

Однако эта гибридная модель не является утопической. Она несет в себе фундаментальные риски, которые необходимо артикулировать. Наш демон Лапласа обучен на нашей культуре, со всеми ее предрассудками, и если обучающие данные полны дискриминации, расизма или сексизма, то ИИ как «виртуоз пастыши» будет лишь рекомбинировать и усиливать эту предвзятость [Noble S.U., 2018; Харитонова Ю.С. и др., 2021; Талапина Э.В., 2022]. Гибридный субъект рискует стать машиной по производству «среднестатистической» банальности или «среднестатистической» ненависти. Философ Бернар Стиглер [Stiegler B., 2016] рассматривал технологию как фармакон — одновременно яд и лекарство. «Лекарство» ИИ — в расширении наших возможностей. «Яд» — в том, что, делегируя машине знание-как (*savoir-faire*), человек теряет его. Художник, полагающийся на ИИ, рискует превратиться из мастера в «оператора», в «функционера» (по Флюссеру), утратившего собственное ремесло.

«Функционер» владеет аппаратом, поскольку контролирует его внешнюю сторону (*input* и *output*). Он знает, как «начинить аппарат» (ввести промпты) и «добыться от него результата»

(получить генерацию). Но при этом он подчиняется аппарату из-за его непрозрачности [Флюссер В., 2025, с. 30]. Пользователь ИИ «владеет игрой, в которой он не может быть компетентен» [Флюссер В., 2025, с. 35–36]. Именно в этом и кроется риск «пролетаризации», о котором говорит Стиглер. Человек и аппарат у Флюссеера «сливаются в единое целое», образуя «функционера». Но в этом слиянии человек рискует утратить свое знание-как, делегировав его непрозрачному «черному ящику». Он становится мастером интерфейса (входа и выхода), но полностью теряет контроль над внутренним процессом порождения смысла, который теперь принадлежит аппарату.

Эти риски не отменяют модель гибридного субъекта, но показывают, что человеческий актант в этой связке должен брать на себя помимо интенции еще и этическую ответственность, осуществляя критический «оценочный отбор».

Следовательно, вопрос «может ли ИИ быть субъектом?» сам по себе некорректен. Более продуктивно спрашивать: «Какова природа деятельности ИИ в рамках совместного творческого объединения, и как эта деятельность способствует возникновению смысла?» Работа ИИ связана с генеративными рамками: он раскрывает обширное, но в то же время статистически ограниченное поле возможностей, одновременно стимулируя и упорядочивая человеческое творчество. Роль человека заключается в сознательном оценочном отборе и целенаправленном обрамлении: человек задает цель, определяет контекст и придает создаваемым ИИ результатам смысла.

В соответствии с наблюдаемой коэволюционной динамикой, человеческое и искусственное в творчестве становится взаимоконститутивным. Смысл не возникает в ИИ в изоляции, но и без ИИ он не может появиться полностью. Он формируется в промежуточном пространстве диалога, что подчеркивает распределенную природу творчества в постчеловеческом, мультиверсальном состоянии.

Заключение

Исследование вопроса о том, может ли ИИ быть субъектом творческого смыслопорождения, не дает однозначного ответа «да» или «нет». Вместо этого мы приходим к необходимости фундаментального переосмысливания творческой субъектности. Первоначальный па-

радокс — существо, обладающее всей полнотой культурной формы, но лишенное осознанного намерения, — исчезает, когда мы перестаем искать единого человекоподобного автора и вместо этого сосредотачиваемся на динамике гибридной системы.

Как показано выше с позиций сложностного мышления Эдгара Морена и акторно-сетевой теории Бруно Латура, взаимодействие человека и ИИ в творческом процессе представляет собой рекурсивную диалогическую систему. В этой системе смысл рождается в результате итеративной обратной связи между человеческой интенцией и машинной генерацией. ИИ, выступая как современный демон Лапласа, является катализитическим нечеловеческим актантом: его агентивность, генеративная дезориентация и комбинаторные возможности активно формируют траекторию творчества. При этом он не субъект в гуманистическом смысле, а незаменимый агент в распределенной когнитивной сети. Человек-творец обеспечивает ключевые способности к контекстуальному пониманию, целенаправленному ограничению и оценочному суждению, направляя процесс и наполняя машинные результаты человеческим смыслом. Такое понимание выходит за рамки бинарных оппозиций «человек – инструмент», «естественный интеллект – искусственный интеллект» и открывает возможность новой онтологии творчества, где субъектом выступает гибридная система. Однако эта система несет риски дискриминации, предвзятости и «пролетаризации» навыков, а потому требует от человека-актента новой этической и критической позиции.

В конечном счете, расцвет ИИ в творческих практиках не предвещает «смерть автора». Мы становимся свидетелями рождения более сложной сетевой функции авторства. Это влечет за собой призыв к новому эстетическому восприятию, в рамках которого произведения оцениваются не по происхождению от одинокого гения, а через призму динамичного диалога между человеческим сознанием и ИИ, породившими эти произведения. В современной культурной мультивселенной (с которой мы начали), где миры фрактально дробятся, самые глубокие новые смыслы могут возникать не в изоляции, а в сложном рекурсивном взаимодействии между нами и созданными нами моделями.

Список литературы

- Беньямин В.* Произведение искусства в эпоху его технической воспроизведимости: Избранные эссе / пер. с нем. С.А. Ромашко. М.: Медиум, 1996. 240 с.
- Брайдотти Р.* Постчеловек / пер. с англ. Д. Хамис; под ред. В. Данилова. М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2021. 408 с.
- Деннет Д.К.* Виды психики: на пути к пониманию сознания / пер. с англ. А.А. Веретенникова; под общ. ред. Л.Б. Макеевой. М.: Идея-Пресс, 2004. 184 с.
- Дрейфус Х.* Чего не могут вычислительные машины: Критика искусственного разума / пер. с англ. Н. Родман; под общ. ред. Б.В. Бирюкова. М.: Прогресс, 1978. 334 с.
- Князева Е.Н.* Идея мультиверса: междисциплинарная перспектива // Философия науки и техники. 2022. Т. 27, № 2. С. 121–135. DOI: <https://doi.org/10.21146/2413-9084-2022-27-2-121-135>
- Латур Б.* Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию / пер. с англ. И. Полонской; под ред. С. Гавриленко. М.: Изд. дом ВШЭ, 2014. 384 с.
- Морен Э.* О сложностности / пер. с англ. Я.И. Свирского. 2-е изд. М.: Ин-т общегуманит. исследований, 2021. 284 с.
- Талапина Э.В.* Обработка данных при помощи искусственного интеллекта и риски дискриминации // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2022. Т. 15, № 1. С. 4–27. DOI: <https://doi.org/10.17323/2072-8166.2022.1.4.27>
- Флюссер В.* О фотографии / пер. с нем. Г. Хайдаровой и др. 2-е изд. М.: Ad Marginem, 2025. 128 с.
- Харауэй Д.* Манифест киборгов: наука, технология и социалистический феминизм 1980-х / пер. с англ. А.В. Гараджа. М.: Ad Marginem, 2017. 128 с.
- Харитонова Ю.С., Савина В.С., Паньини Ф.* Предвзятость алгоритмов искусственного интеллекта: вопросы этики и права // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2021. Вып. 53. С. 488–515. DOI: <https://doi.org/10.17072/1995-4190-2021-53-488-515>
- Черкашина О.В.* Свобода воли и искусственный интеллект // Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. 2025. № 1. С. 38–49. DOI: <https://doi.org/10.28995/2073-6401-2025-1-38-49>
- Noble S.U.* Algorithms of oppression: How search engines reinforce racism. N.Y.: New York University Press, 2018. 248 p. DOI: <https://doi.org/10.18574/nyu/9781479833641.001.0001>

Searle J.R. Minds, brains, and programs // The Behavioral and Brain Sciences. 1980. Vol. 3, iss. 3. P. 417–424. DOI: <https://doi.org/10.1017/s0140525x00005756>

Stiegler B. Automatic society. Vol. 1: The future of work. Cambridge, UK: Polity Press, 2016. 280 p.

References

- Benjamin, W. (1996). *Proizvedenie iskusstva v epokhu ego tekhnicheskoy vosproizvodimosti: Izbrannye esse* [The work of art in the age of mechanical reproduction. Selected Essays]. Moscow: Medium Publ., 240 p.
- Braidotti, R. (2021). *Postchelovek* [Posthuman]. Moscow: Institut Gaidara Publ., 408 p.
- Cherkashina, O.V. (2025). [Free will and artificial intelligence]. *Vestnik RGGU. Seriya: Filosofiya. Sotsiologiya. Iskusstvovedenie* [RSUH/RGGU Bulletin. Series: Philosophy. Social Studies. Art Studies]. No. 1, pp. 38–49. DOI: <https://doi.org/10.28995/2073-6401-2025-1-38-49>
- Dennett, D.C. (2004). *Vidy psikhiki: na puti k ponimaniyu soznaniya* [Kinds of minds: Towards an understanding of consciousness]. Moscow: Ideya-Press Publ., 184 p.
- Dreyfus, H. (1978). *Chego ne mogut vychislitel'nye mashiny. Kritika iskusstvennogo razuma* [What computers can't do. A critique of artificial reason]. Moscow: Progress Publ., 334 p.
- Flusser, V. (2025). *O fotografii* [Towards a philosophy of photography]. Moscow: Ad Marginem Publ., 128 p.
- Haraway, D. (2017). *Manifest kiborgov: nauka, tekhnologiya i sotsialisticheskiy feminizm 1980-kh* [The cyborg manifesto: Science, Technology, and so-
- cialist-feminism in the late twentieth century]. Moscow: Ad Marginem Publ., 128 p.
- Kharitonova, Yu.S., Savina, V.S. and Pagnini, F. (2021). [Artificial intelligence's algorithmic bias: ethical and legal issues]. *Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki* [Perm University Herald. Juridical Sciences]. Iss. 53, pp. 488–515. DOI: <https://doi.org/10.17072/1995-4190-2021-53-488-515>
- Knyazeva, E.N. (2022). [The idea of the multi-verse: an interdisciplinary perspective]. *Filosofiya nauki i tekhniki* [Philosophy of Science and Technology]. Vol. 27, no. 2, pp. 121–135. DOI: <https://doi.org/10.21146/2413-9084-2022-27-2-121-135>
- Latour, B. (2014). *Peresborka sotsial'nogo: vvedenie v aktorno-setevuyu teoriyu* [Reassembling the social. An introduction to actor-network theory]. Moscow: HSE Publ., 384 p.
- Morin, E. (2021). *O slozhnostnosti* [On complexity]. 2nd ed. Moscow: Institut obshchegumanitarnykh issledovaniy Publ., 284 p.
- Noble, S.U. (2018). *Algorithms of oppression: How search engines reinforce racism*. New York: New York University Press, 248 p. DOI: <https://doi.org/10.18574/nyu/9781479833641.001.0001>
- Searle, J.R. (1980). Minds, brains, and programs. *The Behavioral and Brain Sciences*. Vol. 3, pp. 417–424. DOI: <https://doi.org/10.1017/s0140525x00005756>
- Stiegler, B. (2016). *Automatic society. Vol. 1. The future of work*. Cambridge, UK: Polity Press, 280 p.
- Talapina, E.V. (2022). [Artificial intelligence processing and risks of discrimination]. *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki* [Law. Journal of the Higher School of Economics]. Vol. 15, no. 1, pp. 4–27. DOI: <https://doi.org/10.17323/2072-8166.2022.1.4.27>

Об авторе

Стельмахов Денис Александрович
аспирант,
Институт философии РАН,
109240, Москва, ул. Гончарная, 12/1;

ассистент кафедры философии,
Московский авиационный институт,
125993, Москва, Волоколамское шоссе, 4;

e-mail: denis.stelmakhov@mail.ru
ResearcherID: OVY-6305-2025

About the author

Denis A. Stelmakhov
Postgraduate Student,
Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences,
12/1, Goncharnaya st., Moscow, 109240, Russia;

Assistant Lecturer of the Department of Philosophy,
Moscow Aviation Institute,
4, Volokolamsk Highway, Moscow, 125993, Russia;

e-mail: denis.stelmakhov@mail.ru
ResearcherID: OVY-6305-2025

УДК 100.1:130.2
<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2025-4-506-515>
<https://elibrary.ru/nnahkf>

Поступила: 18.10.2025
 Принята: 06.11.2025
 Опубликована: 26.12.2025

ЦИФРОВОЙ СОАВТОР: КАК ИИ МЕНЯЕТ ПРИРОДУ ТВОРЧЕСТВА И СМЫСЛА

Янукович Максим Францевич

Лаборатория искусственного интеллекта Arteus LLM (Лимассол, Кипр)

Статья исследует фундаментальную трансформацию процессов создания культурных смыслов в современную эпоху, анализируя переход от стабильной культурной вселенной к фрагментированной «мультивселенной» параллельных смысловых миров. Ключевой тезис статьи заключается в том, что генеративный искусственный интеллект (ИИ) эволюционирует из пассивного инструмента в активного «соавтора» и собеседника. Этот сдвиг порождает новую парадигму диалогического сотворчества в tandemе «человек – машина», которая бросает вызов традиционным представлениям об авторстве, аутентичности и самой природе смысла. Структурно работа раскрывает тезис в три этапа. Сперва описывается «анатомия культурной мультивселенной» — постнarrативная среда, где смысл активно конструируется пользователями через ремикс-культуру под влиянием «алгоритмической феноменологии». Далее анализируется появление ИИ как полноценного соавтора, вступающего в диалог с человеком и порождающего новые практики, такие как промпт-инжиниринг, что фундаментально меняет понятие авторства. Наконец, рассматриваются философские последствия этого симбиоза: парадокс творческой инфляции, угроза «семантического коллапса» из-за алгоритмического контроля и кризис аутентичности, вызванный «разрывом интенциональности» между человеком и машиной. В заключении делается вывод, что мы вступаем в новую культурную парадигму, требующую выработки «кибернетической мудрости» и «семантической устойчивости». Будущее творчества видится не как чисто человеческое или машинное, а как сложный, постоянно развивающийся симбиотический процесс, чьи этические, эстетические и экзистенциальные последствия еще только предстоит осмыслить.

Ключевые слова: искусственный интеллект, творчество, соавторство, культурная мультивселенная, цифровая культура, аутентичность.

Для цитирования:

Янукович М.Ф. Цифровой соавтор: как ИИ меняет природу творчества и смысла // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2025. Вып. 4. С. 506–515. <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2025-4-506-515>. EDN: NNAHKF

<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2025-4-506-515>

Received: 18.10.2025
 Accepted: 06.11.2025
 Published: 26.12.2025

THE DIGITAL CO-AUTHOR: HOW AI IS RESHAPING THE NATURE OF CREATIVITY AND MEANING

Maxim F. Yanukovich

Arteus LLM AI Laboratory (Limassol, Cyprus)

This article explores the fundamental transformation of cultural meaning-making processes in the contemporary era, analyzing the transition from a stable cultural universe to a fragmented «multiverse» of parallel

semantic worlds. The key thesis of the article is that generative artificial intelligence (AI) is evolving from a passive tool into an active «co-author» and interlocutor. This shift engenders a new paradigm of «dialogical co-creation» within the human-machine tandem, challenging traditional notions of authorship, authenticity, and the very nature of meaning. Structurally, the paper unfolds this thesis in three stages. First, it describes the «anatomy of the cultural multiverse» — a post-narrative environment where meaning is actively constructed by users through remix culture influenced by «algorithmic phenomenology». Next, it analyzes the emergence of AI as a full-fledged co-author that engages in dialogue with humans and gives rise to new practices like prompt engineering, fundamentally altering the concept of authorship. Finally, it examines the philosophical consequences of this symbiosis: the paradox of creative inflation, the threat of «semantic collapse» due to algorithmic control, and a crisis of authenticity caused by the «intentionality gap» between human and machine. In conclusion, the article argues that we are entering a new cultural paradigm that demands the cultivation of «cybernetic wisdom» and «semantic resilience». The future of creativity is envisioned not as purely human or machine-driven but as a complex, ever-evolving symbiotic process whose ethical, aesthetic, and existential implications have yet to be fully comprehended.

Keywords: artificial intelligence, creativity, co-authorship, cultural multiverse, digital culture, authenticity.

To cite:

Yanukovich M.F. [The digital co-author: how AI is reshaping the nature of creativity and meaning]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psichologija. Sociologija* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2025, issue 4, pp. 506–515 (in Russian), <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2025-4-506-515>, EDN: NNAHKF

Введение. Навигаторы через хаос

Современный культурный ландшафт представляет собой не стабильную вселенную общих значений и нарративов, а эстетические коды и претензии на истину в фрагментированном ландшафте бесчисленных параллельных миров смыслов, каждый из которых имеет свою внутреннюю логику. Этот переход от относительно стабильной культурной вселенной к изменчивой мультивселенной представляет собой не простое умножение точек зрения, а фундаментальное изменение в самих механизмах, посредством которых культурный смысл генерируется, передается и стабилизируется. Если раньше «великие нарративы» — те тотализирующие рамки, которые Лиотар определил как характерные для современности [Лиотар Ж.-Ф., 1998], — обеспечивали, казалось бы, прочную основу для коллективного создания смысла, то теперь мы находимся в поле, которое Делез и Гваттари могли бы признать ризоматическим полем взаимосвязанных, но гетерогенных культурных формаций, каждая из которых сохраняет свою внутреннюю логику, участвуя в более широких сетях семиотического обмена [Делёз Ж., Гваттари Ф., 2010].

Философские последствия этого сдвига выходят далеко за рамки культурных исследований или теории медиа. Они затрагивают фун-

даментальные вопросы, которые занимают философию с момента ее зарождения: какова связь между универсальным и частным? Как мы конструируем значимые нарративы в отсутствие трансцендентных гарантов истины? Эти вопросы приобретают новую актуальность в эпоху, когда искусственный интеллект (ИИ) не только опосредует наши культурные переживания, но и активно участвует в их создании, поднимая новый вопрос: что составляет аутентичное человеческое выражение, когда границы между человеческим и машинным творчеством становятся все более проницаемыми? Современное состояние человечества характеризуется фундаментальным парадоксом: никогда прежде мы не обладали такими мощными инструментами для создания и распространения смысла, но при этом никогда прежде вопрос о том, что составляет подлинный, ценный смысл, не был столь спорным.

В этой статье рассматривается ключевой тезис: искусственный интеллект коренным образом преобразует творческое создание смысла, выходя за рамки своей традиционной роли пассивного инструмента и выступая в качестве соавтора и собеседника. Эта трансформация дает начало новой парадигме — диалогическому сотворчеству в рамках тандема «человек – машина», — которая бросает вызов нашим самым базовым представлениям о творчестве, авторстве и

самой природе смысла. Чтобы обосновать эту идею, мы должны сначала изучить территорию культурной мультивселенной, которая формирует среду современного создания смысла, затем проанализировать появление ИИ как активного участника творческих процессов и, наконец, рассмотреть философские вызовы и перспективы, которые представляет эта новая парадигма.

Анатомия культурной мультивселенной: среда обитания современного человека

Диагноз Жана-Франсуа Лиотара о постмодернистском состоянии, характеризующемся «неверием в метанarrативы», оказался поразительно дальновидным, но в то же время неполным. Грандиозные нарративы — христианство, прогресс Просвещения, марксистский исторический материализм — не просто исчезли, а претерпели любопытную трансформацию [Лиотар Ж.-Ф., 1998]. Они сохраняются не как универсальные рамки, вызывающие всеобщее согласие, а как глубокие ценностные ориентации, которые лежат в основе множества локальных нарративных миров. Каждая идеологическая группа, субкультура или сообщество фанатов создает свою всеобъемлющую систему смыслов, включающую мифы о происхождении, моральные кодексы и телеологические видения. Рассмотрим феномен современных сообществ фанатов, которые выходят за рамки простого потребления развлечений и становятся тотальными системами значений. Преданный член вселенной «Звездных войн» не просто наслаждается нарративом; он обитает в моральном вселенной с четко определенными концепциями добра и зла, жертвы и искупления, власти и ответственности. Эти нарративные миры функционируют как то, что Питер Бергер называл «священным шатром/купалом» (The Sacred Canopy), т.е. всеобъемлющими рамками смысла для интерпретации опыта [Бергер П.Л., 2019]. Однако, в отличие от традиционных священных шатров, они не претендуют на универсальную действительность. Они существуют как острова смысла в архипелаге равноценных альтернатив.

Эта трансформация отражает более глубокий философский сдвиг от того, что мы могли бы назвать «онтологическим монизмом», к «онтологическому плюрализму». Если досовременные и современные мировоззрения

обычно предполагали единую, поддающуюся обнаружению структуру реальности (будь то религиозную или научную), то современная культурная мультивселенная функционирует на основе предположения, что множественные, несоизмеримые реальности могут сосуществовать, не требуя разрешения в более высокое единство. Это не релятивизм в традиционном смысле: каждая вселенная поддерживает внутренние стандарты истины и ценности; это скорее «изолированный абсолютизм», когда абсолютные утверждения действительны в пределах ограниченных областей. Фрагментация единой культурной традиции не привела к пассивному принятию отсутствия смысла, а стала катализатором взрывного роста активных практик создания собственного смысла. Современный субъект стал тем, кого Элвин Тоффлер прозорливо назвал «prosumer» (produces and consumes) — одновременно производителем и потребителем культурного контента [Тоффлер Э., 2004]. Однако это понятие требует философской проработки, выходящей за рамки его первоначальной экономической формулировки. Просьюмер занимается тем, что мы могли бы назвать «герменевтическим бриколажем», собирая смысл из фрагментов уже существующих культурных материалов посредством практики ремиксов, создания мемов и реконструкции нарративов [Серто М. де, 2013].

Философское значение культуры ремиксов выходит за рамки простой рекомбинации существующих элементов. Опираясь на анализ механического воспроизведения Вальтера Беньяминя, мы можем понимать ремикс как практику, которая коренным образом изменяет «ауру» культурных объектов [Беньямин В., 2013]. Однако, в то время как Беньямин считал, что механическое воспроизведение разрушает уникальную ауру оригинала, цифровой ремикс создает то, что можно назвать «синтетической аурой» — новые формы культурного резонанса, возникающие в результате творческой рекомбинации деконтекстуализированных элементов. Мем, сочетающий классическую живопись и современный сленг, не просто сопоставляет два культурных артефакта; он создает новое семантическое пространство, которое комментирует одновременно и то, и другое, не сводясь ни к одному из них. Фан-фикшн представляет собой, пожалуй, наиболее интригующую с

философской точки зрения из этих практик. Он представляет собой то, что Мишель де Серто называл «браконьерством» — тактическое присвоение стратегических культурных ресурсов теми, кто не обладает институциональной властью [Серто М. де, 2013]. Однако фан-фикшн выходит за рамки простого присвоения; он представляет собой форму «нарративной демократии», в которой право определять значение отнимается у оригинальных создателей и распределяется между интерпретирующими сообществами. Когда тысячи фанатов пишут альтернативные концовки популярных сериалов, они не просто выражают свои предпочтения, но и утверждают фундаментальное утверждение о природе нарративного значения: оно заключается не в авторском замысле, а в динамическом взаимодействии между текстом и интерпретационным сообществом.

Распространение практик создания смысла соответствует фундаментальному сдвигу в природе конструирования личной идентичности. Концепция нарративной идентичности Поля Рикера — идея о том, что личная идентичность формируется через историю, которые мы рассказываем о себе, — приобретает новые измерения в цифровой среде [Рикер П., 2008]. Современный субъект не просто рассказывает о своей идентичности, но и курирует ее, выбирая из огромного массива культурных материалов для построения того, что можно назвать «идентичностью плейлиста». Эта кураторская практика осуществляется через «алгоритмическую феноменологию». Цифровые платформы, с помощью которых мы конструируем и выражаем идентичность, не просто хранят наши выборы, но и активно формируют их с помощью алгоритмов рекомендаций, фильтров-пузырей и метрик вовлеченности [Хабермас Ю., 2022]. Таким образом, феноменологическое поле, в котором конструируется идентичность, не является чисто человеческим, а представляет собой гибридное пространство, в котором человеческая интенциональность взаимодействует с машинной логикой. Мы выбираем, но наши выборы предлагаются нам алгоритмами, которые уже сделали предварительный отбор на основе паттернов, которые мы, возможно, не осознаем.

Философские последствия этого явления глубоки. Если Хайдеггер говорил о *Dasein* как о «брошенном» в существование [Хайдеггер М.,

1993], то современный субъект можно охарактеризовать как «брошенный в систему алгоритмов» — брошенный не просто в мир, а в заранее отобранный поднабор возможных миров, выбранных системами машинного обучения, обученными на коллективных моделях поведения. Это поднимает фундаментальные вопросы о свободе воли и аутентичности: может ли идентичность быть аутентичной, если ее составляющие заранее выбраны алгоритмами? Является ли креативность создателей подборки подлинным самовыражением или просто иллюзией выбора в рамках заранее определенных параметров?

Рождение нового соавтора: ИИ как участник генерации смысла

Появление генеративного искусственного интеллекта знаменует качественный скачок в отношениях между человеческим творчеством и техническим посредничеством. Традиционные инструменты, даже самые сложные, сохраняют то, что Хайдеггер называл «готовостью к употреблению» (*«ready-to-hand»*) — при умелом использовании они уходят на второй план, становясь прозрачной функциональностью [Хайдеггер М., 1993]. Кисть становится продолжением руки художника; программа для обработки текстов исчезает за мыслями писателя. Однако генеративный ИИ сопротивляется этому уходу на второй план. Он проявляет то, что можно назвать «упорным присутствием», утверждая себя как активный участник, а не пассивный инструмент.

Эту трансформацию можно понять с помощью акторно-сетевой теории Бруно Латура, которая придает агентность нечеловеческим акторам в сетях отношений [Латур Б., 2014]. Однако генеративный ИИ выходит за рамки даже концепции Латура, демонстрируя то, что кажется творческой агентностью, — способность генерировать действительно новые комбинации, которые удивляют даже их человеческих соавторов. Когда писатель задает вопрос ChatGPT и получает неожиданное направление повествования, или когда художник, работающий с Midjourney, сталкивается с непредвиденным визуальным решением, мы наблюдаем не использование инструмента, а нечто, метафорически напоминающее диалогическую близость «Я — Ты» Мартина Бубера — подлинный диалог, в котором обе стороны преобразуются в

результате обмена [Бубер М., 1993]. Диалогический характер взаимодействия человека и ИИ предполагает новую феноменологию творчества. В традиционных творческих актах художник проецирует свое намерение на пассивный материал — краску на холст, слова на страницу. В творчестве с помощью ИИ намерение сталкивается с «реактивным сопротивлением». ИИ не просто выполняет команды, но интерпретирует, экстраполирует и иногда продуктивно неправильно понимает. Это создает то, что Михаил Бахтин называл «диалогической правдой» — смысл, который возникает не из монологического утверждения, а из взаимодействия между разными голосами, даже если один из голосов является алгоритмическим, а не человеческим [Бахтин М.М., 1979].

Генеративный ИИ вводит «эстетику бесконечности» — способность производить неограниченные вариации в пределах пространства параметров. Это представляет собой фундаментальный разрыв с экономикой дефицита, которая исторически определяла культурное производство. В то время как традиционное творчество было ограничено человеческим временем, энергией и вдохновением, генеративные системы могут производить бесконечные итерации, вариации и рекомбинации. Мы являемся свидетелями появления того, что можно назвать «процессуальной культурой» — культурных форм, которые существуют не как фиксированные артефакты, а как распределения вероятностей в обширных пространствах возможностей. Этот переход от дефицита к изобилию коренным образом меняет феноменологию культурного взаимодействия. Взаимодействуя с контентом, сгенерированным ИИ, мы испытываем «онтологическое головокружение» — тревожное осознание того, что любое конкретное проявление является лишь одной из бесконечных возможностей. Изображение Midjourney предсекают бесчисленные вариации, которые могли бы возникнуть из слегка отличающихся подсказок или случайных исходных данных. Это создает новую форму того, что Деррида называл *diffrance* (дифферанс) [Деррида Ж., 2000] — игру различия и отсрочки, при которой смысл никогда не замыкается в присутствии, а скользит по следам других различий.

Философские последствия распространяются на наше понимание самих культурных ко-

дов. Когда генеративные системы ИИ, такие как ChatGPT или Midjourney, становятся источниками культурного производства, они не просто воспроизводят существующие коды, но и генерируют новые комбинации, которые сами по себе могут стать культурными референциями. Мы наблюдаем появление «эстетики ИИ» — узнаваемых стилистических паттернов, которые характеризуют контент, сгенерированный ИИ, и все больше влияют на человеческих творцов. Это представляет собой форму «машинного бессознательного» — паттерны и предпочтения, заложенные в обучающих данных и архитектурах моделей, которые формируют культурное производство способами, которые могут быть не полностью осознанными ни для человеческих пользователей, ни для разработчиков ИИ.

Практика инженерии подсказок, создание входных данных для получения желаемых результатов от генеративного ИИ представляет собой новую форму герменевтического взаимодействия. В отличие от традиционной интерпретации, которая стремится раскрыть смысл текстов, инженерия подсказок может быть понята как «герменевтика перспективы» — искусство предвидения и направления потенциальных значений, которые еще не существуют. Инженер подсказок занимается тем, что Ганс-Георг Гадамер называл «слиянием горизонтов» [Гадамер Х.-Г., 1988], но с одним важным отличием: один горизонт принадлежит человеку-интерпретатору, а другой — непостижимому алгоритмическому процессу. «Черный ящик» нейронных сетей добавляет к этой герменевтической практике измерение фундаментальной неопределенности. Мы никогда не сможем полностью предсказать или контролировать результаты ИИ, а лишь влиять на их вероятностное распределение. Это коммуникация, контингентный диалог, в котором смысл возникает из пересечения человеческого намерения и алгоритмической случайности. Таким образом, каждое взаимодействие с генеративным ИИ становится тем, что Жак Деррида мог бы признать «событием» [Деррида Ж., 2000] — уникальным, неповторимым появлением смысла, которое невозможно полностью предсказать или контролировать. Эта практика требует новых форм «алгоритмической грамотности» — не технического понимания архитектуры

нейронных сетей, а практической мудрости о том, как продуктивно взаимодействовать с системами ИИ. Подобно древнегреческому понятию «метис» (хитроумный интеллект), промпт-инжиниринг требует гибкого, адаптивного интеллекта, способного работать с непредсказуемостью и через нее. Это представляет собой форму «совместного познания», когда человеческий и машинный интеллект переплетаются, чтобы дать результаты, которых ни один из них не мог бы достичь в одиночку.

Появление ИИ в качестве творческого соавтора ускоряет онтологический кризис авторства [Барт Р., 1994]. Традиционное понятие автора (от лат. *auctor* — инициатор, родоначальник, тот, кто порождает) предполагает наличие единственного, исходного сознания, стоящего за творческими произведениями. Ролан Барт провозгласил «смерть автора», чтобы подчеркнуть роль читателя в создании смысла, но сотрудничество с ИИ предполагает нечто более радикальное: «распределение автора» между человеческими и нечеловеческими агентами. Это распределение ставит под сомнение основы нашего понимания творческого происхождения. Когда человек дает подсказку, а ИИ генерирует сложный нарратив или изображение, где находится авторство? В первоначальном намерении человека? В обучающих данных ИИ, агрегирующих миллионы созданных людьми примеров? В конкретном взаимодействии между подсказкой и моделью? Или в кураторском акте выбора из множества вариантов, сгенерированных ИИ? Этот вопрос не поддается простому решению, поскольку он предполагает традиционное понятие авторства, которое, вероятно, больше не применимо.

Вместо этого нам, возможно, нужно разработать то, что можно назвать «сетевой теорией авторства», в которой творческий процесс понимается как возникающее свойство сложных систем, а не как продукт индивидуальных агентов. Это согласуется с постгуманистическим мышлением, которое децентрализует человеческое действие, но с важным дополнением: признанием того, что создание смысла теперь включает в себя агентов, которые не являются ни полностью человеческими, ни полностью автономными, но существуют в пограничном пространстве между инструментом и соавтором.

Вызовы и перспективы совместного творчества человека и машины

Широкая доступность генеративных инструментов искусственного интеллекта представляет собой фундаментальный парадокс: является ли всеобщий доступ к сложным творческим возможностям демократизацией культуры или ее окончательной девальвацией? С одной стороны, люди, не имеющие традиционного художественного образования, теперь могут создавать сложные изображения, увлекательные нарративы и комплексные музыкальные композиции. Это можно рассматривать как осуществление авангардной мечты об устраниении различия между художником и зрителем, профессионалом и любителем. С другой стороны, эта же доступность вызывает опасения по поводу того, что можно назвать «творческой инфляцией»: когда каждый может создавать контент профессионального качества, теряет ли такой контент свою ценность?

Этот парадокс можно понять с помощью концепции «общей экономики» Жоржа Батая, которая проводит различие между ограничительными экономиками, основанными на дефиците и консервации, и общими экономиками, характеризующимися избытком и расходами. Традиционный мир искусства функционировал как ограничительная экономика, где ценность определялась дефицитом — редким талантом, уникальным видением, незаменимым оригиналом [Батай Ж., 2006]. Творчество, опосредованное ИИ, переводит нас в общую экономику изобилия, где ценность должна быть переосмыслена не с точки зрения дефицита, а, возможно, с точки зрения резонанса, актуальности или отношения к конкретным сообществам. Философская проблема уходит глубже, чем экономическая ценность, и затрагивает то, что Чарльз Тейлор называет «этикой аутентичности» [Taylor Ch., 1992]. Если аутентичное самовыражение было центральной ценностью современной культуры, что происходит, когда это выражение опосредуется системами, обученными на агрегированных выражениях миллионов других людей? Мы сталкиваемся с «парадоксом вспомогательной аутентичности» — возможностью того, что ИИ может помочь людям выражать себя более полно, одновременно унифицируя выражение через статистические закономерности, заложенные в обучающих данных.

Роль ИИ выходит за рамки творческой помощи и может быть охарактеризована как «алгоритмическая опека возможностей». Алгоритмы рекомендаций, метрики вовлеченности и возможности платформы не просто способствуют созданию, но и активно формируют то, что кажется достойным создания. Здесь мы сталкиваемся с тем, что Жиль Делез назвал «обществами контроля» [Делез Ж., 2004] — системами, которые не запрещают явно, а скорее модулируют, действуя посредством постоянной корректировки возможностей, а не дискретных разрешений и запретов. Это алгоритмическое формирование действует через то, что можно назвать «мягким детерминизмом», не навязывая конкретных результатов, но делая некоторые результаты гораздо более вероятными, чем другие. Когда системы ИИ, обученные на существующем контенте, предлагают творческие направления, они неявно кодируют и закрепляют существующие шаблоны, потенциально создавая «культурные рекурсивные петли», когда будущее творчество все больше отражает статистические шаблоны прошлого творчества. Это вызывает призрак того, что Теодор Адорно и Макс Хоркхаймер определили в индустрии культуры — стандартизация, маскирующаяся под новизну, — но с одним важным отличием: стандартизация возникает не из корпоративного планирования, а из математической оптимизации [Хоркхаймер М., Адорно Т., 1997].

Формирование фильтрующих пузырей и эхо-камер приобретает новые измерения, когда ИИ становится не просто посредником, а соавтором контента. Если алгоритмы показывают нам контент, похожий на тот, с которым мы имели дело ранее, и теперь также помогают нам создавать контент, отражающий те же самые шаблоны, мы рискуем столкнуться с «семантическим коллапсом» — прогрессирующим сужением пространства значений, поскольку алгоритмические петли обратной связи усиливают существующие предпочтения и шаблоны. Это представляет собой новую форму «колонизации жизненного мира» Юргена Хабермаса, когда системные императивы (в данном случае алгоритмическая оптимизация) все в большей степени структурируют области создания смысла человеком [Хабермас Ю., 2022].

Теория симулякров Жана Бодрийяра, копий без оригиналов, обретает новую актуальность в

эпоху генеративного ИИ [Бодрийяр Ж., 2015]. Когда ИИ может создавать изображения событий, которые никогда не происходили, истории людей, которые никогда не существовали, и музыку в стиле любого артиста, живого или умершего, мы живем в «генеративном симулякре» — реальности, в которой различие между аутентичным оригиналом и искусственным порождением становится все более бессмысленным. Это не просто симуляция в понимании Бодрийяра, а нечто более радикальное: продуктивная симуляция, которая дополняет реальность, а не просто копирует ее.

Вопрос о том, может ли значение, сгенерированное ИИ, быть «реальным», неверно формулирует проблему. Следуя pragматической философии, мы могли бы утверждать, что значение является реальным, если оно имеет реальные последствия, если оно «трогает» людей, вдохновляет на действия, создает связи [Джеймс У., 1910]. Стихотворение, сгенерированное ИИ, которое вызывает у кого-то слезы, не менее «реально» в своих последствиях, чем стихотворение, написанное человеком. Однако это pragматическое разрешение проблемы аутентичности оставляет нерешенной проблему «разрыва интенциональности» — разрыв между человеческим намерением и машинным генерированием, который никогда не может быть полностью преодолен. Этот разрыв проявляется в «семантической странности» — тонким ощущением, что в контенте, сгенерированном ИИ, что-то не так, даже если он технически совершен. Эта странность может проистекать из того, что феноменологи называют «жизненным опытом» — качеством сознательного опыта от первого лица, которое невозможно воспроизвести с помощью сопоставления шаблонов. Когда мы ощущаем это отсутствие в контенте, сгенерированном ИИ, мы, возможно, обнаруживаем недостаток того, что Эммануэль Левинас называл «лицом» [Левинас Э., 2000] — нередуцируемую инаковость другого сознания, требующую этического признания.

Заключение: Человек и цифровой соавтор: контуры новой культурной парадигмы

Трансформация, которую мы проследили — от стабильной культурной вселенной через фрагментированную мультивселенную к возникающему сотрудничеству человека и машины, —

представляет собой нечто большее, чем технологический сдвиг. Она составляет то, что Томас Кун мог бы признать как смену парадигмы в том, как смысл сам по себе воспринимается и создается [Кун Т., 1977]. Роль человека трансформируется из роли интерпретатора, стремящегося раскрыть уже существующие значения, в роль навигатора и соавтора, участвующего в непрерывном создании смысла в диалоге с человеческими и нечеловеческими акторами. Эта новая парадигма требует того, что можно назвать «кибернетической мудростью» — не просто технических навыков использования инструментов ИИ, но и философской утонченности в понимании природы сотрудничества человека и машины. Она требует способности поддерживать то, что Джон Дьюи называл «интеллектуальным действием», даже когда это действие распределено между человеческими и искусственными агентами [Дьюи Дж., 2000]. Самое главное, это требует «семантической устойчивости» — способности создавать и поддерживать значимые человеческие нарративы, даже когда границы между человеческим и машинным творчеством становятся все более размытыми.

Будущее, к которому мы движемся, не является ни утопическим, ни антиутопическим, но может быть охарактеризовано как «сложностное», отмеченное сосуществованием множественных, несоизмеримых пространств создания смысла [Аршинов В.И., 2015]. В этом будущем вопрос заключается не в том, могут ли машины действительно создавать смысл (они уже это делают в сотрудничестве с людьми), а в том, как мы справляемся с этическими, эстетическими и экзистенциальными вызовами мира, в котором смысл возникает из все более сложных совокупностей человеческих и нечеловеческих агентов.

Философская задача, стоящая перед нами, заключается не в том, чтобы разрешить противоречия между человеческим и машинным творчеством, между аутентичностью и симуляцией, между демократическим доступом и культурной ценностью. Скорее, она заключается в разработке концептуальных рамок, достаточно тонких, чтобы удержать эти противоречия в продуктивном диалоге. Нам нужно то, что Ричард Рорти назвал «переописанием» — новый словарный запас, способный запечатлеть

новые формы опыта и творчества, возникающие в результате сотрудничества человека и искусственного интеллекта [Рорти Р., 1996]. Стоя на этом пороге, мы можем вспомнить наблюдение Хайдеггера о том, что «язык есть дом бытия» [Хайдеггер М., 1993, с. 192]. Если это так, то в настоящее время мы участвуем в огромном архитектурном проекте, строя новые комнаты в этом доме — пространства, где человеческий и искусственный интеллект могут сосуществовать, общаться и совместно творить. Формы, которые примут эти пространства, значения, которые возникнут в них, и формы жизни, которые они позволят создать, остаются радикально открытыми. Одно можно сказать наверняка: творческое создание смысла в будущем не будет ни чисто человеческим, ни чисто искусственным, а будет чем-то беспрецедентным: совместной формой культурного производства, которая бросает вызов нашим самым фундаментальным представлениям о творчестве, сознании и том, что значит быть человеком в мире, превосходящем человеческое.

Это не вывод, а начало — приглашение к философскому размышлению о практиках, которые еще только зарождаются, и полные последствия которых мы едва можем представить. Диалог между человеческим и машинным интеллектом только начался, и его философское осмысление остается задачей для постоянного коллективного размышления. В этой задаче мы все являемся участниками, плавающими по неопределенным водам культурной мультивселенной, где смысл не находится, а постоянно создается и пересоздается в танце между человеческим намерением и алгоритмической возможностью.

Список литературы

Аршинов В.И. Сложностный мир и его наблюдатель. Ч. 1 // Философия, методология и история науки. 2015. № 1. С. 86–99. DOI: <https://doi.org/10.17720/2413-3809.2015.t1.1.a06>

Барт Р. Смерть автора / пер. с фр. С.Н. Зенкина // Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика / сост., общ. ред. Г.К. Косикова. М.: Прогресс, 1989. С. 384–391.

Батай Ж. Проклятая часть: Опыт общей экономии / пер. с фр. А.В. Соловьева // Батай Ж. Проклятая часть. М.: Ладомир, 2006. С. 107–233.

Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества / сост. С.Г. Бочаров. М.: Искусство, 1979. 424 с.

Бенъямин В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизведимости // Беньямин В. Краткая история фотографии / пер. с нем. С.А. Ромашко. М.: Ad Marginem, 2013. С. 60–113.

Бергер П. Л. Священная завеса: Элементы социологической теории религии / пер. с англ. Р. Сафонова. М.: Новое лит. обозрение, 2019. 208 с.

Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции / пер. в фр. А. Качалова. М.: Изд. дом «Постум», 2015. 240 с.

Бубер М. Я и Ты / пер. с нем. Ю.С. Терентьева, Н. Файнгольда. М.: Высш. шк., 1993. 175 с.

Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики / пер. с нем. М.А. Журинской и др.; общ. ред. и вступ. ст. Б.Н. Бессонова. М.: Прогресс, 1988. 704 с.

Делез Ж. Post scriptum к обществам контроля // Делез Ж. Переговоры (1972–1990) / пер. с фр. В.Ю. Быстрова. СПб.: Наука, 2004. С. 226–233.

Делез Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато: Капитализм и шизофрения / пер. с фр. и послесл. Я.И. Свирского. Екатеринбург: У-Фактория; М.: Астрель, 2010. 896 с.

Деррида Ж. О грамматологии / пер. с фр. и вступ. ст. Н.С. Автономовой. М.: Ad Marginem, 2000. 512 с.

Джеймс У. Прагматизм: новое название для некоторых старых методов мышления: популярный лекции по философии / пер. с англ. П.С. Юшкевича с прил. ст. пер. о прагматизме. СПб.: Шиповник, 1910. 244 с.

Дьюи Дж. Демократия и образование / пер. с англ. Ю.И. Турчаниновой и др. М.: Педагогика-Пресс, 2000. 384 с.

Кун Т. Структура научных революций / пер. с англ. И.З. Налетова. М.: Прогресс, 1977. 300 с.

Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию / пер. с англ. И.Н. Полонской; под ред. С.М. Гавриленко. М.: Изд. дом ВШЭ, 2014. 384 с.

Левинас Э. Тотальность и бесконечное / пер. с фр. И.С. Вдовиной // Левинас Э. Избранное. Тотальность и Бесконечное. М.; СПб.: Университетская книга, 2000. С. 66–291.

Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна / пер. с фр. Н.А. Шматко. М.: Ин-т экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 1998. 160 с.

Рикер П. Я-сам как другой / пер. с фр. Б.М. Скуратова. М.: Изд-во гуманит. лит., 2008. 416 с.

Рорти Р. Случайность, ирония, солидарность / пер. с англ. И.В. Хестановой, Р.З. Хестанова. М.: Русское феноменол. об-во, 1996. 282 с.

Серто М. де. Изобретение повседневности.

1. Искусство делать / пер. с фр. Д.Я. Калугина, Н.С. Мовниной. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2013. 330 с.

Тоффлер Э. Третья волна / пер. с англ. К.Ю. Бурмистрова и др.; науч. ред. и предисл. П.С. Гуревича. М.: АСТ, 2004. 784 с.

Хабермас Ю. Теория коммуникативной деятельности. Т. 1–2 / пер. с нем. А.К. Судакова. М.: Весь Мир, 2022. 880 с.

Хайдеггер М. Письмо о гуманизме // Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления / сост. и пер. с нем. В.В. Бибихина. М.: Республика, 1993. С. 192–220.

Хоркхаймер М., Адорно Т. Диалектика Проповедования: философские фрагменты / пер. с нем. М. Кузнецова. М.: Медиум, 1997. 312 с.

Taylor Ch. The ethics of authenticity. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1992. 150 p.

References

Arshinov, V.I. (2015). [Complexity world and its observer. Part 1]. *Filosofiya, metodologiya i istoriya nauki* [Philosophy, Methodology and History of Science]. No. 1, pp. 86–99. DOI: <https://doi.org/10.17720/2413-3809.2015.t1.1.a06>

Bakhtin, M.M. (1979). *Estetika slovesnogo tvorchestva* [The aesthetics of verbal creativity]. Moscow: Iskusstvo Publ., 424 p.

Barthes, R. (1989). [The Death of the Author]. *Bart R. Izbrannye raboty: Semiotika. Poetika* [Bart R. Selected works: Semiotics. Poetics]. Moscow: Progress Publ., pp. 384–391.

Bataille, G. (2006). [The accursed share: An essay on general economy]. *Batay Zh. Proklyataya chast'* [Bataille G. The accursed share]. Moscow.: Ladomir Publ., pp. 107–233.

Baudrillard, J. (2015). *Simulyakry i simulyatsii* [Simulacra and simulations]. Moscow: Postum Publ., 240 p.

Benjamin, W. (2013). [The work of art in the age of mechanical reproduction]. *Ben'jamin V. Kratkaya istoriya fotografii* [Benjamin W. A short history of photography]. Moscow: Ad Marginem Publ., pp. 60–113.

Berger, P.L. (2019). *Svyashchennaya zavesa: elementy sotsiologicheskoy teorii religii* [The sacred canopy: Elements of a sociological theory of religion]. Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie Publ., 208 p.

Buber, M. (1993). *Ya i Ty* [I and Thou]. Moscow: Vysshaya shkola Publ., 175 p.

Certeau, M. de. (2013). *Izobretenie povsednevnosti. 1. Iskusstvo delat'* [The practice of eve-

- ryday life. Part 1]. St. Petersburg: European University Publ., 330 p.
- Deleuze, G. (2004). [Postscript on the societies of control]. *Delez Zh. Peregovory (1972–1990)* [Deleuze G. Negotiations, 1972–1990]. St. Petersburg: Nauka Publ., pp. 226–233.
- Deleuze, G. and Guattari, F. (2010). *Tysyacha plato: Kapitalizm i shizofreniya* [A thousand plateaus. Capitalism and schizophrenia]. Ekaterinburg: U-Faktoriya Publ., Moscow: Astrel' Publ., 896 p.
- Derrida, J. (2000). *O grammatologii* [Of grammatology]. Moscow: Ad Marginem Publ., 512 p.
- Dewey, J. (2000). *Demokratiya i obrazovaniye* [Democracy and education]. Moscow: Pedagogika-Press Publ., 384 p.
- Gadamer, H.-G. (1988). *Istina i metod: Osnovy filosofskoy germenevtiki* [Truth and method]. Moscow: Progress Publ., 704 p.
- Habermas, J. (2013). *Teoriya kommunikativnoy deyatel'nosti. T. 1–2* [The theory of communicative action. Vols. 1–2]. Moscow: Ves' Mir Publ., 880 p.
- Heidegger, M. (1993). [Letter on humanism]. *Khaydegger M. Vremya i bytie: Stat'i i vystupleniya* [Heidegger, M. Time and being: Articles and speeches]. Moscow: Respublika Publ., pp. 192–220.
- Horkheimer, M. and Adorno, T. (1997). *Dialektika Prosvetcheniya: Filosofskie fragmenty* [Dialectic of Enlightenment: philosophical fragments]. Moscow: Medium Publ., 312 p.
- James, W. (1910). *Pragmatizm: novoye nazvaniye dlya nekotorykh starykh metodov myshleniya* [Pragmatism: a new name for some old ways of thinking]. St. Petersburg: Shipovnik Publ., 244 p.
- Kuhn, T. (1977). *Struktura nauchnykh revolyutsiy* [The structure of scientific revolutions]. Moscow: Progress Publ., 300 p.
- Latour, B. (2014). *Peresborka sotsial'nogo: vvedenie v aktorno-setevuyu teoriyu* [Reassembling the social. An introduction to actor-network theory]. Moscow: HSE Publ., 384 p.
- Levinas, E. (2000). [Totality and infinity]. *Levinas E. Izbrannoe. Total'nost' i beskonechnoe* [Levinas E. Selected works. Totality and infinity]. Moscow, St. Petersburg: Universitetskaya kniga Publ., pp. 66–291.
- Lyotard, J.-F. (1998). *Sostoyanie postmoderna* [The postmodern condition: a report on knowledge]. Moscow: Institut Eksperimental'noy Sotsiologii Publ., St. Petersburg: Aleteya Publ., 160 p.
- Ricoeur, P. (2008). *Ya-sam kak drugoy* [Oneself as another]. Moscow: Gumanitarnaya Literatura Publ., 416 p.
- Rorty, R. (1996). *Sluchaynost', ironiya, solidarnost'* [Contingency, irony, and solidarity]. Moscow: Russkoe Fenomenologicheskoe Obschestvo Publ., 282 p.
- Taylor, Ch. (1992). *The ethics of authenticity*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 150 p.
- Toffler, A. (2004). *Tret'ya volna* [The Third Wave]. Moscow: AST Publ., 784 p.

Об авторе

Янукович Максим Францевич

руководитель лаборатории по исследованию прикладного применения машинного обучения и нейронных сетей

Лаборатория искусственного интеллекта
Arteus LLM,
Республика Кипр, 3027, Лимассол, пр. Архиеп.
Макариоса III, 172, Мелфорд Тауэр;
e-mail: m.yanukovich@gmail.com
ResearcherID: KCX-8902-2024

About the author

Maxim F. Yanukovich

Head of the Applied Machine Learning
and Neural Networks Laboratory

Arteus LLM AI Laboratory,
Melford Tower, 172, Arch. Makariou III av.,
Limassol, 3027, Republic of Cyprus;
e-mail: m.yanukovich@gmail.com
ResearcherID: KCX-8902-2024

УДК 130.2:159.9
<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2025-4-516-526>
<https://elibrary.ru/opimtx>

Поступила: 18.10.2025
Принята: 06.11.2025
Опубликована: 26.12.2025

ЭПИСТЕМОЛОГИЯ СМЫСЛОПОРОЖДЕНИЯ В МУЛЬТИВЕРСЕ ЗНАЕМОГО

Бескова Ирина Александровна

Институт философии РАН (Москва)

Творческий акт — явление неординарное как в гносеологическом, так и в когнитивно-личностном отношении. В гносеологическом, — поскольку представляет собой квинтэссенцию ментальных потенций человека. В индивидуально-личностном, — поскольку, принципиально отличаясь от рутинных познавательных процедур и повседневных форматов адресаций отдельной личности к миру, предъявляет требования, выходящие за рамки привычного, по большей части полубессознательного, автоматического функционирования разума. Человек, поглощенный творческой активностью, способен переживать эмоции и состояния того накала, который существенно превосходит повседневно испытываемые. Это подсказывает: аппарат классической, бинарно калиброванной эпистемологии, хорошо работающий, когда человек пребывает в модусе поверхностной вовлеченности в происходящее (достаточном для решения большинства рутинных задач), может оказаться неэффективным для постижения природы творчески реализуемого. В связи с этим возникает вопрос: какие методологические ресурсы необходимо привлечь, чтобы сделать возможным адекватное рассмотрение многомерной стилистики, сложной многовариантности и принципиальной открытости живого творческого процесса во всем богатстве и разнообразии динамик эмерджентной трансформируемости его элементов? Проблема становится еще сложнее, если мы анализируем не изолированно стилистику индивидуального сознания в порождении инновационности, а его сопряженное функционирование в пространстве межличностной коммуникации участников группы, ориентированной на созидание новых смыслов в совместной творческой активности. В статье в контексте идей Икуджиро Нонаки об особой атмосферности, способствующей плодотворному обмену знаниями (концепт *Ba*), показано, как реализуется процесс генерации новизны, выраженный в оптике недуального мировидения. Динамика смыслопорождения представлена как превращение множества изолированных систем индивидуального знания в мультиверс коллективно знаемого. При этом корпускулярный модус функционирования индивидуального сознания сменяется его волновым статусом, вследствие чего растворяются ментальные ограничения, изначально изолировавшие носителей знания. Это делает достижимым осуществление трансгрессии как скачка интеллекта через грань, исходно отделявшую возможное от невозможного в индивидуальной системе смыслов.

Ключевые слова: смысл, методология, целостность, язык, речь, дуальность, недвойственность, групповой интеллект, генерация знания, креативность, творчество.

Для цитирования:

Бескова И.А. Эпистемология смыслопорождения в мультиверсе знаемого // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2025. Вып. 4. С. 516–526. <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2025-4-516-526>.
EDN: OPIMTX

EPISTEMOLOGY OF MEANING GENERATION IN THE MULTIVERSE OF THE KNOWN

Irina A. Beskova

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences (Moscow)

A creative act is an extraordinary phenomenon both in epistemological and in cognitive-personal terms. In epistemological terms, it represents the quintessence of human mental potentials. In the personal aspect, it fundamentally differs from routine cognitive procedures and everyday formats of an individual's addressing to the world and therefore imposes requirements that go beyond the usual, mostly semi-unconscious, automatic functioning of the mind. A person immersed in creative activities is capable of experiencing emotions and states significantly exceeding in their intensity those typically felt. This suggests that the apparatus of classical, binary-calibrated epistemology, which works well when a person is in a mode of superficial engagement with what is happening (sufficient for addressing most routine tasks), may prove ineffective in understanding the nature of creatively realizable ideas. In this regard, the question arises: what methodological resources are necessary to enable an adequate consideration of multidimensional stylistics, complex variability, and the principled openness of the living creative process in all the richness and diversity of the dynamics of emergent transformability of its elements? The problem becomes even more complicated if we analyze not only the stylistics of individual consciousness in the generation of innovativeness but interconnected functioning of the consciousness in the space of interpersonal communication among group participants aimed at creating new meanings in collaborative creative activity. In the context of Ikujiro Nonaka's ideas about a special atmosphere that fosters fruitful knowledge exchange (the *Ba* concept), the paper demonstrates how the process of generating novelty is realized through the lens of non-dual worldview. The dynamics of meaning generation is presented here as the transformation of isolated individual systems of knowledge into a multiverse of collective knowledge. In this process, the corpuscular mode of individual consciousness is replaced by its wave status, as a result of which the mental limitations that initially isolated the bearers of knowledge dissolve. This makes it possible to achieve transgression as a leap of intellect across the boundary that initially separated the possible from the impossible in the individual system of meanings.

Keywords: meaning, methodology, integrity, language, speaking, duality, non-duality, collective intelligence, knowledge generation, creative capacity, creativity.

To cite:

Beskova I.A. [Epistemology of meaning generation in the multiverse of the known]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologiya. Sociologiya* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2025, issue 4, pp. 516–526 (in Russian), <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2025-4-516-526>, EDN: OPIMTX

Введение

Проблема данной статьи может быть сформулирована так: каким образом возможно рассмотрение творческого процесса во всей его сложности, в том числе в межличностной коммуникации участников группы, совместно создающих новые смыслы? Для анализа заявленной проблемы требуется понять, как «комму-

ницирующие вселенные», представленные независимыми индивидами-носителями знания, оказываются вовлечены в сложную динамику генерации новых смыслов, объединяясь в едином процессе преображения универсумов личностного опыта в мультиверсальность генерируемой новизны.

Мультиверсальность в истолковании специфики творческого смыслопорождения, в нашем

понимании, проявляется как потенциал содружества коммуницирующих систем индивидуального знания, соединяющих свои ресурсы в сопряженном усилии созидания инновационности. Получаемый в данной динамике продукт должен удовлетворять не только требованию новизны, но и культурной, социальной, духовной, индивидуально-личностной или практической значимости опыта, представленного в про-дущированных в данном контексте новых смыс-лах (различные аспекты сравнительного анализа значимости новизны и культурной ценности со-зидаемых смыслов исследуются в работах Н.М. Смирновой [Смирнова Н.М., 2017]).

Как полагает Л.П. Киященко, общение, обмен знаниями в коллективе рождает созвучие, способное претворяться в новые смыслы [Киященко Л.П., 2022]. В этом процессе **собственная** мысль индивида, в ходе творческой дис-куссии прозвучавшая из уст *другого* человека и оформленная в соответствии с *его видением*, дает толчок к новому повороту в понимании первого. Подобная сложностная динамика позволяет преодолеть индивиду свои прежние гра-ница и выйти в новое пространство смыслов (концепт «сложность» — исключительно плодотворное понятие теории самоорганизую-щихся систем, введен в научный оборот В.И. Аршиновым [Аршинов В.И., 2015]). В со-обществе единомышленников можно, оставаясь собой, обогащать себя, схватывая собственные отражения в зеркалах мыслей других членов содружества, и в свою очередь отзеркаливая их, давать обратный отклик партнерам по креатив-ной коммуникации [Киященко Л.П., 2022].

На наш взгляд, это чрезвычайно продуктив-ная идея, помогающая понять, почему хорошо организованный и подготовленный обмен мнениями в отвечающем уровню решаемой задачи коллективе способствует расширению соб-ственных границ индивидов с потенциалом по-следующего их преодоления. Важную часть данной динамики составляет следующий про-цесс: воспринимая другие формулировки соб-ственной мысли или давая их самостоятельно в свободном обмене мнениями, человек ассими-лирует новые паттерны упорядочения опыта, которые до этого могли не находиться в арсе-нале его средств мироупорядочения. За счет этого в пространстве когниции формируется новый реестр достижимостей, в контексте ко-

торых то, что казалось прежде невозможным или маловероятным, может оказаться по-новому означенным. Именно такая переоценка знаемого лежит в основе феномена трансгрес-сии как инструмента преодоления границ, раз-деляющих возможное и невозможное в про-странстве знания-мнения субъекта генерируе-мой инновационности.

Кроме того, если каждый участник предла-гает свою картину, свою панораму наполнения культурно-смыслового мультиверса, то в даль-нейшем их совместное продвижение вперед в усилии мозгового штурма решаемой задачи де-лает реализуемым эффект эмерджентного ска-чка понимания проблемной ситуации от уровня отдельных знаний, представленных в его инди-видуированных носителях, в коллективно по-рожденное новое. В этом процессе коммуника-ция самостоятельных независимых универсу-мов знания-мнения превращается в мультивер-сальность коммуникативно рожденного.

Развивая данный подход, можно сказать, что новая формулировка мысли — это, в опреде-ленном смысле, новая мысль. Рождение множе-ства таких переформулированных, переструк-турированных в диалоге мыслей дает возмож-ность:

— вычленять то общее, инвариантное, что оказывается стоящим за множеством похожих, но все же не тождественных высказываний, примерно выражают некий «усредненный» смысл стремящегося стать высказанным, про-явиться замысла;

— расшатывать, раздвигать свои границы, чтобы в этой динамике их в итоге преодолеть, став по-настоящему иным, — ведь только от нового может родиться другое новое.

Если прибегнуть к метафоре корпускулярно-волнового дуализма, можно сказать, что в этой динамике мультиверсальность — в том числе культурная, мировоззренческая, методологиче-ская, языковая, образная, перцептивная, экзи-стенциальная — проявляется как переход из корпускулярного режима функционирования сознания членов решающего творческую зада-чу коллектива в волновой. Это оказывается возможным вследствие добровольного отказа членов группы от фиксированной субъектной идентичности, преодоления ее границ в ис-крепнем стремлении к объединению знания и к новому его порождению. Последнее становится

возможным не вследствие того, что кто-то отдельным специальным усилием эти границы разрушает, а потому что в волновом модусе функционирования разума границ нет, они как категория организации опыта не определены, не заданы на так очерченном пространстве возможного. В подобном преображении субъектности участников коммуникативного взаимодействия в группе, охваченной творческим прорывом (изначально представавших как разноголосные коммуницирующие системы разномасштабных «вселенных» устоявшихся смыслов — явных и неявных знаний, верований, убеждений, заблуждений, разных регистров звучания наличного багажа знаемого), реализуется созвучие начинаящего выбирать в унисон намерения достичь истины в понимании рассматриваемого. Именно эта единая динамика внутренне интендированного тяготения к выпадению познающей системы на атTRACTОР упорядочивающего опыта, уравновешивающего незавершенность проблемной ситуации, — подлинный источник инновационности в генерации новизны. Вероятность такого прорыва оказывается выше в рамках коллектива единомышленников, ощущающих себя объединенными общей творческой задачей.

Смыслопорождение как речепорождение: истоки творческой продуктивности коллектива

«Та же мысль», выраженная другими словами, это, по нашему глубокому убеждению, другая мысль. Вслед за Александром Горнфельдом (ярким представителем Харьковской лингвистической школы рубежа XIX–XX вв.; его идеи находят развитие в работах Ю.С. Моркиной [Моркина Ю.С., 2021]), мы полагаем, что выражение мысли в языке — это не способ «одеть», «причесать» ее, уже «готовую», завершенную в своей индивидуированной определенности, «в одежки» доступного для передачи коммуникативному другому высказывания. Это способ *создать*, *породить* ее как явление мира проявленно сущего, оформленного, актуализировав в универсуме осуществленности (хоть физически, предметно, хоть абстрактно, ментально реализованного). До выражения замысла в речи мы имеем не мысль, а некое недискретное переживание, модальность которого не может быть определена в терминах би-

нарно выражимого «содержание/форма». Обменяться замыслами можно только облекая их в формат мыслей или образов. Значит, первый очевидный бонус научной коммуникации — осуществление перевода замыслов, идей из плоскости ощущаемого, переживаемого смысла в плоскость выраженного, стабилизированного в своей оформленности «предмета» обмена мнениями.

И поскольку, как мы считаем, нет отдельных активностей в виде рождения мысли и ее оформления в речи, а это единый неделимый процесс, где каждая грань деятельности — всего лишь другая ипостась единого процесса генерации новых суждений, поскольку усилие выражения ощущаемого, «до-мысленного» смысла в формате речи, эксплицитного высказывания, и составляет механизм сотворения смысла. И в этом статусе смыслопорождение есть *подлинность* истока речепорождения. Соответственно, уловив содержащийся в переформулировке идей новый смысл, можно выйти за границы себя прежнего, которые и обусловили, предзадали исходное выражение мысли тобой. Эти границы характеризовали тебя как творческую субъектность. Соответственно, их изменение автоматически означает изменение твоей субъектности.

Преодоление индивидуальных границ может быть дополнено темой трансгрессии как усилия, направленного, по сути, на *снятие границы-как-таковой* — разрыва между видящимся возможным и кажущимся невозможным. Возможным — в значении для-тебя-нынешнего достижимым: для тебя со всей твоей ограниченностью, личностной историей генерации знания и пр. Невозможным — в тебе нынешнего не вмещающимся, в статусе потенциально достижимого атTRACTORA твоей устойчивости в данный момент не представленного. И тогда переход между одним и другим: между для-тебя-нынешнего достижимым и для-тебя-нынешнего нереализуемым — становится доступен за счет принятия на себя новых паттернов упорядочения опыта, которыми располагают другие участники процесса. Преодоление персональных границ приводит к тому, что, становясь имперсональным, созвучным пустотности тяготения к истине как а/субстратной динамике, к разрешающему проблемную ситуацию поиску, субъект отказывается от собствен-

ной исходной идентичности, неотделимой от первоначально актуализированных границ. И это облегчает принятие на себя тех упорядочивающих значений/смыслов, источником которых выступает знание/мнение других членов творческого коллектива.

Таким образом, от собственной наработанной и утвердившейся субъектности человек освобождается, ставозвучным пустоте или таинственности внутренней интендированности к порождению нового знания, новых идей. В результате он свободно «примеривает на себя» новые паттерны упорядочения опыта, становясь ими в готовности отождествиться с поступившим извне к нему знанием. Это приводит к тому, что отторжение новых идей как для-тебя-невозможных снимается, и генерация инновационности оказывается более вероятной.

Но какую роль в этом процессе может сыграть философия?

Полагаем, здесь следует говорить о большей ответственности ученых, людей культуры за мировоззренческие постулаты, зачастую неосознанно полагаемые ими в самую сердцевину их верований, убеждений, ценностей. Opinion makers должны быть особенно внимательны к тем основаниям собственных решений, которые затем нередко оказываются заложены в фундамент циркулирующих в сообществе представлений о мире, о человеке, об их соотнесенности, определяя ту картину реальности, которая некритично принимается сообществом как само собой разумеющаяся. Это и есть зона ответственности исследователя, прежде всего, перед самим собой: он должен отдавать себе отчет в степени достоверности фундаментальных оснований собственных представлений о мире (которые потом оказываются встроены в продуктируемую наукой и поддерживаемую культурой картину сущего). Это особенно важно, поскольку установочная позиция исследующего мир разума играет важнейшую роль в процедурах порождения нового знания. Какие в настоящее время существует позиции по этому вопросу?

Некоторые представления о роли философии в генерации нового знания

Например, основатель Франкфуртского института передовых исследований, заведующий кафедрой нейрофизиологии в Институте изучения

мозга им. Макса Планка Вольф Зингер так характеризует главную трудность современных исследований сознания: «Что мы получаем, показав, что нейронный коррелят сознания есть особое метастабильное состояние очень сложной, высоко динамичной, нестационарно распределенной системы — состояние, характеризуемое постоянно изменяющимся паттерном высокосинхронных колебаний?» [Метцингер Т., 2017, с. 94] И сам же отвечает на поставленный вопрос, давая неутешительный прогноз: «Даже если мы получим точное описание нейронных состояний, при которых возникает сознание, это еще не объяснит, каким образом паттерны активации нейронов в конечном итоге вызывают субъективные ощущения, эмоции и тому подобное... Самые сложные вопросы состоят в том, как кодируется в распределенной нейронной сети информация и как из распределенной активности нейронов возникают субъективные чувства, так называемые квалиа» [Метцингер Т., 2017, с. 95].

Однако совершенно адекватно представив главную трудность, стоящую перед нейронауками сегодня, роль философии в этом процессе он определяет весьма скромно: описывать и классифицировать феномены, исследуемые в рамках нейродисциплин, потому что последним надлежит иметь понимание, какие именно феномены они изучают. И хотя это задача, безусловно, актуальная, но ограничивать ею роль философии в общем звучании оркестра дисциплин, анализирующих разум кажется довольно поверхностным. Более того, такое видение потенциала решения проблем свидетельствует о глубоком непонимании существа базовых методологических ограничений, возникающих тогда, когда в основании картины мира оказывается заложена неотрефлексированная мировоззренческая установка. Эта установка может быть выражена следующим образом: зная, как работает простое и учтя формат его соединенности в сложное, можно понять сложное.

Намного более перспективную позицию — в плане потенциала решения стоящих перед нейронауками задач — занимает Витторио Галлезе — профессор в нейронаучном отделении Пармского университета. В свое время он участвовал в открытии системы зеркальных нейронов и в разработке теоретической модели социального мышления. Его подход предпола-

гает учет расширенного реестра динамик при анализе нейрологических коррелятов социального познания, включая культурные взаимодействия, эмпатию, телесную симуляцию наблюдавших действий и пр. Он подчеркивает: «Если цель нашей науки понять, что значит быть человеком, нам необходима философия, которая прояснит, какие вопросы стоят на кону, какие проблемы требуют разрешения, что *эпистемологически обосновано*, а что нет (курсив наш. — И.Б.)» [Метцингер Т., 2017, с. 237]. Тем не менее, там, где дело касается ответа на вопрос о перспективах развития нейронауки, он впадает в то же методологическое заблуждение, что и В. Зингер: «Считаю, что надо разработать технику эксперимента, который выявит корреляцию между активностью мозга и специфическими качественными характеристиками субъективных переживаний... В принципе, наверное, возможна тщательно разработанная и контролируемая парадигма эксперимента, которая сотрет границы к субъективным феноменальным состояниям» [Метцингер Т., 2017, с. 237].

Приведенные вариации отношения к мировоззренческим основаниям собственного знания, к сожалению, можно считать типичными для современной идеологии оснащения исследований в когнитивных дисциплинах. Анализируя представления о методологических запросах, которые адресуют философии сегодня, замечаешь следующий логический изъян подобных рассуждений: ориентируясь на неосознаваемую презумпцию «знание простого обеспечивает понимание сложного», ученые сначала сводят сложное к совокупности простого, а потом недоумевают, куда же делась специфика сложного? Соответственно этой установке они и пути решения задач ищут в контексте все более точных, полных, подробных исследований модуса диссоциированности целого на составляющие, хотя только в предыдущей фразе сетовали, что детализация исследований не ведет к пониманию природы исследуемого. Это говорит о том, что современные нейронауки нуждаются не просто в эпистемологической поддержке их разработок — как это видится самим представителям конкретно-научных дисциплин, — но в глубоком методологическом переосмыслении самой перспективы *видения* стоящих задач.

Это позволит понять: описание нейрологического профиля функционального взаимодействия разумов отдельных представителей группы не устраняет основную фундаментальную трудность, а именно, не позволяет понять, что именно в «мультиверсальной атмосфере» производства инновационных смыслов может способствовать актуализации творческого потенциала носителей знания, а также за счет каких пертурбаций осознанности инновационное смыслопорождение становится возможным. Даже если удастся решить задачу выявления и описания паттернов нейрональной активности, при которой *наблюдается* интересующее исследователей сложное явление (возникает сознание, рождаются новые идеи), это не будет автоматически означать, что **тем самым** окажется решена проблема *возникновения* субъективного опыта или креативной инновационности, потому что **актуализированность** этих явлений и эмерджентный статус их *возникновения* — это совершенно разные вещи. Законы, управляющие бытием, и принципы, регулирующие становление, — совершенно разные форматы динамики процессов. Изучив одно, можно не приобрести понимания второго, особенно если не осознавать методологического различия этих фаз. Главное отличие здесь — в структурной стилистике разворачивающихся процессов: законы *пребывания* в пространстве мезокосмической реальности реализуются преимущественно в стилистике бинарных оппозиций, тогда как принципы *становления* подчиняются логике целостной трансформации. Соответственно, эти принципы для своего выражения требуютозвучного миропонимания, позволяющего видеть, что дуальность и недвойственность в истолковании происходящего — это «два крыла» той «жар-птицы» вдохновения, которая управляет творческим процессом.

Осознавая факт недостаточности методологического оснащения исследований нерутинных, прорывных процессов посредством аппарата классической эпистемологии, в настоящее время некоторые философы обращают внимание на то, что арсенал эпистемологических ресурсов нуждается в обновлении. В частности, французский философ Мишель Юлен, значительное внимание уделяющий анализу параметров трансформации восприятия и сознания в «пограничье» человеческого опыта, отмечает:

«Можно говорить о некоторых “пограничных ситуациях”, когда против нашей воли мы сталкиваемся с этой ускользающей от обычного взгляда реальностью, например, находясь в измененных состояниях сознания, вызванных... экстремальным опытом, или же, скажем, болезнью, обмороком, или приближающейся смертью — ситуацией так называемого околосмертного опыта. Столкнувшись с таким опытом, что вполне может произойти с нами буквально в любой момент, мы вынуждены осознать узость категорий, используемых нами для ориентации в повседневной жизни. Мы становимся похожими на городских лошадей, с которых внезапно сняли шоры, привычно мешающие им смотреть по сторонам, чтобы не отклоняться от установленного маршрута. В некотором смысле, этот опыт способствует внезапному падению всех шор и, таким образом, предоставляет нам шанс, которого мы никогда не обрели бы собственными усилиями, слишком робкими и дискретными, — встретиться лицом-к-лицу с “благодатным и страшным великолепием человеческого удела”» [Юлен М., 2017, с. 123–124].

В свою очередь, один из ведущих европейских философов-когнитивистов Томас Метцингер констатирует: «Чтобы реабилитировать как предмет исследования классические философские темы, такие как “самосознание” или “субъективность”, надо развивать теорию, которая может интегрировать все данные в эмпирически убедительную модель. Количество этих данных значительно возросло за последнее столетие... С научной точки зрения наука о сознании только начинается» [Метцингер Т., 2017, с. 33].

Таким образом, наука демонстрирует, что нуждается в глубоком философском исследовании презумпций, неосознаваемо принимаемых в статусе аксиом ориентации творческого поиска, а философы начинают настойчиво говорить о недостаточной эффективности эпистемологического аппарата методологии классической рациональности. Как подобное положение вещей может оказаться на потенциале анализа инновационного смыслопорождения в коллективном сознании?

Когда из методологического оснащения эпистемологических исследований мы убираем дуализацию **как установочную позицию** по-

зывающего разума, мы получаем возможность — не в статусе постулата, а выводным путем — показать, что при таких-то начальных условиях система окажется работающей как дуально тарированная. В то же время при других начальных условиях и при других обстоятельствах она может вести себя как недуальная. Такое изменение ракурса рассмотрения позволит предметно изучать, не выталкивая их в сферу иррационального и невозможного, те явления и состояния, которые соотнесены с неповторимым, невсеобщим, пограничным, спонтанным в человеческом опыте.

Потенциал смыслопорождения в свете идей И. Нонаки

Итак, обращение к сфере сложных и сложностных феноменов, имеющих отношение к нечетко очерченному (fuzzy), трудно определимому опыту, периферийному знанию, существующему, скорее, «на кончиках пальцев» [Polanyi M., 2005], чем в зоне сфокусированного внимания, — все это предъявляет особые требования к эпистемологической оптике. В качестве примера можно привести идеи Икуджиро Нонаки, японского теоретика менеджмента знаний, учёного, занимавшегося исследованием инновационности в крупных корпорациях, успешная бизнес-деятельность которых наводит на мысль, что им в какой-то степени удалось «приручить вдохновение», открыв некий «секрет» устойчивой генерации инновационности. Что можно по этому поводу сказать?

В настоящее время огромное число разработок посвящено выявлению того, что именно в менеджменте знаний способствует повышению креативного потенциала группы. Это и понятно: в условиях, когда инновационность обеспечивает колоссальные прибыли корпорациям, обнаружение механизмов, позволяющих влиять на ее реализацию, из чисто теоретической превращается в остро стоящую и крайне актуальную экономическую проблему. И поскольку далеко не последнюю роль в порождении нового знания играет настрой человека и группы, поскольку совершенно оправданно высказывается мнение, что психологические факторы — ключевые в обустройстве эффективного функционирования экономики [Данилина Я.В., 2012].

Говоря о психологических факторах, способствующих коллективному рождению новиз-

ны, конечно, в первую очередь вспоминают о потенциале доверия в группе как об очевидном источнике формирования творчески плодотворной атмосферы. Автор бестселлера «The Wisdom of Crowds» [Surowiecki J., 2005b] Дж. Суровецки рекомендует что-то вроде «быть проще», сохранять непринужденность (keep your ties loose — буквально: распускать галстуки) [Surowiecki J., 2005a]. Но как «формализовать» этот неясный, нечеткий, неопределенный посыл, как воссоздать искомый « дух творчества»? Здесь, к сожалению, формулируется не так много идей, и они довольно банальны. Например, констатируется, что капитал доверия (trust capital) способствует обмену знаниями, а организационная культура, поощряющая обмен знаниями, позволяет сотрудникам чувствовать себя в безопасности и комфортно делиться идеями, опытом и результатами работы [Dalkir K., 2017].

Гораздо более перспективной нам видится идея, содержащаяся в концепции SECI Икудзирио Нонаки и Хиротаки Такеучи [Nonaka I., Takeuchi H., 1995]. Хотя формально их исследования посвящены аналитике инновационности в контексте экономической организации работы в крупных корпорациях, но там встречается не до конца проясненный, хотя эвристически чрезвычайно богатый, концепт «*Ba*» («*Va*»). *Ba* подразумевает некую особую атмосферность в коллективе, ориентированном на генерацию новых решений. Это понятие кажется сродни метафоре «дух места», атмосферность происходящего здесь и сейчас.

Авторы выделяют четыре вида «*Ba*», которые могут быть довольно приблизительно охарактеризованы как порождающее, коммуникативное, виртуальное и *Ba* использования [Nonaka I. et al., 2000]. Истоки эффективности этого потенциала авторы не расшифровывают, однако на основе неклассической методологии творческого процесса можно предложить некую реконструкцию логики влияния *Ba* на становящиеся достижимыми подвижки в творческом состоянии участников коммуникации. Этот механизм нам видится следующим образом:

— порождающее *Ba* может быть понято как пространство диалога, атмосфера которого способствует неформальному объединению людей, т.е. такое, где они чувствуют себя достаточно уверенно, чтобы свободно обмениваться чув-

ствами, эмоциями, опытом и идеями (перекликается с рекомендацией Суровецки «распускать галстуки», сохранять непринужденность в ходе обмена мнениями). В нашем понимании, подобный « дух сплочения» создает необходимые предпосылки для того, чтобы человек, почувствовав себя комфортно, максимально снял барьер критичности как в отношении собственных идей, так и в отношении генерируемого другими участниками контента. Как известно, в методологии brain storming данное требование — ключевое на начальном этапе продвижения группы по пути генерации инновационных идей;

— коммуникативное *Ba* подразумевает некую атмосферность, способствующую актуализации знаемого за счет превращения неявного знания в явное. Здесь надо подчеркнуть, что, как справедливо отмечает С.А. Филипенок, центральные понятия концепции И. Нонаки — tacit и explicit knowledge — в отечественной литературе неудачно переводятся как formalized и unformalized knowledge, тогда как их следует переводить как явное и неявное знание [Филипенок С.А., 2024], — так, как они представлены в аналитике идей Майкла Полани в русскоязычном переводе [Полани М., 1985];

— виртуальное *Ba* способствует соединению явного и неявного знания в неком сопряженном пространстве актуализированного и возможного. И хотя авторами данное пространство характеризуется как виртуальное, как киберпространство, считаем, что здесь на самом деле играет роль не просто сосуществование возможного и невозможного в подпространстве иллюзорно сущего, но **снятие барьера инаковости между возможным и невозможным**, в результате чего становится реализуемой трансгрессия постмодернистского толка: преодоление границы между возможным и невозможным как ресурс перехода от имеющегося к тому, что кажется невозможным, в свете наличествующего знания **видится как нереализуемое**;

— *Ba* применимости способствует превращению явного знания в неявное. Думается, здесь особую роль играет такое свойство интеллектуально плодотворного духа доверительности, как снятие барьера инаковости, в обычных условиях разделяющего коммуницирующие инстанции, заставляющего человека чувствовать себя отдельной изолированной инстанцией, противостоящей другим и противопостав-.

ляющей свои интересы интересам других участников процесса. Ощущая особый дух слияния с коммуникативными другими, человек растворяет отграничность, в обычном состоянии препятствующую тому, чтобы «чужие» идеи, «чужие» взгляды были поняты как свои и приняты как хорошо ложащиеся в структуру собственного знания. А ведь известно, что отторжение в принятии «чужих» идей делает в последующем креативное использование информации, содержащейся в них, чрезвычайно затруднительным [Posner M.I., 1973]. Соответственно, если этот фактор устраняется, творческий потенциал и коллектива, и каждого отдельного его члена возрастает.

Благодаря атмосфере *Ba*, создающейся в процессе обмена мнениями в среде единомышленников, формируется особая аура всецелой вовлеченности каждого в творческий процесс всех, которая в какой-то степени передается метафорой «гения места». И хотя этот параметр обеспечения креативности группы остается до конца не эксплицируемым, а понятие *Ba* не проговаривается в сколько-нибудь определенной форме, подобные разработки дают возможность уловить «аромат» атмосферы творческого вдохновения, превращающего отдельные и разрозненные «коммуницирующие вселенные» в целостно-сплоченную мультиверсальность коллективно генерируемого инновационного смысла.

Заключение

Подводя итог обсуждению, хотелось бы заметить, что в этом процессе, пожалуй, самое важное, что происходит с участниками продуктивного диалога, — это отказ от изначальной формы их когнитивной субъектности, от того формата субъектной идентичности, который имел место в начале процесса творческой коммуникации.

Говоря об отказе от исходной когнитивной субъектности, подразумевается процесс своего рода «алхимического преображения» личности, когда отдельная изолированная познающая инстанция перестает ощущать свою инаковость и противопоставленность остальным, погружаясь в состояние растворенных ограничений и самоизвольно реализующегося слияния всех со всеми. Это становится возможным потому, что феномен граничности, представляющий собой явление уровня корпускулированного проявле-

ния реальности, сменяется динамикой растворения границ, воплощающей волновую ипостась сущего. В мгновение подобного преобразования субъект, ранее осознававший себя изолированной когнитивной инстанцией, занятой поиском решения творческой задачи, начинает ощущать себя лишь гранью, проявлением той общности, той целостности, которая сквозь него, посредством него сама ищет своего решения для того, чтобы состояние неравновесности, характеризующее открытую сложностную систему, сменилось обретением устойчивости через выпадение на аттрактор уравновешивающего решения. Это некое переживание потока происходящего, когда чувство «Я делаю это» уступает место переживанию «Это реализуется через меня».

Выражение призательности

В статье представлены результаты исследований по мега-теме «Познавательная деятельность человека в перспективе эпистемологии, логики и когнитивных исследований», выполненных в рамках гос. задания (2025–2027 гг.) Института философии РАН.

Acknowledgements

This article presents the results of studies on the mega topic «Human cognitive activity from the perspective of epistemology, logic, and cognitive research» carried out as part of the state assignment (2025–2027) undertaken by the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences.

Список литературы

Аришнов В.И. Конвергентные технологии в контексте постнеклассической парадигмы сложности // Сложность. Разум. Постнеклассика. 2015. № 3. С. 42–54.

Данилина Я.В. Доверие как необходимый фактор эффективности производства знания в условиях инновационной экономики // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2012. № 3(144). С. 29–33.

Киященко Л.П. Парадокс целостности человека: критика способности быть // Человек как открытая целостность: монография / отв. ред. Л.П. Киященко, Т.А. Сидорова. Новосибирск: Академиздат, 2022. С. 14–32. DOI: <https://doi.org/10.24412/cl-36976-2022-1-14-32>

Метцингер Т. Наука о мозге и миф о своем Я. Тоннель этого / пер. с англ. Г. Соловьевой. М.: АСТ, 2017. 415 с.

Моркина Ю.С. А. Горнфельд: теория интерпретации художественного произведения // Философия творчества: ежегодник. Вып. 7: Философско-методологический анализ когнитивных оснований творчества / под ред. Н.М. Смирновой, И.А. Бесковой. М.: Голос, 2021. С. 326–334.

Полани М. Личностное знание. На пути к посткритической философии / пер. с англ. М.Б. Гнедовского и др. М.: Прогресс, 1985. 344 с.

Смирнова Н.М. Смысл и творчество. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2017. 304 с.

Филипенок С.А. Экспликация неявного знания как условие порождения нового знания // Философия творчества: ежегодник. Вып. 10: Философско-методологический анализ творческих процессов / под ред. Н.М. Смирновой, И.А. Бесковой. М.: Голос, 2024. С. 103–113.

Юлен М. Религиозный опыт в перспективе нейронаук / пер. с фр. В.Г. Лысенко // Философские науки. 2017. № 9. С. 118–128.

Dalkir K. Knowledge management in theory and practice. 3rd ed. Cambridge, MA: The MIT Press, 2017. 552 p.

Nonaka I., Takeuchi H. The knowledge creating company: How Japanese companies create the dynamics of innovation. N.Y.: Oxford University Press, 1995. 304 p.

Nonaka I., Toyama R., Konno N. SECI, *ba* and leadership: a unified model of dynamic knowledge creation // Long Range Planning. 2000. Vol. 33, iss. 1. P. 5–34. DOI: [https://doi.org/10.1016/s0024-6301\(99\)00115-6](https://doi.org/10.1016/s0024-6301(99)00115-6)

Polanyi M. Personal knowledge: Towards a post-critical philosophy. London, UK: Routledge, 2005. 493 p.

Posner M.I. Cognition: An introduction. Glenview, IL: Scott, Foresman, 1973. 208 p.

Surowiecki J. Independent individuals and wise crowds, or is it possible to be too connected? / Emerging Technology Conference. 2005. URL: https://web.archive.org/web/20130729210015id_/http://itc.conversationsnetwork.org/shows/detail468.html (accessed: 08.06.2025).

Surowiecki J. The wisdom of crowds. N.Y.: Anchor books, 2005. 336 p.

References

Arshinov, V.I. (2015). [Converging technologies in the context of postnonclassical paradigm of complexity]. *Slozhnost'. Razum. Postneklassika* [Complexity. Mind. Post-nonclassical]. No. 3, pp. 42–54.

Dalkir, K. (2017). *Knowledge management in theory and practice*. 3rd ed. Cambridge, MA: The MIT Press, 552 p.

Danilina, Ya.V. (2012). [Trust as the necessary factor of production efficiency of knowledge in the conditions of innovative economy] *Natsional'nyye interesy: prioritety i bezopasnost'* [National Interests: Priorities and Security]. No. 3(144), pp. 29–33.

Filipenok, S.A. (2024). [Tacit knowledge explication as condition of new knowledge emergence] *Filosofiya tvorchestva: yezhegodnik. Vyp. 10: Filosofsko-metodologicheskiy analiz tvorcheskikh protsessov, pod red. N.M. Smirnovoy, I.A. Beskovoy* [N.M. Smirnova, I.A. Beskova (eds.) Philosophy of Creativity: yearbook. Iss. 10: Philosophical and methodological analysis of creative processes]. Moscow: Golos Publ., pp. 103–113.

Hulin, M. (2017). [Religious experience in the perspective of neuroscience] *Filosofskie nauki* [Russian Journal of Philosophical Sciences]. No. 10, pp. 118–128.

Kiyashchenko, L.P. (2022). [The paradox of human integrity: a critique of the ability to be]. *Che-lovek kak otkrytaya celostnost'*, otv. red.

L.P. Kiyashchenko, T.A. Sidorova

[L.P. Kiyashchenko, T.A. Sidorova (eds.) Man as an open wholeness]. Novosibirsk: Akademizdat Publ., pp. 14–32. DOI: <https://doi.org/10.24412/cl-36976-2022-1-14-32>

Metzinger, Th. (2017). *Nauka o mozge i mif o svoem Ya. Tonnel' Ego* [The ego tunnel: The science of the mind and the myth of the Self]. Moscow: AST Publ., 415 p.

Morkina, Yu.S. (2021). [A. Gornfeld: theory of interpretation of artistic work] *Filosofiya tvorchestva: yezhegodnik. Vyp. 7: Filosofsko-metodologicheskiy analiz kognitivnykh osnovaniy tvorchestva, pod red. N.M. Smirnovoy, I.A. Beskovoy* [N.M. Smirnova, I.A. Beskova (eds.) Philosophy of Creativity: yearbook. Iss. 7: Philosophical and methodological analysis of the cognitive foundations of creativity]. Moscow: Golos Publ., pp. 326–334.

Nonaka, I. and Takeuchi, H. (1995). *The knowledge creating company: How Japanese companies create the dynamics of innovation*. New York: Oxford University Press, 304 p.

Nonaka, I., Toyama, R. and Konno, N. (2000). SECI, *ba* and leadership: a unified model of dynamic knowledge creation. *Long Range Planning*. Vol. 33, iss. 1, pp. 5–34. DOI: [https://doi.org/10.1016/s0024-6301\(99\)00115-6](https://doi.org/10.1016/s0024-6301(99)00115-6)

Polanyi, M. (1985). *Lichnostnoe znanie. Na puti k postkriticheskoy filosofii* [Personal knowledge. To-

wards a post-critical philosophy]. Moscow: Progress Publ., 344 p.

Polanyi, M. (2005). *Personal knowledge. Towards a post-critical philosophy*. London, UK: Routledge Publ., 493 p.

Posner, M.I. (1973). *Cognition: An introduction*. Glenview, IL: Scott, Foresman Publ., 208 p.

Smirnova, N.M. (2017). *Smysl i tvorchestvo* [Meaning and creativity]. Moscow: Kanon+, ROOI «Reabilitatsiya» Publ., 304 p.

Surowiecki, J.(2005). *Independent individuals and wise crowds, or is it possible to be too connected?* Emerging Technology Conference. Available at: https://web.archive.org/web/20130729210015id_/http://itc.conversationsnetwork.org/shows/detail468.html (accessed 08.06.2025).

Surowiecki, J. (2005). *The wisdom of crowds*. New York: Anchor books Publ., 336 p.

Об авторе

Бескова Ирина Александровна

доктор философских наук,
ведущий научный сотрудник

Институт философии РАН,
109240, Москва, ул. Гончарная, 12/1;
e-mail: irina.beskova@mail.ru
ResearcherID: N-3719-2018

About the author

Irina A. Beskova

Doctor of Philosophy, Leading Researcher

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences,
12/1, Goncharnaya st., Moscow, 109240, Russia;
e-mail: irina.beskova@mail.ru
ResearcherID: N-3719-2018

УДК 165.12
<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2025-4-527-534>
<https://elibrary.ru/raoarw>

Поступила: 18.10.2025
Принята: 06.11.2025
Опубликована: 26.12.2025

ЛИЧНОСТНЫЙ ОПЫТ КАК ОНТОЛОГИЧЕСКАЯ ОСНОВА ТВОРЧЕСКОГО СМЫСЛОПОЛАГАНИЯ

Филипенок Станислава Андреевна

Институт философии РАН (Москва)

Индивидуальное творчество представлено как процесс формирования новых смысловых структур в сознании человека из разрозненных компонентов субъективного опыта. Ментальной основой данного процесса выступает личностный опыт как особая реальность субъективных переживаний, обладающая самостоятельным статусом по отношению к другим видам реальности, с которыми она взаимодействует. Реальность индивидуального опыта может быть описана как мультиверс бесчисленного множества возможных миров, каждый из которых может реализоваться при определенном стечении обстоятельств. Все возможные миры содержат в себе неисчерпаемое богатство имплицитных личностных смыслов, которые являются неявными предпосылками осуществляющей нами творческой когнитивной деятельности. Множественность миров личностного опыта предполагает наличие альтернативных сценариев дальнейшего развития событий в каждый момент личной биографии индивида. Это обуславливает контингентный характер любой жизненной ситуации, в которой оказывается субъект. С контингентностью личностного опыта неразрывно связана творческая активность человека, подразумевающая свободный выбор дальнейших действий в условиях непредсказуемости реальности. Показано, что в зависимости от разнообразных онтологических и связанных с ними культурно-религиозных предпосылок по-разному может пониматься процесс взаимодействия между собой индивидов, каждый из которых является носителем уникального личностного опыта. Интерсубъективное знание возможно благодаря существованию общей для многих людей ментальной реальности как мультиверса отдельных миров субъективного опыта всех участников коммуникативного процесса. Воплощение культурных когнитивных моделей в реальности субъективного опыта происходит за счет механизма аналогизирующей схематизации, связанного с контингентностью событий жизни индивида.

Ключевые слова: личностный опыт, ментальная реальность, мультиверсальность, множественность миров, неявное знание, личностный смысл, контингентность, смыслополагание, творчество, культурная модель, схематизация.

Для цитирования:

Филипенок С.А. Личностный опыт как онтологическая основа творческого смыслополагания // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2025. Вып. 4. С. 527–534. <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2025-4-527-534>. EDN: RAOARW

PERSONAL EXPERIENCE AS AN ONTOLOGICAL BASIS OF CREATIVE SENSE-MAKING

Stanislava A. Filipenok

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences (Moscow)

Individual creativity is viewed as a process of the emergence of new meaningful structures in human consciousness from separate components of subjective experience. The mental basis of this process is personal experience as a specific subjective reality possessing an independent status in relation to other types of reality with which it interacts. The reality of individual experience can be described as a multiverse of countless potential worlds, each of which can be realized under a certain set of circumstances. All potential worlds contain inexhaustible wealth of implicit personal meanings, which are the tacit background of creative cognitive activity. The multiplicity of personal experience worlds suggests the existence of alternative scenarios at every moment of an individual's life. This determines contingent character of any life situation in which the subject finds himself/herself. The contingency of personal experience is inextricably linked with human creative activity, which implies a free choice of further actions in the conditions of unpredictable reality. Depending on various ontological, cultural and religious premises, the process of interaction between individuals, each of whom has a unique personal experience, can be understood differently. Intersubjective knowledge is possible due to the existence of a common mental reality as a multiverse of individuals' subjective multiverses. Internalization of cultural cognitive models in subjective reality occurs through analogical schematization, which is associated with contingency of an individual's life events.

Keywords: personal experience, mental reality, multiverse, multiplicity of worlds, tacit knowledge, personal meaning, contingency, sense-making, creativity, cultural model, schematization.

To cite:

Filipenok S.A. [Personal experience as an ontological basis of creative sense-making]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologiya. Sociologiya* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2025, issue 4, pp. 527–534 (in Russian), <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2025-4-527-534>. EDN: RAOARW

Введение

В парадигме рациональности постнеклассического типа и телесно-ориентированной эпистемологии получили широкое распространение представления о том, что важную роль в творческом познавательном процессе, помимо рациональных когнитивных способностей, играют также и внерациональные, не укладывающиеся в рамки формальной логики и языкового мышления. В когнитивную деятельность вовлечены различные аспекты целостного и уникального личностного опыта. Особое значение в его структуре имеет сфера неявного, «молчаливого» знания, что показал в своей концепции личностного знания философ науки М. Полани (см., напр., основополагающую работу М. Полани «Личностное знание. На пути к посткритической

философии» [Polanyi M., 2005; Полани М., 1985]). Данный вид знания воспринимается на периферии сознания и не может быть выражен в явной форме. Тем не менее, он является неотъемлемым фактором формирования новых смысловых структур в индивидуальном сознании, что лежит в основе подлинного творчества. Именно то содержание, которое привносится в общезначимые представления в контексте личностного опыта, и определяет новое знание, порождаемое субъектом в творческой деятельности. Объективированное неявное знание может рассматриваться как продукт индивидуального творчества. Однако данный тезис требует прояснения, может ли вообще быть эксплицировано «молчаливое» знание и каковы механизмы этого процесса.

Ответы на поставленные вопросы зависят от того, как понимается природа неявного знания. Исходя из тех или иных теоретических и культурно-исторических предпосылок, по-разному может быть представлена реальность, служащая онтологической основой имплицитного знания, что, в свою очередь, определяет ключевые характеристики познавательной деятельности. Таким образом, эпистемологическому анализу процесса экспликации неявного знания должно предшествовать прояснение онтологического статуса реальности субъективного опыта, в котором оно зарождается. С помощью понятия мультиверсальности может быть описано многообразие культурно-исторического опыта, уникальным образом проявляющегося в системе личностного знания любого человека. В данной статье внимание будет сосредоточено на онтологии мультиверсальности, позволяющей рассмотреть специфику взаимодействия субъектов, каждый из которых является носителем неповторимого личностного опыта.

Мультиверсальность личностного опыта

Отправной точкой настоящего исследования является представление о том, что неявное знание как структурный компонент системы личностного знания формируется в реальности личностного опыта. Под личностным опытом понимается особая реальность субъективных переживаний, непосредственно доступных лишь самому индивиду. Определение ее культурно-онтологического статуса дает возможность более глубоко осмыслить протекающие в ней когнитивные процессы. Я исхожу из того, что к феноменальному опыту переживаний может быть применена онтология мультиверсальности, что позволяет описать его по аналогии с Мультиверсом, или Мультивселенной, или Мультимиром (*multiverse*), рассматриваемым в физике как гипотетическое множество всех вселенных. Данная онтология весьма популярна в современной философии и науке, она имеет естественнонаучное обоснование. Ее идеальной основой служит концепция возможных миров Г. Лейбница [Лейбниц Г.В., 1989, с. 135]. Личностный опыт можно назвать своеобразным когнитивным мультиверсом, содержащим в себе «много возможностей» [Кузнецов В.Ю., 2013, с. 43] понимания мира конкретным индивидом. Дело в том, что личностное знание — это не только система наличного, готового знания, но и все то неисчерпае-

мое богатство смыслов, которые потенциально способен обнаружить данный индивид в окружающем его мире. Далеко не все из имеющихся возможностей реализуются в жизни человека, но в своей совокупности они образуют творческий потенциал личности [Филипенок С.А., 2013, с. 95–96]. Каждая конкретная познавательная ситуация, в которой оказывается субъект, может быть представлена как уникальная вселенная возникающих в данный момент смыслов и переживаний, которая в следующее мгновение преобразуется под воздействием постоянно меняющихся обстоятельств. Эта ситуация задает траекторию дальнейшего развития личности и в то же время сама является продуктом предшествующего жизненного опыта человека. Однако следует отметить, что наряду с имеющимся положением дел существует бесконечное множество альтернативных возможностей, которые могли бы осуществиться при каком-то стечении обстоятельств. В их основе лежат глубинные установки индивидуального сознания, которые в любой момент под влиянием определенных факторов могут найти в них воплощение. Таким образом, личность и ее творческий потенциал может раскрыться не только в конкретных условиях ее жизнедеятельности, но и в тех вероятных жизненных сценариях, которые представляют собой альтернативу сложившемуся порядку вещей. Прибегая к традиционной для онтологии дилемме актуального и потенциального, личностное знание, содержащееся в осознаваемом нами образе реальности, можно назвать актуальным, в то время как множественные миры мультиверса индивидуального опыта формируют область потенциального знания.

Осознание того, что в протекающих в индивидуальном сознании когнитивных процессах реализуется лишь один из многочисленных вариантов развития событий, дает возможность выявить предпосылки, которые привели к возникновению именно этой, а не какой-либо иной ситуации. Как следствие, в рамках исследования личностного опыта вполне уместно привести рассуждения современного советского и американского физика А.Д. Линде о том, как изучение существующих в Мультимире вселенных позволяет нам лучше понять устройство нашей физической реальности и объяснить лежащий в ее основе антропный принцип: «Возможно, лучшим вариантом будет рассмотреть все допустимые комбинации вселенных, законов, их описы-

вающих, и наблюдателей, их населяющих. Имея выбор среди различных вселенных в структуре Мультимира, мы можем продолжать, отбрасывая те, где наша жизнь была бы невозможной. Этого простого шага достаточно для понимания многих свойств нашего мира, которые иначе казались бы загадочными» [Линде А.Д., 2002]. Аналогичным образом, рассматривая разнообразные нереализованные сценарии нашей жизни, мы можем обнаружить подлинные причины происходящего с нами в действительности. Ставновление личностного опыта не происходит в соответствии с жестко заданной программой. Каждая конкретная познавательная ситуация является эмерджентным, зачастую неожиданным продуктом взаимодействия множества факторов. Они, с одной стороны, являются результатом сознательного выбора субъекта и проявлением его внутренних мотивов и побуждений, а с другой стороны, формируются под влиянием внешних обстоятельств существования человека. В переживаниях феноменального опыта находит выражение единство активного субъекта и окружающей действительности, в которой он осуществляет свою целенаправленную деятельность.

Более того, возможные миры субъективного опыта не просто помогают нам по-новому воспринять интеллектуальную и эмоциональную обстановки, в которые мы погружены, но в значительной степени они их и обуславливают. В них могут содержаться наши ценности, идеалы, желания, которым по каким-то причинам не суждено было воплотиться в реальности таким образом, каким бы это было гипотетически возможно. Однако все вышеперечисленное может служить в жизнедеятельности человека ориентиром, приводящим в силу некоего стечения обстоятельств именно к тем последствиям, которые в итоге определяют его судьбу. Представления о том, что события нашей жизни во многом носят случайный, спонтанный характер, влияют на наше мироощущение и самосознание. Это раздвигает горизонты восприятия действительности, дарует творческую свободу, внутреннюю раскрепощенность и дополнительные когнитивные ресурсы. Человек начинает осознавать, что наличная ситуация не вынуждает его действовать в соответствии с привычным алгоритмом, а дает возможность выбрать различные траектории поведения, позволяющие раскрыть новые грани его опыта. Любая жизненная коллизия

может рассматриваться как набор вероятностей, и то, что не совершилось, оказывает воздействие на то, что реализовалось.

В рамках предлагаемой в данном исследовании модели личностного опыта совершенно иное когнитивное значение приобретают случайные обстоятельства нашей жизни, не вписываемые в продуманный нами план действий. Случайности воспринимаются не как помехи на пути к достижению поставленных целей, но как важный творческий ресурс. С одной стороны, в них находит отражение сложная взаимосвязь явлений действительности, а с другой стороны, они отсылают к альтернативным мирам субъективного опыта. Они побуждают субъекта принять во внимание новые возможности для творческой деятельности, которые первоначально не были им предусмотрены. Непредвиденные события могут вывести человека из состояния комфорта, сознание зачастую отказывается замечать то, что не укладывается в привычную картину мира. Современный исследователь в области теории познания и философии творчества И.А. Бескова предлагает рассматривать творчество как способ противостоять разрушительной силе контингентности: «...раз уж она в нашей жизни неизбежна, поскольку модус осознанности пока утрачен, то для минимизации ее разрушительности требуется актуализация творческого потенциала, позволяющего снизить травмирующее воздействие контингентности, сохранив ее позитивный побудительный потенциал» [Бескова И.А., 2024, с. 311]. Можно утверждать, что понятие контингентности употребляется в том смысле, в каком его использовал современный философ гонконгского происхождения Ю. Хуэй в книге «Рекурсивность и контингентность» [Хуэй Ю., 2020]. Факты биографии конкретного человека не являются в чистом виде ни случайными, ни необходимыми. Так, жизненный процесс оказывается причинно обусловленным, детерминированным, однако в рамках этой детерминации возможны отклонения от заданного течения событий. Каждый момент личной истории индивида является комбинацией случайностей, встраивающихся в сложившийся порядок вещей, в целенаправленную активность субъекта. Они в значительной степени определяют само целеполагание, и под их влиянием человек способен менять направление собственной деятельности. Спонтанность лежит в основе уникального личностного опыта как

одного из наиболее сложных и загадочных проявлений жизни: «Жизнь также демонстрирует подобную сложность, поскольку она ожидает неожиданное, и при каждом столкновении с ним пытается превратить непредвиденное в событие, способствующее ее уникальности» [Хуэй Ю., 2020, с. 34]. Важно отметить, что контингентность не является случайностью в чистом виде, это гораздо более сложное явление. Данный термин обозначает то, что случилось так, как случилось, но в принципе могло произойти и иначе. Использование этого понятия демонстрирует многомерность и неоднозначность процессов, разворачивающихся в окружающей реальности.

В основе творчества лежит перестройка интерпретативной схемы в структуре индивидуального сознания, и зачастую к этой перестройке приводят случайные, неожиданные явления действительности. В стремлении их осмыслить человек привлекает то имплицитное содержание личностного знания, которое ранее не попадало в фокус внимания. Можно сказать, что в сознании субъекта дан рациональный, внутренне согласованный образ реальности, а жизненная история предстает в виде логически упорядоченного повествования, нарратива. В то же самое время неисчерпаемые миры личностного опыта выступают неявным фоном познавательной деятельности, образуя сферу «молчаливого» знания. При столкновении творческого разума со случайными, непредсказуемыми явлениями изменчивой реальности происходит экспликация личностных смыслов, потенциально заложенных в глубинах нашего опыта. Таким образом, мультиверс личностного опыта как источник имплицитного знания имеет не только онтологическое, но и эпистемологическое измерение и может служить ключом к пониманию личностного познания и творчества. В частности, с помощью предложенной модели может быть рассмотрен процесс объективации неявного знания и воплощения возможных миров в повседневной деятельности.

Мультиверсальность личностного опыта в процессе коммуникации

Особое значение имеет вопрос, может ли онтология мультиверсальности быть применена к описанию взаимодействия между собой нескольких субъектов, каждый из которых обладает неповторимым опытом. Ответ на него выяв-

ляет коммуникативный аспект концепции мультиверсальности личностного опыта, что дает возможность изучить проблему интерсубъективности личностного знания. Естественно предположить, что культурное пространство взаимодействия людей может быть представлено как мультиверс, состоящий из множества миров, каждый из которых — это личностный опыт отдельных субъектов; личностный опыт конкретного индивида, в свою очередь, является мультиверсом возможных смысловых миров субъективной реальности. Как утверждает современный исследователь Е.Н. Князева: «И, вообще говоря, нет единого мира, но есть множество жизненных и смысловых миров разных людей. И как строится мозаика этого множества разнообразных миров и их сопряжение, является для нас вечной загадкой» [Князева Е.Н., 2022, с. 130]. Коллективный опыт может быть представлен как «мультиверс мультиверсов», как некая сложная фрактальная структура: «Нередко сложные структуры подобны русской матрешке или китайской шкатулке, где характер структурной организации или тип процессов повторяет себя на разных масштабах, имеет место масштабная инвариантность, фрактальность. Внутри целого находится другое целое, и эта уровневая структура заключена в еще более масштабное целое» [Князева Е.Н., 2022, с. 127]. Аналогичным образом может быть описана и система личностного знания, на каждом уровне организации которой воспроизводится ее общая структура. Вследствие этого неявное знание, которое мы пытаемся выразить в языке, таит в себе глубинный пласт неартикулированного «молчаливого» знания, за которым скрывается еще более глубокий слой имплицитного знания, и т.д. Подобная модель субъективного опыта позволяет объяснить неисчерпаемость и невыразимость его содержания.

Несмотря на загадочный характер человеческого общения и межличностного взаимопонимания, в рамках эпистемологии следует исследовать когнитивный механизм трансляции личностного неявного знания в ходе коммуникации. Специфика процесса экспликации «молчаливого» знания в интерсубъективной форме существенным образом определяется природой той реальности, в которой он разворачивается. Представления об этой реальности, в свою очередь, зависят от онтологических и культурно-исторических предпосылок. В частности, совре-

менный японский исследователь И. Нонака и его последователи, опираясь на дзэн-буддийскую традицию, полагали, что порождение нового знания происходит в особом «физическом, виртуальном и/или ментальном пространстве, охватывающем двух или более индивидов или организаций (перевод наш. – С.Ф.)» [Knowledge emergence..., 2001, р. 4]. Это пространство они обозначали особым термином «ба», не имеющим перевода на другие языки. Значимость концепции И. Нонаки заключается в том, что в ней содержится онтологическое обоснование существования интерсубъективного знания как продукта совместного для многих людей опыта, а также разработана модель трансформации неявного знания в эксплицитное и наоборот [Knowledge emergence..., 2001, р. 13–21]. Однако может возникнуть вопрос: находит ли воплощение в этой общей для коллектива реальности уникальное содержание личностного опыта каждого отдельного человека? Положительный ответ может быть получен, если применить к этой реальности онтологию мультиверсальности. В таком случае идея единства коллективного опыта согласуется с представлением о многообразии его проявлений в субъективном опыте конкретных представителей данного сообщества. И все же может остаться не до конца понятным, каким образом в общем ментальном и социокультурном пространстве происходит взаимодействие систем личностного знания разных людей.

Эта проблема затрагивается в работах представителей современного направления, получившего название «когнитивная антропология». Данная дисциплина является результатом эволюции культурной антропологии, но, в отличие от последней, в ней сделан акцент на когнитивных и ментальных процессах: «Когнитивная антропология исследует сформированные в культуре системы мысли и описывает модели знания, выработанные в конкретной культурной реальности (перевод наш. – С.Ф.)» [Trajtelová J., 2013, р. 10]. Особое значение специалистами в данной области уделяется процессу преобразования универсальных культурных схем в индивидуальные ментальные структуры и обратному процессу [Shore B., 1996]. Разнообразные образы реальности, возникающие в сознании членов одной социальной группы, оказываются многочисленными вариациями общекультурной картины мира. Применяя концепцию мультивер-

сальности, можно сказать, что культурная когнитивная модель выступает мультиверсом, объединяющим миры субъективного опыта отдельных людей.

Каким же образом общезначимые когнитивные модели трансформируются в ментальный опыт конкретного индивида? Механизм этого процесса может быть описан с помощью эвристического понятия «аналогизирующая схематизация» (*analogical schematization*), используемого представителем когнитивной антропологии Б. Шором [Shore B., 1996]. Аналогизирующая схематизация предполагает, что в ходе интериоризации субъектом конвенциональных культурных моделей в его сознании формируются когнитивные схемы, воплощающие в себе усвоенное им универсальное знание¹ (см. более детально: [Смирнова М.Н., 2023]). Однако ассоциация культурно-исторического опыта не является его простым копированием. В субъективной реальности индивидуального опыта он как бы рождается заново, уникальным образом воспроизводится в системе личностного знания. Это происходит за счет соотнесения его с наличной ситуацией, в которой находится человек, в результате чего обнаруживается аналогия между универсальными и индивидуальными представлениями и образами и устанавливаются оригинальные смысловые связи между различными явлениями действительности. Аналогизирующая схематизация является источником смыслопорождения, лежащего в основе активной творческой деятельности субъекта. В то же время посредством данного когнитивного механизма происходит самовоспроизведение культуры во времени: «Очевидно, что, пребывая в культуре, смыслы постоянно самовозобновляются, транслируясь далее всем новым и новым членам культурного сообщества: новым поколениям (как это происходит в традиционной культуре) или современникам (как в культуре индустриальной, смыслы в которой постоянно изменяются благодаря инновациям)» [Моркина Ю.С., 2024, с. 138–139]. В значительной степени аналогизирующая схематизация обусловлена контингентным характером личностного опыта: именно случайное стечие обстоятельств побуждает человеческое сознание по-новому структуриро-

¹ Ментальные структуры как продукт схематизации могут быть рассмотрены по аналогии с образными схемами.

вать общезначимое знание. В возможных мирах мультиверса субъективного опыта содержится неисчислимое множество аналогий, которые могут быть выявлены индивидом при постижении явлений окружающей действительности в разнообразных жизненных ситуациях. Таким образом, концепция мультиверсальности личностного опыта позволяет объяснить природу аналогизирующей схематизации.

Заключение

Данное исследование было призвано показать, что концепция мультиверсальности личностного опыта может иметь большое теоретическое значение и в онтологическом, и в эпистемологическом плане. Она указывает на «критическую» значимость сложностных представлений о человеке в «бытии единичного множественного» в качестве порождающего критериального ряда конвергентного оценивания смысла существования человека» [Киященко Л.П., 2022, с. 14]. Она позволяет разработать онтологию реальности субъективных переживаний как объединяющей множественные миры нашего опыта. Онтология мультиверсальности демонстрирует, что привычный, выработанный в повседневной жизнедеятельности образ действительности ограничен рациональными, эксплицитными представлениями о мире, в то время как за ним скрываются глубинные пласты личностных смыслов, порождающих сферу неявного, «молчаливого» знания. Альтернативные миры субъективных смыслов проявляют себя в случайных событиях нашей жизни, и в умении осмыслить и воплотить их в новом знании таится огромная созидающая сила.

Выражение признательности

В статье представлены результаты исследований по мега-теме «Познавательная деятельность человека в перспективе эпистемологии, логики и когнитивных исследований», выполненных в рамках гос. задания (2025–2027 гг.) Института философии РАН.

Acknowledgements

This article presents the results of studies on the mega topic «Human cognitive activity from the perspective of epistemology, logic, and cognitive research» carried out as part of the state assignment (2025–2027) undertaken by the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences.

Список литературы

- Бескова И.А. Творчество жизни как ресурс поглощения контингентности // Философия творчества: ежегодник. Вып. 10: Философско-методологический анализ творческих процессов / под ред. Н.М. Смирновой, И.А. Бесковой. М.: Голос, 2024. С. 244–315.
- Киященко Л.П. Парадокс целостности человека: критика способности быть // Человек как открытая целостность: монография / отв. ред. Л.П. Киященко, Т.А. Сидорова. Новосибирск: Академиздат, 2022. С. 14–32. DOI: <https://doi.org/10.24412/cl-36976-2022-1-14-32>
- Князева Е.Н. Идея мультиверса: междисциплинарная перспектива // Философия науки и техники. 2022. Т. 27, № 2. С. 121–135. DOI: <https://doi.org/10.21146/2413-9084-2022-27-2-121-135>
- Кузнецов В.Ю. Взаимосвязь единства мира и единства культуры. М.: Ин-т общегуманит. исследований, 2013. 240 с.
- Лейбниц Г.В. Опыты теодицеи о благости Божией, свободе человека и начале зла // Лейбниц Г.В. Сочинения: в 4 т. / пер. с фр. и лат. К.Е. Истомина и Ф.К. Смирнова. М.: Мысль, 1989. Т. 4. 556 с.
- Линде А.Д. Инфляция, квантовая космология и антропный принцип: лекция / пер. с англ. С. Карпова / Астронет 2002. 6 дек. URL: <http://www.astronet.ru/db/msg/1181211> (дата обращения: 01.09.2025).
- Моркина Ю.С. Когнитивный смысл поэтического. М.: Изд. дом ЯСК, 2024. 256 с.
- Полани М. Личностное знание: На пути к посткритической философии / пер. с англ. М.Б. Гнедовского и др. М.: Прогресс, 1985. 344 с.
- Смирнова Н.М. Образные схемы в структуре творческого смыслополагания // Философия творчества: ежегодник. Вып. 9: Философско-методологический анализ творческих процессов / под ред. Н.М. Смирновой, И.А. Бесковой. М.: Голос, 2023. С. 181–220.
- Филипенок С.А. Личностное знание как проблема эпистемологии: дис. ... канд. филос. наук. М., 2013. 150 с.
- Хэй Юк. Рекурсивность и контингентность / пер. с англ. Д.Ю. Кралечкина. М.: V–A–C Press, 2020. 400 с.
- Knowledge emergence: Social, technical, and evolutionary dimensions of knowledge creation / ed. by I. Nonaka, T. Nishiguchi. N.Y.: Oxford University Press, 2001. 320 p. DOI: <https://doi.org/10.1093/oso/9780195130638.001.0001>
- Polanyi M. Personal knowledge: Towards a post-critical philosophy. London, UK: Routledge, 2005. 493 p.

Shore B. Culture in mind: Cognition, culture, and the problem of meaning. N.Y.: Oxford University Press, 1996. 448 p. DOI: <https://doi.org/10.1093/oso/9780195095975.001.0001>

Trajtelová J. Cognitive anthropology: selected issues: textbook / transl. by S. Hnilicova. Trnava, SK: Filozofická fakulta Trnavskej univerzity, 2013. 64 p.

References

- Beskova, I.A. (2024). [The Life Creation as a Resource of Contingency Absorption]. *Filosofiya tvorchestva: yezhegodnik. Vyp. 10: Filosofsko-metodologicheskiy analiz tvorcheskikh protsessov, pod red. N.M. Smirnovoy, I.A. Beskovoy* [N.M. Smirnova, I.A. Beskova (eds.) Philosophy of Creativity: yearbook. Iss. 10: Philosophical and methodological analysis of creative processes]. Moscow: Golos Publ., pp. 244–315.
- Filipenok, S.A. (2013). *Lichnostnoe znanie kak problema epistemologii: dis. ... kand. filos. nauk* [Personal knowledge as a problem of epistemology: dissertation]. Moscow, 150 p.
- Hui Yüük (2020). *Rekursivnost' i kontingentnost'* [Recursivity and contingency]. Moscow: V–A–C Press, 400 p.
- Kiyaschenko, L.P. (2022). [The paradox of human integrity: a critique of the ability to be]. *Chelovek kak otkrytaya tselostnost', otv. red. L.P. Kiyashchenko, T.A. Sidorova* [L.P. Kiyashchenko, T.A. Sidorova (eds.) Man as an opened integrity]. Novosibirsk: Akademizdat Publ., pp. 14–32. DOI: <https://doi.org/10.24412/cl-36976-2022-1-14-32>
- Knyazeva, E.N. (2022). [The idea of the multi-verse: an interdisciplinary perspective]. *Filosofiya nauki i tekhniki* [Philosophy of Science and Technology]. Vol. 27, no. 2, pp. 121–135. DOI: <https://doi.org/10.21146/2413-9084-2022-27-2-121-135>
- Kuznetsov, V.Yu. (2013). *Vzaimosvyaz edinstva mira i edinstva kultury* [The interrelation of the unity of the world and the unity of culture]. Institut obshchegumanitarnykh issledovaniy Publ., 240 p.
- Leibniz, G.W. (1989). [Theodicy: Essays on the goodness of God, the freedom of man and the origin of evil]. *Leybnits G.V. Sochineniya: v 4 t.* [Leibniz G.W. Works: in 6 vols]. Moscow: Mysl' Publ., vol. 4, 556 p.
- Linde, A.D. (2002). *Inflyatsiya, kvantovaya kosmologiya i antropnyy printsip* [Inflation, quantum cosmology and the anthropic principle]. Astronet, Dec. 6. Available at: <http://www.astronet.ru/db/msg/1181211> (accessed 01.09.2025).
- Morkina, Yu.S. (2024). *Kognitivnyy smysl poeticheskogo* [The cognitive sense of poetry]. Moscow: YaSK Publ., 256 p.
- Nonaka, I. and Nishiguchi, T. (eds.) (2001). *Knowledge emergence: Social, technical, and evolutionary dimensions of knowledge creation*. New York: Oxford University Press Publ., 320 p. DOI: <https://doi.org/10.1093/oso/9780195130638.001.0001>
- Polanyi, M. (1985). *Lichnostnoe znanie. Na puti k postkriticheskoy filosofii* [Personal knowledge. Towards a post-critical philosophy]. Moscow: Progress Publ., 344 p.
- Polanyi, M. (2005). *Personal knowledge. Towards a post-critical philosophy*. London, UK: Routledge Publ., 493 p.
- Shore, B. (1996). Culture in mind: Cognition, culture, and the problem of meaning. New York: Oxford University Press, 448 p. DOI: <https://doi.org/10.1093/oso/9780195095975.001.0001>
- Smirnova, N.M. (2023). [Image schemas in the structure of creative meaning-constitution process]. *Filosofiya tvorchestva: yezhegodnik. Vyp. 9: Filosofsko-metodologicheskiy analiz tvorcheskikh protsessov, pod red. N.M. Smirnovoy, I.A. Beskovoy* [N.M. Smirnova, I.A. Beskova (eds.) Philosophy of Creativity: yearbook. Iss. 9: Philosophical and methodological analysis of creative processes]. Moscow: Golos Publ., pp. 181–220.
- Trajtelová, J. (2013). *Cognitive anthropology: selected issues: textbook, transl. by S. Hnilicova*. Trnava, SK: Faculty of Philosophy and Arts, Trnava University Publ., 64 p.

Об авторе

Филипенок Станислава Андреевна
кандидат философских наук,
научный сотрудник

Институт философии РАН,
109240, Москва, ул. Гончарная, 12/1;
e-mail: Stanafil@mail.ru
ResearcherID: U-8952-2018

About the author

Stanislava A. Filipenok
Candidate of Philosophy, Researcher

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences,
12/1, Goncharnaya st., Moscow, 109240, Russia;
e-mail: Stanafil@mail.ru
ResearcherID: U-8952-2018

УДК 130.2:316
<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2025-4-535-542>
<https://elibrary.ru/rqwftl>

Поступила: 18.10.2025
 Принята: 06.11.2025
 Опубликована: 26.12.2025

КВАЗИКЛАССИЧНОСТЬ КАК СВОЙСТВО СОВРЕМЕННОГО МУЛЬТИВЕРСАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА

Моркина Юлия Сергеевна

Институт философии РАН (Москва)

Систему определяют как совокупность элементов, находящихся в отношениях и связях друг с другом, которая образует определенную целостность, единство. Классическая система отличается взаимосвязанностью всех своих частей, тем, что любая часть работает на целое. Пример классической системы — биологический организм. Эрих Фромм, говоря о системе (имея в виду человеческое общество в целом), отмечал высокую инертность систем, их сопротивление любому изменению. И действительно, классическая система чаще всего устойчива (она может быть и динамически устойчива) и трудно поддается изменению, т.к. любая ее часть работает на ее сохранение именно данной системы. Но современное информационное общество с раздирающими его противоречиями и повышенной креативностью становится невозможно осмыслять в терминах классической системы, поэтому для этого случая используется понятие квазиклассических систем. Квазиклассическая система отличается тем, что некоторые ее части могут не работать на целое и могут быть даже деструктивными по отношению к системе, в которую входят. Но эти части также становятся полезными для системы, обеспечивая ее лабильность. Пример квазиклассической системы — современное информационное общество, особая творческая роль которого определяется именно его не-классичностью. Человеческая психика также может осмысляться как квазиклассическая система.

Ключевые слова: система, классическая система, квазиклассическая система, общество, прогресс, креативность, инновации, ценности.

Для цитирования:

Моркина Ю.С. Квазиклассичность как свойство современного мультиверсального общества // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2025. Вып. 4. С. 535–542. <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2025-4-535-542>. EDN: RQWFTL

<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2025-4-535-542>

*Received: 18.10.2025
 Accepted: 06.11.2025
 Published: 26.12.2025*

QUASI-CLASSICISM AS A PROPERTY OF THE MODERN MULTIVERSAL SOCIETY

Julia S. Morkina

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences (Moscow)

A system is defined as a set of elements that are in relationships and connections with each other forming a certain integrity, unity. A classical system is characterized by the interconnectedness of all its parts, and

each of the parts works for the whole. An example of a classical system is a biological organism. Speaking about the system (meaning human society as a whole), Erich Fromm noted the high inertia of systems, their resistance to any change. It is true that a classical system is most often stable (it can also be dynamically stable) and difficult to change because any part of it works to preserve it as a given system. However, the modern information society, with its contradictions and increased creativity, is becoming impossible to comprehend in terms of a classical system. And this is where the concept of quasi-classical systems is used. A quasi-classical system differs in that some of its parts may not work for the whole and may even be destructive in relation to the system they belong to. However, these parts also become useful for the system, ensuring its lability. An example of a quasi-classical system is the modern information society, which is particularly creative precisely due to its non-classicism. Human psyche can also be considered as a quasi-classical system.

Keywords: system, classical system, quasi-classical system, society, progress, creativity, innovation, values.

To cite:

Morkina J.S. [Quasi-classicism as a property of the modern multiversal society]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologiya. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2025, issue 4, pp. 535–542 (in Russian), <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2025-4-535-542>. EDN: RQWFTL

Современное информационное общество, с одной стороны, заражено противоречиями, с другой стороны, приобрело особую креативность, способность очень быстро меняться, а также осваивать стремительно появляющиеся технические инновации. Оно обладает свойствами парадоксальности и мультиверсальности, в нем реализуется невиданное доселе разнообразие взглядов, а современные гаджеты делают любую точку зрения потенциально доступной всем. В этой статье высказывается гипотеза относительно того, почему современное общество столь креативно и лабильно. Для объяснения этого факта, для концептуализации современной техногенной цивилизации как творческого образования используется понятие квазиклассической системы. Это понятие видится пригодным для концептуализации многих явлений и использования для других целей, помимо той, для которой это понятие применяется в данной статье.

1. Системы классические и квазиклассические

Понятие системы становится одним из ключевых философско-методологических и специально-научных понятий с середины XX в. В.Н. Садовский — автор энциклопедической статьи о понятии системы — пишет: «В современном научном и техническом знании разработка проблематики, связанной с исследованием и конструированием систем разного рода,

проводится в рамках системного подхода, общей теории систем, различных специальных теорий систем, системном анализе, в кибернетике, системотехнике, синергетике, теории катастроф, термодинамике неравновесных систем и т.п.» [Садовский В.Н., 2010, с. 552].

Системой является сущность, состоящая из элементов, находящихся друг с другом в сложных взаимоотношениях так, что целая система не может быть понята исходя из суммы своих частей.

Выделяют основные принципы системности. Система представляет собой целостное образование, свойства которого несводимы к сумме свойств ее частей. В синергетике подчеркивают эмерджентность свойств системы. Вместе с тем в классической системе каждая ее часть, каждый элемент и каждая связь работают на целое, обеспечивая необходимое состояние всей системы. Говорят о принципе целостности системы. Также называют принцип структурности системы, т.е. сети связей и отношений образуют определенную структуру. Поведение системы обусловлено не только поведением ее отдельных элементов, сколько свойствами ее структуры.

Принцип взаимодействия системы и среды означает, что открытая система так взаимодействует со средой, чтобы сохранять свою идентичность, порой подстраивая среду под себя, порой сама подстраиваясь под изменения внешней среды. В системах важно отметить

свойство иерархичности: система имеет центральные и периферические части, взаимоподчинение которых представляет собой иерархию, работающую на целостность и идентичность системы. При этом «каждый компонент системы, в свою очередь, может рассматриваться как система, а исследуемая в данном случае система представляет собой один из компонентов более широкой системы» [Садовский В.Н., 2010, с. 552].

Наука о системах сегодня идет по пути изучения сложных систем [Николис Г., Пригожин И., 1979; Пригожин И., Стенгерс И., 1986], обладающих свойством автопоэзиса, самоорганизующихся систем [Матурана У., Варела Ф., 2001]. Исследуется общество как автопоэтическая система [Luhmann N., 1990]. Сложные системы требуют множества описаний, ни одно из которых не охватит всю систему целиком с ее рекурсивными связями, автопоэтическими механизмами и т.д.

Е.Н. Князева так объясняет специфику сложных систем: главное в них — не большое количество элементов, но «нетривиальность, оригинальность, запутанность» отношений между элементами. Именно сложность отношений делает систему как эмерджентное образование сложной. «Сложными являются те объекты (системы, образования, организации), описать функции которых на порядок сложнее, чем само строение этих объектов» [Князева Е.Н., 2016, с. 39]. Н.М. Смирнова как наиболее сложную систему, известную обыденному сознанию, определяет само сознание [Смирнова Н.М., 2016, с. 278].

Идеальный пример сложной классической системы — биологический организм. Он полностью концептуализируется в понятиях очень сложной классической системы. Он, являясь автопоэтической сущностью (т.е. постоянно строя себя заново), сохраняет свою внутреннюю среду и, взаимодействуя с окружающей средой, действуясь в ней, остается идентичным благодаря слаженной работе всех систем органов, а органы могут существовать только благодаря работе каждой клетки на благо организма. «Вышедшая из подчинения» клетка становится раковой и потенциально может убить весь организм.

Скажем еще несколько слов о классической системе. Эрих Фромм¹, рассуждая о человеческом обществе как системе, распад которой предрекает, отмечает очень важную черту классических систем: их инертность и противодействие любым изменениям. Он пишет:

«(1) Система обладает собственной жизнью, независимо от того, органическая это или неорганическая система, потому что она функционирует только до тех пор, пока все ее части остаются интегрированы в той специфической форме, которая требуется системе. Система как целое главенствует над своими частями, и части вынуждены функционировать в составе данной системы или не функционировать вовсе. Система обладает внутренней связностью, делающей ее изменение чрезвычайно затруднительным.

(2) Если попытаться изменить одну изолированную часть системы, то это изменение не приведет к изменению системы как целого. Напротив, система будет продолжать функционировать по-своему, поглотив изменение любой отдельной части таким образом, что очень скоро эффект изменения будет сведен на нет» [Фромм Э., 2020, с. 45].

Действительно, к системе применимо понятие гомеостаза — саморегуляции, стремления открытой системы сохранять постоянство своего внутреннего состояния посредством скоординированных реакций, направленных на поддержание динамического равновесия. Гомеостазом называют стремление системы восстанавливать утраченное равновесие, преодолевать сопротивление внешней среды, воспроизводить себя.

Еще одно наблюдение Фромма состоит в том, что систему бесполезно пытаться изменить через изменение ее частей; общая структура вскоре приводит к тому, что состояние системы возвращается к прежнему [Фромм Э., 2020, с. 45].

Итак, классические системы инертны, сопротивляются любым изменениям. За счет этого они выживают как системы и сохраняют свою идентичность, но могут проиграть, если изменится какой-либо значимый фактор внешней среды.

¹ Эрих Фромм (нем. Erich Seligmann Fromm; 1900–1980) — немецкий социолог, философ, социальный психолог, психоаналитик, представитель Франкфуртской школы, один из основателей неофрэйдизма и фрейдомарксизма.

В то же время существуют системы, также представляющие собой обширный класс систем, но отличающиеся от классических свойствами. Их невозможно описать с помощью классического понятия системы. Для таких систем в этой работе используется понятие квазиклассических систем. Для исследователя имеет смысл задаться вопросом: когда мы имеем дело со сложной классической системой, а когда — с квазиклассической, которая тоже может быть очень сложной, а связи ее элементов в высшей степени нетривиальными? И на теоретическом, и на практическом уровнях эта задача может оказаться весьма сложной.

2. Что представляют собой квазиклассические системы?

Квазиклассическими можно назвать системы с неполным соблюдением всех характеристик классической системы, остающиеся при этом системами за счет соблюдения других системных признаков. Так, они могут не обладать свойством целостности как зависимости каждого элемента, свойства и отношения системы от его места, функций и т.д. внутри целого. Могут обладать не полной структурностью, и тогда становится невозможным описание только через установление структуры системы. В них могут присутствовать связи и отношения, не обуславливающие поведения всей системы или обуславливающие саморазрушительные действия системы. Квазиклассические системы отличаются парадоксальностью, поскольку некоторые их элементы могут работать на систему (и поэтому не быть внесистемными) и одновременно в каком-то своем аспекте быть для системы деструктивными, расшатывать ее.

В квазиклассической системе принцип иерархичности может представать в трансформированном виде: например, в системе может быть несколько центров, но могут иметься элементы, не подчиняющиеся ни одному из этих нескольких центров. Также может быть очень сложным взаимодействие этой системы с окружающей средой — система может выдавать парадоксальные реакции, противоречащие принципу гомеостаза и самосохранения.

Можно сформулировать определение: *квазиклассическая система* — это система, не все элементы и связи которой полностью работают на целое; она может содержать элементы и свя-

зи, работающие против ее настоящего состояния и нарушающие принцип гомеостаза, но они все равно остаются ее элементами. В квазиклассической системе могут нарушаться принципы целостности, иерархичности, структурности, но нарушаться так, что все вместе остается и может называться системой. Самодеструктивность — действие определенных элементов системы (которые можно назвать квазиклассическими) против системы как устоявшегося и стабильного целого — основное свойство квазиклассических систем.

Пример классической системы — система биологическая: если в ней один элемент выйдет из-под контроля, то это грозит гибелью всей системе. Поэтому в биологических системах соблюдаются все выделяемые философами принципы. Пример квазиклассической системы — современное информационное общество. Также примером квазиклассической системы может стать ячейка этого общества — отдельная семья. Человеческая психика может выступать в качестве квазиклассической системы. Квазиклассическая система менее косна, более гибка, чем классическая, легче поддается изменениям. Это могут быть и изменения, не привнесенные извне, но вызревшие внутри системы в ответ как на внешние, так на внутренние факторы.

Возникает очень тонкий вопрос о грани между квазиклассической системой и полной бессистемностью. И здесь классическое понятие систем нельзя отбрасывать, ибо оно может выступить мерилом: объект является системой, если все или некоторые признаки системы в той или иной мере выполняются: целостность, структурность, иерархичность и др. Саморегуляция и внутренняя связность должны быть в той или иной мере присущи объекту для того, чтобы он был охарактеризован как система.

Итак, систему определяют как совокупность элементов, находящихся в отношениях и связях друг с другом, которая образует определенную целостность, единство. Классическая система отличается жесткой взаимосвязанностью всех своих частей, тем, что любая часть работает на целое, целому полностью подчинено все функционирование каждой ее части. Это обеспечивает сохранность ее идентичности и определяет как ее гомеостаз, так и инертность, устойчивость к изменениям. Квазиклассическая же система отличается тем, что некоторые ее части

могут не работать на целое и могут быть даже деструктивными по отношению к системе, в которую входят. Но эти части также при этом относятся к этой системе (они не внесистемны) и становятся полезными для системы, обеспечивая ее лабильность и способность изменяться в условиях, когда это становится необходимым. Они и являются, по большому счету, источником творческих инноваций в системе и мультиверсальности как парадоксального разнообразия реакций такой системы на любое внешнее воздействие или внутрисистемное событие.

3. Как можно охарактеризовать современное информационное общество?

Современное общество представляет собой систему, как и любое общество [Василенко И.А., 2010]. Но в том, что современное информационное общество — система квазиклассическая, мы можем убедиться, анализируя его связи между элементами и поведение самих элементов. Для него нехарактерно жесткое соблюдение принципов системности. За счет этого оно лабильно и способно к быстрым изменениям (но не по всем параметрам, ибо остались и элементы, связанные жесткой системностью). О современном состоянии общества пишет В.И. Аршинов: «В перечне характеристик современного этапа становления постиндустриальной цивилизации обычно присутствуют такие “ключевые слова”, как глобализация, турбулентность, кризис, время макросдвига, информационная эпоха, век бифуркации, эпоха взрывного инновационного роста, эпоха инновационной экономики. И в этом же контексте все чаще можно встретить утверждение, что мир вступил в эпоху глобальной сложности, и т.д.» [Аршинов В.И., 2016, с. 15].

Говоря о творчестве, обычно имеют в виду культуру. Так, Н.М. Смирнова определяет творчество как созидание новых культурных смыслов [Смирнова Н.М., 2015]. Большой вклад в понимание того, что является культурой, внес В.С. Степин. Ему принадлежит определение культуры как «системы исторически развивающихся надбиологических программ человеческой жизнедеятельности (деятельности, поведения и общения), обеспечивающих воспроизведение и изменение социальной жизни во всех ее основных проявлениях» [Степин В.С., 2011, с. 43].

В этом состоит информационная и программирующая роль культуры. В культуре, по Степину, воспроизводятся социокоды — надбиологические программы деятельности, поведения, общения, представляющие собой образцы поведения и деятельности субъектов данной культуры, передаваемые в обществе как культурные традиции.

Степин выделял традиционное общество и общество модерна как основные исторические типы цивилизационного развития. Каждый тип культуры (цивилизации) характеризуется прежде всего системой ценностей, неразрывно связанной со стилем деятельности и познания человека данной культуры.

Огромная заслуга В.С. Степина, как было уже отмечено нами [Моркина Ю.С., 2023], в том, что он подчеркивал роль ценностей в функционировании и изменении культуры. К ценностям традиционной культуры (или традиционного общества) он относил постоянство и гармонию (как общества с природой, так внутри общества), такое общество стремится блести традиции и избегать инноваций. Каждый родившийся человек уже фактом своего рождения встроен в такое общество и, подрастая, учится ему служить. Традиционные общества характеризуются замедленными темпами социальных изменений.

Традиционные общества консервативны. В таком обществе может смениться несколько поколений людей при одних и тех же реалиях общественной жизни, которые воспроизводятся и передаются следующему поколению. Деятельность, ее виды и средства, а также цели существуют столетиями в неизменном виде в качестве устойчивых стереотипов. В культуре традиционных обществ инновация не является ценностью, но ценностями являются традиции, устоявшиеся образцы и нормы, аккумулирующие опыт предков, а используемые стили мышления — канонизированы. Инновационная деятельность имеет ограничения и допустима лишь в рамках веками апробированных традиций. Древняя Индия, Древний Китай, Древний Египет, государства мусульманского Востока эпохи Средневековья и т.д. — все это традиционные общества [Степин В.С., 2011].

Иные же ценности техногенной цивилизации. Так, Степин пишет: «Когда техногенная цивилизация сформировалась в относительно зрелом

виде, то темп социальных изменений стал возрастать с огромной скоростью. Можно сказать, что экстенсивное развитие истории здесь заменяется интенсивным; пространственное существование — временными. Резервы роста черпаются уже не за счет расширения культурных зон, а за счет перестройки самих оснований прежних способов жизнедеятельности и формирования принципиально новых возможностей. Самое главное и действительно эпохальное, всемирно-историческое изменение, связанное с переходом от традиционного общества к техногенной цивилизации, состоит в возникновении новой системы ценностей. Ценностью считается сама инновация, оригинальность, вообще новое» [Степин В.С., 2011, с. 83].

Анализ состояния современного социума подводит к мысли о том, что все инновации — открытия, изобретения, новое в искусстве — имеют источником творческий потенциал элементов, его составляющих: индивидуумов, коллективов, групп и т.п., демонстрирующих «квазиклассическое» отношение с социумом, частями которого являются.

Любое общество (в том числе традиционное) является квазиклассической системой и имеет парадоксальные элементы, работающие как на систему, так и против нее. Но в классическом обществе, развивающимся очень постепенно, таких элементов мало. Насчет него верно то, что говорит Фромм о системах.

Сложнее обстоит дело с техногенной цивилизацией. Когда Степин описывал ее, впереди еще были многие события, включая развитие того, что называют современным информационным обществом. «Текущесть» современного общества обусловлена большим количеством квазиклассических элементов. Кроме того, прослеживается тенденция к их умножению.

Современное общество, которое называют информационным, раздирают противоречия. Принято рассматривать общество как систему, но как далеко то, что происходит от классического описания системы, эмерджентные качества которой возникают из согласованности работы ее элементов, которая сохраняет свое текущее актуальное состояние за счет слаженного действия всех частей, составляющих иерархию, системы, адекватно реагирующей на изменения внешней среды так, чтобы по возможности остаться той же самой, сохранив свою идентич-

ность. Информационное общество по многим признакам не подходит под классическое понятие системы. Оно парадоксально как система. Вместе с тем такая его характеристика может обуславливать положительные изменения в нем, его творческую роль и неожиданные инновации, в том числе социальные. Квазиклассические элементы становятся неиссякаемым источником внешних и внутренних инноваций.

Кроме того, именно квазиклассичность современного информационного общества (учитывая то, что в данный момент времени оно co-существует с традиционными обществами) обеспечивает мультиверсальность современного мира, многообразие населяющих его сообществ и неоднозначность, парадоксальность некоторых из них как систем.

4. Заключение

В статье используется понятие квазиклассической системы, отличительной чертой которой является деструктивное поведение отдельных элементов этой системы, а также другие свойства, нехарактерные для классических систем.

То, что в современном информационном обществе господствуют квазиклассические системы, делает это общество более лабильным, более склонным к изменению и к проявлению творчества. Необходимо, правда, всегда помнить: наше общество является обществом, пока является системой. Квазиклассической, но системой. Граница между классической и квазиклассической системами размыта. Система может приходить к квазиклассическому состоянию постепенно, и также постепенен тогда будет переход к полной анархии — отсутствию всякой системы вообще. Поэтому рациональным был бы мониторинг современного общества на признаки системности. Квазиклассическая система, обеспечивающая свой творческий характер, но оберегающая себя от развала, была бы лучшим вариантом общественного устройства на сегодняшний день. Квазиклассическая система, в которой существуют условия для творчества, сама становится созданием своих элементов. К сожалению, лучшие варианты существования и развития общества — это утопии. Понятие квазиклассической системы необходимо нам для осмыслиения, концептуализации определенных реалий и помимо анализа современного общества. Это понятие может

пригодиться и в других случаях (например, для исследования человеческой психики). Поэтому представляется необходимым использование этого понятия в философском обороте.

Список литературы

Ариинов В.И. На пути к наблюдателю-конструктору инновационной сложности // Инновационная сложность / отв. ред. Е.Н. Князева. СПб.: Алетейя, 2016. С. 15–37.

Василенко И.А. Система политическая // Новая философская энциклопедия: в 4 т. / науч.-ред. совет: В.С. Степин и др. М.: Мысль, 2010. Т. 3. С. 555–556. URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH0178cc6538a5c6496f161178> (дата обращения: 11.04.2024).

Князева Е.Н. Инновационная сложность: общая методология и способы организации когнитивных, коммуникативных, социальных систем // Инновационная сложность / отв. ред. Е.Н. Князева. СПб.: Алетейя, 2016. С. 38–100.

Матурана У., Варела Ф. Древо познания: Биологические корни человеческого понимания / пер. с англ. Ю.А. Данилова. М.: Прогресс-Традиция, 2001. 224 с.

Моркина Ю.С. Ценности как фактор культурного развития // Третий Степинские чтения. Перспективы философии науки в современную эпоху: материалы Междунар. конф. (Москва, 20–21 июня 2023 г.) / отв. ред В.А. Лекторский, В.Г. Буданов. М.; Курск: Университетская книга, 2023. С. 478–481.

Николис Г., Пригожин И. Самоорганизация в неравновесных системах: от диссиативных структур к упорядоченности через флуктуации / пер. с англ. В.Ф. Пастушенко. М.: Мир, 1979. 512 с.

Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой / пер. с англ. Ю.А. Данилова. М.: Прогресс, 1986. 432 с.

Садовский В.Н. Система // Новая философская энциклопедия: в 4 т. / науч.-ред. совет: В.С. Степин и др. М.: Мысль, 2010. Т. 3. С. 552–553. URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASHd77bbce481b4406a90ced7> (дата обращения: 11.04.2024).

Смирнова Н.М. Концепт коммуникативной сложности в парадигме (пост)неклассической рациональности // Инновационная сложность / отв. ред. Е.Н. Князева. СПб.: Алетейя, 2016. С. 268–295.

Смирнова Н.М. Творчество как процесс созидания новых культурных смыслов // Философия творчества: материалы Всерос. науч. конф.

(Москва, Ин-т философии РАН, 8–9 апреля 2015 г.) / под ред. Н.М. Смирновой, А.Ю. Алексеева. М.: ИИнтелл, 2015. С. 88–103.

Степин В.С. Цивилизация и культура. СПб.: Изд-во СПбГУП, 2011. 408 с.

Фромм Э. Быть человеком // Фромм Э. Быть человеком. Концепция человека у Карла Маркса: сборник / пер. с англ. А. Александровой. М.: ACT, 2020. С. 6–189.

Luhmann N. The autopoiesis of social systems // Luhmann N. Essays on self-reference. N.Y: Columbia University Press, 1990. P. 1–20.

References

Arshinov, V.I. (2016). [On the way to the observer-designer of innovative complexity]. *Innovatsionnaya slozhnost'*, otv. red. E.N. Knyazeva [E.N. Knyazeva (ed.) Innovative complexity]. St. Petersburg: Aleteya Publ., pp. 15–37.

Fromm, E. (2020). [On being human]. *Fromm E. Byt' chelovekom. Kontsepsiya cheloveka u Karla Marks'a: sbornik* [Fromm E. On being human. Marx's concept of man: collection]. Moscow: AST Publ., pp. 6–189.

Knyazeva, E.N. (2016). [Innovative complexity: general methodology and methods of organizing cognitive, communicative, and social systems]. *Innovatsionnaya slozhnost'*, otv. red. E.N. Knyazeva [E.N. Knyazeva (ed.) Innovative complexity]. St. Petersburg: Aleteya Publ., pp. 38–100.

Luhmann, N. (1990) The autopoiesis of social systems. *Luhmann N. Essays on self-reference*. New York: Columbia University Press, pp. 1–20.

Maturana, H.R. and Varela, F.G. (2001). *Drevo poznaniya. Biologicheskie korni chelovecheskogo ponimaniya* [The tree of knowledge: the biological roots of human understanding]. Moscow: Progress-Taditsiya Publ., 224 p.

Morkina, Yu.S. (2023). [Values as a factor of cultural development]. *Tret'i Stepinskie chteniya. Perspektivy filosofii nauki v sovremennoy ehpokhu: materialy Mezhdunar. konf. (Moskva, 20–21 iyunya, 2023 g.),* отв. red V.A. Lektorskiy, V.G. Budanov [V.A. Lektorskiy, V.G. Budanov (eds.) Third Stepin readings. Prospects of philosophy of science in the modern era: proceedings of the International conference (Moscow, Jun. 20–23, 2023)]. Moscow, Kursk: Universitetskaya kniga Publ., pp. 478–481.

Nicolis, G. and Prigogine, I. (1979). *Samoorganizatsiya v neravnovesnykh sistemakh: ot dissipativnykh struktur k uporyadochennosti cherez fluktuatsii* [Self-organization in nonequilibrium systems:

from dissipative structures to order through fluctuations]. Moscow: Mir Publ., 512 p.

Prigogine, I. and Stengers, I. (1986). *Poryadok iz khaosa. Novyi dialog cheloveka s prirodoi* [Order out of chaos: Man's new dialogue with nature]. Moscow: Progress Publ., 432 p.

Sadovskii, V.N. (2010). [Sistema Novaya filosofskaya ehntsiklopediya: v 4 t., nauch. red. V.S. Stepin i dr. [V.S. Stepin et al. (eds.) The new philosophical encyclopedia: in 4 vols]. Moscow: Mysl' Publ., vol. 3, pp. 552–553. Available at: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASHd77bbce481b4406a90ced7> (accessed 11.04.2024).

Smirnova, N.M. (2015). [Creativity as a process of creating new cultural meanings]. *Filosofiya tvorchestva: materialy Vseros. nauch. konf. (Moskva, In-t filosofii RAN, 8–9 aprelya 2015 g.), pod red. N.M. Smirovoy, A.Yu. Alekseyeva* [N.M. Smirova, A.Yu. Alekseyev (eds.) Philosophy of creativity: proceedings of the All-Russian scientific conference

(Moscow, IPh RAS, Apr. 8–9, 2015). Moscow: IIntell Publ., pp. 88–103.

Smirnova, N.M. (2016). [The concept of communicative complexity in the paradigm (post)nonclassical rationality]. *Innovatsionnaya slozhnost', otv. red. E.N. Knyazeva* [E.N. Knyazeva (ed.) Innovative complexity]. St. Petersburg: Aleteya Publ., pp. 268–295.

Stepin, V.S. (2011). *Tsivilizatsiya i kul'tura* [Civilization and culture]. St. Petersburg: SPbUHSS Publ., 408 p.

Vasilenko, I.A. (2010). [The political system]. *Novaya filosofskaya ehntsiklopediya: v 4 t., nauch. red. V.S. Stepin i dr.* [V.S. Stepin et al. (eds.) The new philosophical encyclopedia: in 4 vols]. Moscow: Mysl' Publ., vol. 3, pp. 555–556. Available at: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH0178cc6538a5c6496f161178> (accessed 11.04.2024).

Об авторе

Моркина Юлия Сергеевна

кандидат философских наук,
старший научный сотрудник

Институт философии РАН,
109240, Москва, ул. Гончарная, 12/1;
e-mail: morkina21@mail.ru
ResearcherID: Q-1064-2018

About the author

Julia S. Morkina

Candidate of Philosophy, Senior Researcher

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences,
12/1, Goncharnaya st., Moscow, 109240, Russia;
e-mail: morkina21@mail.ru
ResearcherID: Q-1064-2018

ФИЛОСОФИЯ

УДК 13+14
<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2025-4-543-552>
<https://elibrary.ru/vjsboe>

Поступила: 21.09.2025
Принята: 24.11.2025
Опубликована: 26.12.2025

ЭСКАПИЗМ В ПОСТМЕТАФИЗИЧЕСКУЮ ЭПОХУ

Бакеева Елена Васильевна

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург)

В статье исследуется феномен эскапизма в онтологическом аспекте, предполагающем переосмысление понятий «мир», «реальность», «объект» и «субъект» в контексте современности. Данный контекст характеризуется проблематизацией и разрушением «больших нарративов», находящихся в основании «общего» как такового. В данной ситуации возникает необходимость переосмысления эскапизма. В рамках классической метафизики Нового времени данный феномен обычно трактуется в негативном ключе. Подобная оценка связана с особенностями миропонимания, характерного для данной эпохи. Новоевропейская метафизика трактует мир как «объективную реальность», выступающую общим всеми существующими вещами и явлениями. Человек-субъект занимает в отношении данной реальности вполне определенную позицию. Последняя предполагает выполнение онтологической миссии преобразования и рационализации реальности в соответствии с законами природы. В данном контексте эскапизм как феномен «ухода из мира» трактуется негативным образом, как попытка уклонения от указанной миссии. Наступающая во второй половине XIX в. постметафизическая эпоха ознаменована разрушением представлений об устойчивой и упорядоченной «объективной реальности» и о месте человека в «общем» мире. В работе показано, что в данной ситуации негативная оценка эскапизма как социальной девиации становится нерелевантной. Проблематизация «общего» ставит человека перед необходимостью постоянного пересоздания мира как смыслового целого. В рамках этой позиции феномен эскапизма может быть истолкован не как девиация, но как оправданная реакция на банкротство «общего». Применительно к данной онтологической ситуации выделяются два вида эскапизма — осмысленный эскапизм и эскапизм «бессознательного» толка. Именно последний может рассматриваться как уклонение и бегство — не от «общей» реальности, но от онтологической задачи смыслового пересоздания мира.

Ключевые слова: эскапизм, объективная реальность, виртуальная реальность, человек, субъект, мир, бытие, метафизика, постметафизика, природа, поступок, И. Кант, М.М. Бахтин, Д. Бонхеффер, М. Фуко.

Для цитирования:

Бакеева Е.В. Эскапизм в постметафизическую эпоху // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2025. Вып. 4. С. 543–552. <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2025-4-543-552>. EDN: VJSBOE

ESCAPISM IN THE POST-METAPHYSICAL ERA

Elena V. Bakeeva

Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (Ekaterinburg)

This article examines the phenomenon of escapism from an ontological perspective, which involves re-thinking the concepts of «world», «reality», «object», and «subject» in the context of modernity. This context is characterized by the problematization and destruction of «grand narratives» that underlie the «common» as such. This situation necessitates a rethinking of escapism. Within the framework of classical metaphysics of the Modern Age, this phenomenon is typically interpreted negatively. This assessment is linked to the particular worldview characteristic of this era. Modern European metaphysics interprets the world as an «objective reality» serving as a common repository of things and phenomena. The human subject occupies a very specific position in relation to this reality. This position presupposes the fulfillment of the ontological mission of transforming and rationalizing reality in accordance with the laws of nature. In this context, escapism, as a phenomenon of «withdrawal from the world», is interpreted negatively, as an attempt to evade this mission. The post-metaphysical era, which started in the second half of the 19th century, was marked by the collapse of notions of a stable and ordered «objective reality» and of man's place in the «common» world. This paper demonstrates that, in this situation, the negative assessment of escapism as social deviation becomes irrelevant. The problematization of the «common» confronts man with the need to constantly recreate the world as a meaningful whole. Within this framework, the phenomenon of escapism can be interpreted not as a deviation but as a justified reaction to the bankruptcy of the «common». In relation to this ontological situation, two types of escapism are distinguished: meaningful escapism and «unconscious» escapism. The latter can be viewed as an evasion and escape — not from «common» reality but from the ontological task of meaningfully re-creating the world.

Keywords: escapism, objective reality, virtual reality, man, subject, world, being, metaphysics, postmetaphysics, nature, act, I. Kant, M.M. Bakhtin, D. Bonhoeffer, M. Foucault.

To cite:

Bakeeva E.V. [Escapism in the post-metaphysical era]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psichologija. Sociologija* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2025, issue 4, pp. 543–552 (in Russian),
<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2025-4-543-552>, EDN: VJSBOE

Введение

Феномен эскапизма далеко не новый и имеет солидную традицию своего осмысливания в гуманитаристике. В социально-гуманитарной литературе первой четверти XXI в. также наблюдается активное обращение к теме эскапизма (см., напр., [Белов В.И., 2017; Яровенко С.А., 2010; Литинская Д.Г., 2012]). Вместе с тем в литературе последних лет отмечается усиление эскапистских тенденций в современном обществе, связанное, в частности, с появлением множества новых технологических возможностей «ухода из мира» [Шапинская Е.Н., 2019, с. 183]. Однако сам феномен эскапизма чаще

всего осмысляется при этом вполне традиционным образом — как бегство от реальности. Даже несмотря на то, что в современных исследованиях иногда предпринимаются попытки выявить позитивные аспекты данного феномена [Труфанова Е.О., 2021, с. 132], само явление подобного рода так или иначе воспринимается как определенная девиация.

Данное обстоятельство, на наш взгляд, связано с сохраняющейся инерцией классического рационалистического миропонимания, для которого характерно представление о существовании мира как «объективной реальности», вмещающей в себя всю совокупность сущего и в целом доступной для познания и преобразования чело-

веком-субъектом. В рамках подобной установки любая попытка человека уклониться от этой познавательно-преобразовательной миссии действительно должна трактоваться как девиация, нарушающая порядок вещей и противоречащая человеческой сущности.

Между тем, как известно, классическая рационалистическая картина мира и соответствующий ей способ мышления подвергаются критике и переосмыслинию на протяжении последних (как минимум) полутора столетий. В ходе этой критики оказываются под сомнением в том числе и такие фундаментальные категории, как «объект», «субъект», «реальность» и «мир». В данных обстоятельствах представляется необходимым пересмотр смысла феномена эскапизма прежде всего в онтологическом аспекте, что и выступает основной целью настоящей статьи. Таким образом, в рамках данного небольшого исследования предпринимается анализ феномена эскапизма в современной ситуации, которую можно охарактеризовать как *постметафизическую*.

1. Эскапизм в свете классического рационализма: бегство и бунт

Новоевропейская философия создает и транслирует картину мира, опирающуюся на представление о некоей общей реальности, разделяемое всеми носителями универсального разума. Это представление может и должно корректироваться в процессе познания мира, однако в основных своих чертах оно всегда уже задано: реальность имеет объективный (независимый от отдельного индивида) характер и существует в соответствии с извечными и непреложными законами природы. Человек в данной картине мира также подчиняется этим законам, поскольку является частью объективной реальности, включающей в себя и общество. Даже кантовская попытка утвердить человеческую свободу в противовес «механизму природы» предполагает необсуждаемую общность всех разумных существ, чья свобода может и должна служить исключительно разумному замыслу мира в целом [Кант И., 1999, с. 940].

В этом контексте любая попытка выйти за рамки этого единого замысла неизбежно должна получать, так сказать, онтологически негативную оценку, поскольку ставит под сомнение не только жизнь отдельного человека, но и са-

мо мироустройство. Подобная оценка так или иначе выносится всем формам «бегства от реальности», включая и эскапизм религиозного толка. «Объективная реальность» как ключевая философема классического рационализма Нового времени естественным образом стремится распространиться на всю область сущего, включая и реальность Трансцендентного. В силу этого тенденция имманентизации Трансцендентного, характерная для данной эпохи, в конечном счете охватывает собой и духовную сферу человеческого бытия. Глубочайший анализ этого феномена осуществляется в повести Льва Толстого «Отец Сергий», освещаящий перипетии «бегства из мира» блестящего аристократа Степана Касатского [Толстой Л.Н., 1982]. Поистине ироничным оказывается то обстоятельство, что всякий раз, вырываясь из мирских пут, главный герой обнаруживает себя скованным новыми путями, мир как бы настигает его снова и снова, пусть даже в виде мира Церкви, а точнее — церковной организации. Структурированным и регулируемым оказывается здесь даже существование старца-отшельника, отршившегося от мира. На фоне этой неистребимости «мирского», уничтожающего всякую свободу и убивающего дух, вполне закономерным оказывается финал повести, означененный уходом главного героя «в никуда» [Толстой Л.Н., 1982].

В этом отношении повесть Толстого оказывается вестником новой эпохи, названной выше *постметафизическими*. Бегство из мира трактуется здесь не как стремление отказаться от общественных связей и уклониться от «общего дела», но как единственный способ сохранения духовного начала в себе. Сама по себе эта «переоценка ценностей», в свою очередь, становится возможной в контексте проблематизации самой категории «общего», выступающей одним из фундаментальных понятий классического рационализма Нового времени. «Общее» легитимируется и фетишизируется авторитетом универсального Разума как краеугольного камня новоевропейского трансцендентализма. Человек-субъект как главное действующее лицо новоевропейской эпохи всегда так или иначе нацелен на посильное участие в «общем деле», охватывающем не только социальную реальность, но и всю совокупность сущего. Именно поэтому избегание этой общей судьбы есть

своего рода «онтологический грех». Последний может проявиться не только в бегстве от реальности, но и в бунте против нее, в трансгрессивном поведении самого разного толка. В этом случае решающую роль в оценке данного феномена также играет онтологический контекст; классическая рационалистическая метафизика предполагает негативное отношение к бунтарству как таковому, которое не следует смешивать с социально-политической активностью человека-субъекта. Если последняя всегда так или иначе направлена на совершенствование реальности (пусть даже революционным путем) и в этом смысле также выступает вариацией «общего дела», то бунтарство — вызов и обществу, и миру в целом, чаще всего одинокий (отсюда и пресловутое «бунтарь-одиночка»). Собственно, бунтарь — всегда одиночка, просто потому что находится на *границе мира*, где не с кем объединяться. В этом отношении эпитет Диогена-киника и всех его бесчисленных последователей, вплоть до самых современных, есть не просто протест против определенного устройства мира, но против *мира как такового*. Предельно лаконичным и точным выражением этого протesta может служить эпитафия на могиле Григория Сковороды: «Мир ловил меня, но не поймал». Эта констатация являет собой саму суть увенчавшегося успехом эскапистского замысла, в котором бегство и бунт сливаются до неразличимости. Так или иначе, даже упомянутые (вполне достойные) образцы эскапистского существования имеют маргинальный статус в мире, осмысливаемом как некое общее вместилище людей, вещей, явлений и событий, — статус, в конечном счете подлежащий осуждению.

2. Неклассическая мысль: проблематизация «общего»

В современной гуманитаристике общим местом является представление о том, что во второй половине XIX в. все более явной становится своего рода эрозия классического рационалистического миропонимания. Данный процесс начинается с проблематизации фигуры трансцендентального субъекта, служащей концептуальным фундаментом новоевропейского рационализма. Неклассическая мысль, прежде всего в лице таких авторов, как К. Маркс, Ф. Ницше, З. Фрейд [Рикер П., 1995, с. 230], ставит под

сомнение представление об универсальном и неизменном характере трансцендентальных способностей субъекта, обеспечивающем универсальность и неизменность миропорядка. Постепенно под вопросом оказываются все «несущие конструкции» мира как объективной реальности: познающий и действующий субъект, всегда равный себе и прозрачный для самого себя, основы общественного устройства и, наконец, сама природа, постигаемая посредством науки. Последняя, по меньшей мере начиная с разразившегося на рубеже XIX–XX столетий «кризиса в естествознании», потеряла свой статус той несомненной константы, которой не могут коснуться возможные изменения представлений субъекта о себе самом или о законах социальной реальности. Само слово «реальность» к началу XXI столетия вызывает все больше вопросов не только у философов, но и у представителей самых различных наук [Жаров С.Н., 2015, с. 13].

Проблематизация субъекта в неклассической философии и науке связана в первую очередь с открытием искусственного характера данного концепта. Ознаменованный знаменитым ницшеевским восклицанием «Кто здесь задает вопросы?» процесс эрозии понятий «человек» и «субъект» достигает высшей точки в конце XX – начале XXI в. Первое из этих понятий наиболее выразительным образом развенчивается Мишелем Фуко, прежде всего, в его культовом произведении, завершающемся широко известными словами: «Человек, как без труда показывает археология нашей мысли, — это изобретение недавнее. И конец его, быть может, недалек» [Фуко М., 1994, с. 404]. Человек у Фуко предстает функцией определенной «дискурсивной формации», а не сущностью, прочно вписанной в раз и навсегда определенное мироустройство. Тем самым последнее также расплывается в неопределенности случайно сложившихся обстоятельств, в силу которых сам мир всякий раз мыслится тем или иным, но никогда — вечным и неизменным.

Что касается «субъекта» и «субъектности» («субъективности»), выступающих краеугольным камнем классического рационализма Нового времени, то уже первые опыты неклассической мысли, предпринятые, в частности, в рамках феноменологии, ставят под сомнение сущностный характер ключевых характеристик

субъектности. Важнейшей из этих характеристик выступает способность к самостоятельной и осмысленной активности, не обусловленной каким бы то ни было внешним воздействием, включая и телесность человека-субъекта. Но как только сама эта активность начинает рассматриваться как функция некоего безличного процесса, подлежащего исключительно дескриптивному исследованию, ее онтологический статус оказывается под вопросом. Как справедливо отмечает С.В. Комаров, трансцендентальная субъективность в феноменологии есть не то, что существует субстанциально, но нечто, возникающее в акте «самоистолкования Я»: «...это самоистолкование ego разворачивается как постоянная редукция моего я к безличной трансцендентальной субъективности, к абсолютному сознанию, к абсолютному темпорально-конституированному потоку, как “потеря” собственности. Это постоянное превращение из “моего” я в “не мою” трансцендентальную субъективность, с сохранением нередуцируемого остатка (Residuum), и есть гуссерлианская самоидентификация» [Комаров С.В., 2024, с. 123].

«Исключение всякой метафизики», таким образом, неизбежно ведет к разрушению той концептуальной конструкции, которая выступает общим *вместилищем* всего сущего, включая человека: теряя свою сущность (по определению — метафизическую), человек становится бездомным. Именно здесь лежат корни такого экзистенциала, как «заброшенность». В этом отношении смещение фокуса внимания философии в сторону социальности, наблюдающееся на протяжении второй половины XX – начала XXI столетий, можно трактовать как проявление стремления отыскать новый дом человеку, потерявшему прежнее убежище в виде вечного и неизменного мира.

Подобное стремление, однако, заранее обречено на неудачу, коль скоро социальность не может мыслиться иначе, как исключительно исторически, т.е. не просто в динамике, но будучи лишенной сущностной (метафизической) основы. В данном отношении вполне оправданными оказываются парадоксальные рассуждения Ж. Бодрийара, формулирующего две гипотезы относительно социального, странным образом приводящие к одному выводу: о призрачном, фантомном характере социальности как таковой. Этот вывод оказывается неизбежным постольку,

поскольку социальность — как совокупность связей и отношений между элементами, лишенными метафизического статуса, — заменяет собой сущностную бытийную основу мира: «...есть только социальность. Социальное вовсе не исчезает, а, напротив, торжествует и заявляет о себе повсюду. Можно, однако, предположить — вопреки мнению, будто динамика социального развертывается в закономерный прогресс человечества, а все ее избежавшее представляет собой лишь остаток, — что как раз само социальное и является остатком и что оно торжествует именно в этом качестве. Заполнивший собой все, ставший универсальным и получивший статус реальности остаток рассеивания символического порядка — это и есть социальное. Перед нами уже более изысканная форма смерти» [Бодрийяр Ж., 2007, с. 231].

Но в этом качестве «остатка, заполнившего собой все», социальность, как ни странно, не может служить основой общности вещей, людей и явлений, не может быть тем *домом всего сущего*, откуда можно убежать и куда можно вернуться. Это означает, в свою очередь, что само понятие эскапизма в значительной степени теряет свой первоначальный смысл. «Исключить себя из общества» или «быть исключенным из общества» — в обоих случаях значение данных выражений оказывается неопределенным, коль скоро статус самого общества ставится под вопрос.

В данной ситуации остается еще одна возможность утвердить и сохранить пошатнувшуюся основу «общего»: апелляция к *природе* как к той необсуждаемой данности, которая и выступает объектом познавательной и преобразовательной деятельности человека-субъекта. Казалось бы, любая попытка бегства из мира неминуемо должна натолкнуться на непреложный характер природных закономерностей, определяющих общность бытия всего сущего. Однако и эта казавшаяся незыблевой основа начинает разрушаться с того момента, как под вопросом оказывается само субъект-объектное отношение, обеспечивавшее незыблемость представлений субъекта о себе самом и о противостоящей ему «объективной реальности». Как известно, в науке эта проблематизация субъект-объектного отношения связана прежде всего с так называемым «кризисом естествознания» рубежа XIX–XX столетий. Это, каза-

лось бы, локальное событие, связанное с перестройкой концептуальных и методологических оснований наук о природе, в конечном счете затронуло сам фундамент миропонимания и самопонимания человека, вступившего тем самым в неклассическую или «постметафизическую» эпоху. Суть этих изменений в осмыслении природы как «объективной реальности» и, соответственно, самого субъекта, взаимодействующего с этой реальностью, очень точно была сформулирована одним из создателей квантовой физики Вернером Гейзенбергом: «Мы с самого начала находимся в средоточии взаимоотношений природы и человека, и естествознание представляет собой только часть этих отношений, так что общепринятое разделение мира на субъект и объект, внутренний мир и внешний, тело и душу больше неприемлемо и приводит к затруднениям. Стало быть, в естествознании предметом исследования является уже не природа сама по себе, а природа, поскольку она подлежит человеческому вопрошанию, поэтому и здесь человек опять-таки встречает самого себя» [Гейзенберг В., 2006, с. 230].

Эти слова, сказанные в середине XX столетия, обретают новые смысловые оттенки в первой четверти века нынешнего. Эти новые смыслы связаны именно с вышеописанной проблематизацией всех базовых концептуальных оснований классической рациональности, и прежде всего — понятия человека как субъекта познания и деятельности. Таким образом, мы видим здесь, как замыкается этот «круг оснований»: «встречая повсюду самого себя» в своих познавательных усилиях, человек-субъект оказывается перед неприятной необходимостью задаться вопросом о статусе и сущности самого этого «себя». В данной ситуации делается явным то обстоятельство, которое в латентном виде всегда присутствует в рамках классической рационалистической позиции: человек, общество и природа как базовые элементы картины мира находятся здесь в отношениях взаимного обоснования. Это означает, что ни один из этих элементов в отдельности не может выступать в качестве подлинного *начала* (бытия и мышления), к которому могли бы апеллировать все остальные составляющие данной системы миропонимания.

Ярче всего данное обстоятельство проявляется в современной культуре именно в тенден-

циях пересмотра самой сущности «человеческого», в частности, в феномене «постгуманизма» [Криман А.И., 2024, с. 44]. Ожесточенный характер дискуссий, ведущихся в связи с данным феноменом, связан, как представляется, с той неизбежной неопределенностью, которая характеризует понимание современным человеком как «природы вообще», так и «природы человека». Самый главный вопрос, который здесь возникает, можно сформулировать следующим образом: существует ли некий инвариант человеческого, который должен сохраняться при всех попытках технологического усовершенствования возможностей человека, или предела данному процессу не существует? Вне зависимости от ответа на данный вопрос можно констатировать следующее: само его возникновение возможно только в ситуации утери того *общего мира*, в котором человек вместе с его природой занимал свое место. Можно было спорить о сути и характере этой природы, о центральности или, напротив, периферийности места человека в мире, однако сама эта встроенность человека в мир в рамках классической метафизики Нового времени никаким образом не оспаривается. «Постметафизическая» эпоха начинается и утверждается прежде всего тогда, когда признается *странность* способа человеческого существования, точно определенная М. Хайдеггером как «выединенность в Ничто».

В контексте всего вышесказанного сам феномен эскапизма предстает в новом свете. Эта новизна в первом приближении может быть обозначена следующим образом: смысл выражений «ход из мира» или «бегство от реальности» должен быть пересмотрен по той простой причине, что *не существует того пространства, из которого можно было бы убежать* (или, по крайней мере, попытаться это сделать).

3. Обсуждение и результаты

С принятием вышеозначенного тезиса прежде всего возникает следующий вопрос: сохраняет ли понятие эскапизма хоть какой-то смысл в данной ситуации? Представляется, что на данный вопрос все же можно дать положительный ответ. Такая возможность связана с тем, что «общее», несмотря на проблематичность своего онтологического статуса, продолжает служить фоном человеческого существования, хотя бы в

виде более или менее общепринятых представлений о мире. В таком случае эскапизм можно истолковать как более или менее радикальную вариацию *нонконформизма*.

Возросший интерес к этому феномену в гуманитаристике, на который указывалось выше, связан, как представляется, прежде всего с усилением этих нонконформистских тенденций в современном обществе, вне зависимости от цивилизационных или культурных особенностей. «Общее» как таковое подвергается фрагментации в самых разных измерениях социальной реальности, и данное явление далеко не всегда связано с новыми технологическими возможностями, к примеру — с возможностями пребывания в виртуальных мирах. Эскапизм как проявление нонконформизма может быть и выражением антитехицизма, как, например, в случае перемещения жителей мегаполисов в сельскую местность с целью обретения гармонии с природой и людьми. Объединяет эти два полюса современного эскапизма (так же, как и все остальные его вариации) именно момент проблематизации или отрицания всеобщего миропорядка, выступающего в статусе «объективной реальности», имеющей власть над человеком.

В таком случае онтологический смысл эскапизма в «постметафизическую» эпоху можно было бы сформулировать как осознанное или неосознанное существование в ситуации «отсутствующего общего». Саму же данную ситуацию можно рассматривать как неизбежное следствие констатации «смерти Бога», провозглашенной на заре «постметафизики». Вслед за Богом неизбежно разоблачаются и разрушаются все так называемые «большие нарративы», внутри которых человек мог существовать как одна из частей Целого. В современном мире, подвергающемся неуклонной хаотизации, подобное существование становится практически невозможным. Именно с этим, как представляется, связан нарастающий характер эскапистских тенденций самого разного толка.

В первую очередь данная констатация означает необходимость переоценки самого феномена эскапизма — так сказать, снятия с него клейма девиации. Вместе с тем данная переоценка вовсе не означает приравнивания друг к другу разных форм и видов эскапизма. Представляется, однако, что различие этих видов должно осуществляться на иных (по

сравнению с классической рационалистической позицией) основаниях. Основная линия разграничения здесь, думается, должна проходить именно между осознанностью и неосознанностью, или, точнее, между осмысленностью и неосмысленностью.

Речь идет, по сути, о состоянии совершеннолетия человека в том широко известном смысле, который данному понятию придает Иммануил Кант в работе «Ответ на вопрос: что такое Просвещение?». Данный смысл отнюдь не потерял своей актуальности в эпоху «постметафизики», но, скорее, стал еще более насущным. Эта актуальность очень точно и глубоко осмыслена в следующих словах немецкого теолога XX в. Дитриха Бонхеффера: «...наше совершеннолетие ведет нас к подлинному познанию нашей ситуации перед Богом. Бог дает нам понять, что мы должны жить, справляясь с жизнью без Бога. Бог, который с нами, есть Бог, который хочет, чтобы мы жили без рабочей гипотезы о Боге, есть Бог, перед которым мы постоянно пребываем. Перед Богом и с Богом мы живем без Бога» [Бонхеффер Д., 1994, с. 264]. В переводе с религиозного языка на «мирской» эта мысль может быть сформулирована следующим образом: совершеннолетний человек не существует и не находится себя внутри готового мира, но вынужден постоянно пересоздавать себя и мир, вынужден быть ответственным за смысл мира. Говоря словами Людвига Витгенштейна, совершеннолетний человек есть «граница — а не часть — мира» [Витгенштейн Л., 1994, с. 57].

Существовать в качестве границы мира означает существовать в *измерении личности*. Это и есть существование в форме *осмысленного эскапизма*, когда человек отдает себе отчет в банкротстве «общего мира» и берет на себя ответственность за мир. Разумеется, речь здесь отнюдь не идет о каких-либо претензиях на власть над миром. Существование в измерении личности предполагает *бытие как поступок* в том смысле, в котором об этом говорится в творчестве «раннего» М.М. Бахтина [Бахтин М.М., 1994]. Суть этого бытия предельно точно выражена в словах М.К. Мамардашвили: «Пока мы на уровне собственной ответственности, собственного страха и трепета не несем тяжесть мира, то и в мире ничего нет, он пуст» [Мамардашвили М.К., 2010, с. 106].

Бытие-поступок предполагает, таким образом, «мир сначала», в котором *данное* вторично по отношению к *заданному* — еще одна важная бахтинская оппозиция. И вновь здесь следует уточнить, что речь не идет о мире воображаемом, о некоей утопии, выступающей убежищем от невыносимости бытия. Поступок здесь — акт, зачинающий мир, коль скоро «мир» в рамках «постметафизики» есть не сумма вещей и явлений, но целостность смысла, имеющая виртуальный характер. Под «виртуальностью» в данном случае как раз и имеется в виду то, что мир не имеет субстанциального существования, но всякий раз рождается в акте бытия-поступка. В этом отношении человек, открывший для себя проблематичность «общего», оказывается перед необходимостью создавать собственную смысловую конфигурацию мира, тем самым предъявляя ее другим. Но и каждый из этих «других» оказывается перед тем же самым онтологическим вызовом.

Таким образом, «общий» мир классической метафизики сменяется многоголосием миров, пересекающихся друг с другом всегда только отчасти. Такое многоголосие совсем не обязательно должно принимать форму «войны миров»; напротив, именно позиция осмысленного эскапизма выступает своего рода «противоядием» в отношении органической враждебности к Другому. Именно несубстанциальный характер тех данностей мира, которые в рамках метафизической позиции подвергаются сакрализации и вокруг которых ведутся всевозможные войны, «обезвреживает» эту враждебность. Тем самым осмысленный эскапизм оказывается, собственно, единственным способом существования на фоне множественной, фрагментированной реальности «постметафизической» эпохи.

Альтернативой этому способу бытия может быть только эскапизм «бессознательного» толка — в самых разных вариациях: от ухода в ту или иную зависимость (компьютерные игры, наркомания, алкоголизм и т.п.) до насилиственного замыкания себя в рамках определенного сектантского сознания. В последнем случае речь не обязательно идет о сектах религиозного или псевдорелигиозного толка: любая попытка культивирования определенного образа жизни и мышления, ограниченного жесткими рамками какого-либо миропонимания, так или иначе есть сектантство. Такая попытка всегда обрече-

на на выстраивание круговой обороны от любой инаковости и, соответственно, обязательно несет в себе заряд конфликтности. Это неизбежно именно в силу бессознательного (точнее, неосознанного) характера данной позиции, сочетающей в себе стремление к сохранению «общего» мира и ощущение проблематичности всех и всяческих метафизических оснований.

Заключение

Обращение к онтологическому анализу феномена эскапизма, предпринятое выше, высвечивает, как представляется, более глубокую проблему существования современного человека, оказавшегося перед серьезным экзистенциальным вызовом. Суть этого вызова, этой новой онтологической задачи заключается не столько в том, чтобы выстроить свои отношения с миром или встроиться в мир (требование, предъявляемое к человеку во все времена господства устойчивых метафизических нарративов), сколько *создать мир заново*. И речь при этом отнюдь не идет о замыкании в субъективном маленьком мирке, но — о мире как той гармонии смысла, которая и соединяет друг с другом разрозненные фрагменты реальности. Как отмечалось выше, это мир, который предъявляется другим (в пределе — всем людям) и в который можно этих других пригласить. Разумеется, подобный вызов, возникающий перед человеком, требует от последнего гораздо более высокой степени зрелости, или того *совершеннолетия*, о котором писали И. Кант и Д. Бонхеффер. Более высокой — по сравнению с эпохами так называемых «больших нарративов», ограничивающих человека определенным образом мира как «общего дома». Соответствовать этой онтологической задаче можно, только существуя в своеобразном просвете между готовым миром «общего», потерявшим свою самоочевидность, и *смысловым хаосом* как отсутствием всякого мира. Именно в этом просвете и осуществляется способ бытия, названный выше «осмысленным эскапизмом». Важнейший признак этой экзистенциальной стратегии — соиздательный характер в противовес любым попыткам бессознательного бегства от реальности.

Список литературы

Бахтин М.М. К философии поступка // Бахтин М.М. Работы 20-х годов. Киев: Next, 1994. С. 9–68.

Белов В.И. Эскапизм: причины, функции и границы // Инновационная наука. 2017. № 3–1. С. 270–276.

Бодрийяр Ж. Фантомы современности / пер. с фр. Н.В. Суслова // Ясперс К., Бодрийяр Ж. Призрак толпы. М.: Алгоритм, 2007. С. 186–270.

Бонхеффер Д. Сопротивление и покорность / пер. с нем. А.Б. Григорьева. М.: Прогресс, 1994. 344 с.

Витгенштейн Л. Логико-философский трактат // Витгенштейн Л. Философские работы: в 2 ч / пер. с нем. М.С. Козловой, Ю.А. Асеева. М.: Гно-зис, 1994. Ч. I. С. 1–73.

Гейзенберг В. Картина природы в современной физике // Гейзенберг В. Избранные философские работы / пер. с нем. А.В. Ахутина, В.В. Бибихина. СПб.: Наука, 2006. С. 221–234.

Жаров С.Н. Бытие и реальность в современной физике // Проблема реальности в современном естествознании / отв. ред. Е.А. Мамчур. М.: Канон+, РООИ «Реабилитация», 2015. С. 5–39.

Кант И. Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане // Кант И. Метафизические начала естествознания / пер. с нем.; под общ. ред. В.Ф. Асмуса и др. М.: Мысль, 1999. С. 937–955.

Комаров С.В. На подступах к теории субъекта / Перм. гос. нац. иссл. ун-т. Пермь, 2024. 380 с.

Криман А.И. Что такое постгуманизм и почему он актуален сегодня // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 3: Философия. 2024. № 4. С. 43–62. DOI: <https://doi.org/10.31249/rphil/2024.04/06>

Литинская Д.Г. Экзистенциальный эскапизм как социокультурный феномен современного общества: автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 2012. 24 с.

Мамардашвили М.К. Очерк современной европейской философии. М.: Прогресс-Традиция: Фонд Мераба Мамардашвили, 2010. 584 с.

Рикер П. Герменевтика и психоанализ // Рикер П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике / пер. с фр. И.С. Вдовиной. М.: Медиум, 1995. С. 152–325.

Толстой Л.Н. Отец Сергий // Толстой Л.Н. Собр. соч.: в 22 т. М.: Худ. лит., 1982. Т. 12. С. 342–384.

Труфанова Е.О. Эскапизм: между природой и культурой // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2021. № 1. С. 125–134. DOI: <https://doi.org/10.37482/2287-1505-v081>

Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / пер. с фр. В.П. Визгина, Н.С. Автономовой. СПб.: А-cad, 1994. 408 с.

Шапинская Е.Н. Эскапизм в пространстве массовой культуры // Ярославский педагогический вестник. 2019. № 1(106). С. 180–185. DOI: <https://doi.org/10.24411/1813-145x-2019-10295>

Яровенко С.А. «Бегство от реальности»: Аутомифологизация как гармонизация «Я-бытия» через принятие иллюзии // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 331. С. 50–55.

References

Bakhtin, M.M. (1994). [Toward a philosophy of the act]. *Bakhtin M.M. Raboty 20-kh godov* [Bakhtin M.M. Works of the 1920s]. Kiev: Next Publ., pp. 9–68.

Baudrillard, J. (2007). [The phantoms of modernity]. *Yaspers K., Bodriyyar Zh. Prizrak tolpy* [Jaspers K., Baudrillard J. The phantom of the crowd]. Moscow: Algoritm Publ., pp. 186–270.

Belov, V.I. (2017). [Escapism: causes, functions, and boundaries]. *Innovatsionnaya nauka* [Innovation Science]. No. 3–1, pp. 270–276.

Bonhoeffer, D. (1994). *Soprotivlenie i pokornost'* [Resistance and submission]. Moscow: Progress Publ., 344 p.

Foucault, M. (1994). *Slova i veschi. Arkheologiya gumanitarnykh nauk* [The order of things: An archaeology of the human sciences]. St. Petersburg: Acad Publ., 408 p.

Heisenberg, W. (2006). [The representation of nature in contemporary physics]. *Geyzenberg V. Izbrannye filosofskie raboty* [Heisenberg W. Selected philosophical works]. St. Petersburg: Nauka Publ., pp. 221–234.

Kant, I. (1999). [Idea for a universal history with a cosmopolitan purpose]. *Kant I. Metafizicheskie nachala estestvoznanija* [Kant I. Metaphysical foundations of natural science]. Moscow: Mysl' Publ., pp. 937–955.

Komarov, S.V. (2024). *Na podstupakh k teorii sub'ekta* [On the approaches to the theory of the subject]. Perm: PSU Publ., 380 p.

Kriman, A.I. (2024). [What is posthumanism and why is it relevant today?]. *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 3: Filosofiya* [Social sciences and humanities. Domestic and foreign literature. Series 3: Philosophy]. No. 4, pp. 43–62. DOI: <https://doi.org/10.31249/rphil/2024.04/06>

Litinskaya, D.G. (2012). *Ekzistentsial'nyy eskapizm kak sotsiokul'turnyy fenomen sovremennoego obshchestva: avtoref. dis. ... kand. filos. nauk*

[Existential escapism as a sociocultural phenomenon of modern society: Abstract of Ph.D. dissertation]. Moscow, 24 p.

Mamardashvili, M.K. (2010). *Ocherk sovremennoy evropeyskoy filosofii* [An essay on modern European philosophy]. Moscow: Progress-Traditsiya Publ., Fond Meraba Mamardashvili Publ., 584 p.

Ricoeur, P. (1995). [Hermeneutics and psychoanalysis]. *Riker P. Konflikt interpretatsiy. Ocherki o germenevtike* [Ricoeur P. The conflict of interpretations: essays in hermeneutics]. Moscow: Medium Publ., pp. 152–325.

Shapinskaya, E.N. (2019). [Escapism in space of mass culture]. *Yaroslavskiy pedagogicheskiy vestnik* [Yaroslavl Pedagogical Bulletin]. No. 1(106), pp. 180–185. DOI: <https://doi.org/10.24411/1813-145x-2019-10295>

Tolstoy, L.N. (1982). [Father Sergius]. *Tolstoy L.N. Sobranie sochineniy v 22 t.* [Tolstoy L.N. Collected works: in 22 vols]. Moscow: Khudozhestvennaya Literatura Publ., vol. 12, pp. 342–384.

Trufanova, E.O. (2021). [Escapism: between nature and culture]. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki* [Vestnik of Northern (Arctic) Federal University Series: Humanitarian and Social Sciences]. No. 1, pp. 125–134. DOI: <https://doi.org/10.37482/2287-1505-v081>

Wittgenstein, L. (1994). [Tractatus logico-philosophicus]. *Vitgenshteyn L. Filosofskie raboty: v 2 ch.* [Wittgenstein L. Philosophical works: in 2 parts]. Moscow: Gnozis Publ., part 1, pp. 1–73.

Yarovenko, S.A. (2010). [«Escape from reality»: self-mythologisation as harmonization of «I-being» through illusion acceptance]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk State University Journal]. No. 331, pp. 50–55.

Zharov, S.N. (2015). [Being and reality in modern physics]. *Problema real'nosti v sovremennom estestvoznanii, otv. red. E.A. Mamchur* [E.A. Mamchur (ed.) The problem of reality in modern natural science]. Moscow: Kanon+, RROI «Reabilitatsiya» Publ., pp. 5–39.

Об авторе

Бакеева Елена Васильевна

доктор философских наук, профессор,
профессор кафедры онтологии и теории познания

Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б.Н. Ельцина,
620002, Екатеринбург, ул. Мира, 19;
e-mail: elenabk2008@yandex.ru
ResearcherID: PCT-6205-2025

About the author

Elena V. Bakeeva

Doctor of Philosophy, Professor,
Professor of the Department of Ontology
and Theory of Knowledge

Ural Federal University named after
the first President of Russia B.N. Yeltsin,
19, Mira st., Ekaterinburg, 620002, Russia;
e-mail: elenabk2008@yandex.ru
ResearcherID: PCT-6205-2025

УДК 101.1:316
<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2025-4-553-564>
<https://elibrary.ru/wqnkfa>

Поступила: 22.12.2024
Принята: 25.11.2025
Опубликована: 26.12.2025

ПРОБЛЕМА ЦЕЛИ И ПРЕДМЕТА СОЦИАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ

Худякова Наталья Леонидовна

Челябинский государственный университет (Челябинск)

Внутских Александр Юрьевич

*Пермский национальный исследовательский политехнический университет (Пермь),
Пермский государственный национальный исследовательский университет (Пермь)*

Авторы статьи обосновывают важную проблему предмета социальной и политической философии и анализируют способы ее решения. При определении предмета социальной философии авторы статьи исходят из специфики философской формы познания, а также из необходимости онтологической разметки общества как предмета социальной философии и выявления культурно-исторических типов общества. Авторы полагают, что практика реализации социально-философских диссертационных исследований в наши дни настоятельно требует разработки теоретически выверенного определения предмета социальной философии. Даётся первоначальное определение предмета социальной философии как общества в его целостности. Далее это определение уточняется в свете представлений о цели социальной философии с использованием представления об обществе, как реально существующей целостности — «социоисторическом организме». Соответственно, общим предметом социальной философии являются конкретные реальные общества, региональные и глобальная системы этих обществ с их общими и типологически-особенными характеристиками. Рассматривается соотношение социальной и политической философии в рамках общей научной специальности. Авторы показывают, что исследования по политической философии в рамках нового паспорта научной специальности должны быть релевантными в отношении представления общества как целостности в социальной философии. Далее авторы обсуждают вопрос о соотношении различных предметов направлений исследований паспорта с предметом социальной и политической философии, в связи с чем ставится вопрос о сущности междисциплинарных исследований. Даются рекомендации авторам диссертационных исследований по социальной и политической философии.

Ключевые слова: социальная и политическая философия, цель, методологические основания и предмет социально-философских исследований.

Для цитирования:

Худякова Н.Л., Внутских А.Ю. Проблема цели и предмета социальной философии // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2025. Вып. 4. С. 553–564. <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2025-4-553-564>.
EDN: WQNKA

THE ISSUE OF THE PURPOSE AND SUBJECT OF SOCIAL PHILOSOPHY

Natalya L. Khudyakova

Chelyabinsk State University (Chelyabinsk)

Alexander Yu. Vnutschikh

Perm National Research Polytechnic University (Perm),

Perm State University (Perm)

The article raises the important issue of the social and political philosophy's subject and analyzes the ways to resolve it. In defining the subject of social philosophy, the authors consider the specifics of the philosophical form of cognition as well as the need for an ontological marking of society as a subject of social philosophy and also for the identification of cultural and historical types of society. The authors believe that today's practice of socio-philosophical dissertation research urgently requires the development of a theoretically verified definition of the subject of social philosophy. An initial definition of the subject of social philosophy is given as society in its entirety. Further, this definition is clarified in light of ideas about the purpose of social philosophy, using the concept of society as a really existing integrity, or a «socio-historical organism». Accordingly, the general subject of social philosophy is specific real societies, regional and global systems of these societies with their general and typologically specific characteristics. The paper analyzes the relationship between social and political philosophy within the framework of the new general scientific specialty uniting these two disciplines. The authors show that research in political philosophy within the framework of the passport of the new specialty should be relevant in relation to the representation of society as an integrity in social philosophy. Further, the authors discuss the relationship between different subjects of the research areas specified in the passport and the subject of social and political philosophy, this entailing the question of the essence of interdisciplinary research. The paper gives recommendations to authors of dissertation research works on social and political philosophy.

Keywords: social and political philosophy, purpose, methodological foundations of socio-philosophical research, subject of socio-philosophical research.

To cite:

Khudyakova N.L., Vnutschikh A.Yu. [The issue of the purpose and subject of social philosophy]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologiya. Sociologiya* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2025, issue 4, pp. 553–564 (in Russian), <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2025-4-553-564>. EDN: WQNKA

Введение

Обновление в 2021 г. номенклатуры научных специальностей в России, связанное с обновлением их паспортов, затронуло и социальную философию. Как известно, специальность 5.7.7 представлена в этом перечне как «Социальная и политическая философия» [Паспорт научной специальности 5.7.7, 2022]. Соответственно, перед научным сообществом возникла проблема понимания содержания новой научной специальности, в которой «сливаются» социальная философия и политическая философия, последняя же относившаяся ранее к специальности

23.00.01 «Теория и философия политики, история и методология политической науки».

В прежней версии паспортов этих научных специальностей определялось, что предмет *социальной философии* конституируется рядом проблем, «по умолчанию» являющихся социально-философскими. Предполагалось, что это проблемы, связанные с природой социально-философского познания, его месте и роли в обществознании; со способом существования социальной действительности, социумом как надорганической реальности, связью и соподчинением социального и природного; с обществом как организационной формой воспроизводства

социальности, анализом универсальных законов его строения, функционирования и саморазвития; с историей как событийным процессом развития и взаимодействия стран, народов и цивилизаций; с типологической характеристикой исторического процесса, его аксиологическим измерением; с историософией XX в., историческими судьбами России, проблемами модернизации и выбора ориентиров развития [Паспорт научной специальности 09.00.11, 2009].

В свою очередь, предполагалось, что *философия политики* — тогда формально вообще не включавшаяся в состав собственно философских специальностей рубрики «09» — изучает природу политического и способы его познания; подразумевалось, что соответствующая философская рефлексия способна дать «представление о фундаментальных основах политики, ее мировоззренческих и смыслообразующих аспектах, о взаимоотношении политического знания и политического действия», исследует «всеобщие основания и тенденции эволюции политического бытия, политического познания, политических ценностей, политического действия, осуществляет концептуальный анализ природы власти, государства, суверенитета, базовых политических идеалов» [Паспорт научной специальности 23.00.01, 2009].

Столь широкое определение предметов как социальной, так и политической философии через перечисление элементов проблемного поля,казалось бы, позволяет полно исследовать общество. В то же время неназванность общего предмета часто приводит к тому, что исследования ведутся в рамках одной из проблем, без исследования взаимосвязи с другими сторонами этого предмета. Практическим следствием неконкретности этих определений на фоне требовательности диссертационных советов в отношении профильности представляемых к защите работ приводила и продолжает приводить к частому, причем не всегда оправданному, включению в название темы диссертаций термина «социально-философские аспекты». Так, анализ диссертаций с темами «Социально-философские аспекты идеи усовершенствования человека», «Комплексный характер информационной войны на Кавказе: социально-философские аспекты», «Социально-философские аспекты проблемы безопасности», «Социально-философские аспекты становления и развития российского правосознания» показал, что объекты и предметы

исследований слабо или вообще никак не относятся с предметом социальной философии — по крайней мере, с точки зрения докторов философских наук, членов философских диссертационных советов. Возникает вопрос: каким образом они могут внести в социальную философию существенный вклад?

После «слияния» научных специальностей проблема определения их предмета, в том числе для целей экспертизы диссертационных исследований, отнюдь не стала проще. Так, в паспорте новой научной специальности 5.7.7. «Социальная и политическая философия» просто перечислены 63 направления исследования, без какого-либо их соподчинения и определения связи между социальной и политической философией на уровне *общего* предмета [Паспорт научной специальности 5.7.7, 2022]. Соответственно, проблемой данной статьи является вопрос о том, как можно определить общий предмет социальной и политической философии и какова основная цель соответствующего научного исследования, вытекающая из такого определения предмета. Представляется, что эта проблема обладает значительной важностью и актуальностью как в содержательном, так и в формально-бюрократическом смысле.

Специфика философского познания и первичное определение предмета социальной философии

Решение проблемы предмета социальной философии следует начать с выяснения специфики философского познания как такового. Именно это, с нашей точки зрения, определяет наиболее значимые характеристики цели социальной философии, ее методологическое основание как базового средства и ее предмета. Философское познание направлено на познание мира (во всех его природных, социальных, ментальных проявлениях) как целостности. И все философские проблемы рассматриваются как проблемы существования этой целостности. Конкретные науки, в силу методологических требований общеначального принципа системности, также исследуют целостность — но целостность особенного, причем они непосредственно изучают единичное, и посредством индукции приходят к формулировке принципов и законов, управляющих единичными объектами как элементами особенного (конкретного). Философия же единичное изучает только опосредованно, в его связи со всеоб-

щим, и использует для этого уже обобщенный материал частных наук.

А.Б. Невелев отмечает, что философское и конкретно-научное знание о предметах познания представляют собой разные *предметные формы (уровни) существования мира*, которые можно охарактеризовать через категории «абстрактное» и «конкретное». Часто философское знание противопоставляется научному как абстрактное конкретному. При этом исходят из общего впечатления, забывая о том, что абстрактное — это всегда одностороннее, а конкретное существует как единство сторон целого, единство многообразия. А.Б. Невелев к основным предметным формам существования мира для человека относит вещественно-конкретное, вещественно-абстрактное, мысленно-абстрактное и мысленно-конкретное [Невелев А.Б., 2024]. Бытие материальных предметов в их отношении друг с другом представлено вещественно-конкретным и вещественно-абстрактным. Материальный мир представлен реально существующими вещами в полноте и единстве всех их качеств и свойств как *вещественно-конкретное*. По Канту — это «вещь сама по себе» или «вещь в себе». *Вещественно-абстрактное* как проявления отдельных свойств вещей в различных отношениях становится для человека предметом эмпирического познания. По Канту — это «вещь для нас», явление, феномен. Результатом такого познания становится *мысленно-абстрактное*, которое существует в различных формах знания, т. е. как обыденные, научные, религиозные знания о мире. Целостное представление о мире может сложиться у человека только как *мысленно-конкретное*, которое является результатом синтеза обыденных, научных, религиозных знаний, представляющих собой *мысленно-абстрактное*.

Мысленно-конкретное — это философский уровень знания, которое может существовать только в сознании живого человека как всеобщеконкретное. Поэтому главной особенностью философских знаний является то, что посредством их фиксируется *личностное понимание и мира в его целостности, и особенностей существования элементов мира с точки зрения этой целостности*. В основании такого понимания мира лежит имеющийся у человека личностный опыт, который он применяет в качестве методологического основания познания, оценивания мира и проектирования его новых форм.

Все другие формы знания, в том числе и научные знания, рассматривают человека и мир именно односторонне, а потому мысленно-абстрактны. Таковы предметы всех наук, и поэтому научные знания ограничены предметом определенной науки. Сверхзадача философии — это синтез, интеграция всех знаний о мире: обыденных, мифологических, научных, которая осуществляется с целью получения знаний о предельных взаимоотношениях (закономерностях) между миром и человеком на всех уровнях бытия, в том числе и социальной формы бытия. Философские знания — это знания о мире как целостности, из которой выявляются проблемы этого мира — то, что недостает до бытия его целостности. Философские знания и являются источником решения выявленных проблем. Поэтому социальная философия как раздел философии начинается там, где в качестве *предмета познания* рассматриваются не отдельные проблемы общественного бытия человека, а *общество в его целостности*. В соответствии с этим главным методом социальной философии является синтез всех знаний об обществе.

Недооценка важности такого понимания предмета социальной философии отражает «кризис фрагментации» современного обществознания, по К.Х. Момджяну. Кризис этот выражается в деструктивном по своим последствиям разбросе мнений о концептуальном статусе, предметных задачах и парадигмальных основаниях теоретического обществознания [Момджян К.Х., 2002, с. 80]. Этот кризис фрагментации современного обществознания уже давно проявляется не только в научной, но и в учебной российской литературе по социальной философии. Так, Э.О. Леонтьева в качестве предмета социальной философии рассматривает «особенности общественной формы существования индивидов» [Леонтьева Э.О., 2004, с. 6]. В учебнике С.К. Абачиева при определении предмета социальной философии понятие «общество» заменяется термином «общественная жизнь», которая познается в «ее историческом развитии и многообразии основных аспектов: научно-технологических, экономических, государственно-правовых, политических, моральных, этнически-культурных, духовных» [Абачиев С.К., 2019, с. 20].

К.Х. Момджян в связи с анализом проблемы фрагментации концептуального статуса обществознания подчеркивает: «Никто не спорит с

тем, что уникальное и единичное может и должно быть интересно науке»; однако, «это не основание для того, чтобы перечеркнуть само существование генерализующих процедур», отказаться от эссенциалистской стратегии познания [Момджян К.Х., 2002, с. 84]. Также в связи с анализом предметной фрагментации К.Х. Момджян критикует попытки заменить учение об обществе учением о человеке. «Антропологический поворот», конечно, имел свои плюсы, однако недопустимо, когда «под флагом возвращения к человеку из социальной философии пытаются изгнать саму идею надиндивидуальных интегралов, матриц социального взаимодействия, которые, конечно же, являются продуктами человеческой деятельности и в то же время обладают несводимостью к свойствам и состояниям индивида» [Момджян К.Х., 2002, с. 85–86]. Напомним, индивидуальным непосредственно занимаются именно частные (конкретные) науки; философия и социальная философия изучают его всегда опосредованно — и именно в тех отношениях, в которых это индивидуальное в рамках интегрирующего его особенного обеспечивает целостность общества.

Общая цель социальной философии

Как упоминалось выше, главным методом социальной философии является синтез всех знаний об обществе. При этом имеется ввиду не только синтез всех теоретических моделей общества вообще, всех социально-философских концепций и парадигм, а синтез всех форм знаний о конкретном обществе (обыденных, мифологических, научных). В чем необходимость такого синтеза? Ответ на этот вопрос должен быть отражен в общей цели социальной философии.

Современные исследователи не часто рефлектируют в отношении общей цели социальной философии. Целеполагание социально-философского исследования обычно рассматривается как заданное перечнем ряда проблем, задач, областей или направлений исследований — буквально так, как это сделано в паспортах научных специальностей. Это приводит к тому, что многие молодые исследователи не считают нужным применять общие теоретические модели общества для исследования состояний конкретных обществ. Они исходят из того, что философские знания, представленные теоретическими моделями, отражающими наиболее общие характеристики общества, выполняют ме-

тодологическую функцию только по отношению к социо-гуманитарным наукам. На выявление этих общих характеристик общества и направляются их усилия.

С нашей точки зрения, содержание социальной философии, ее цели и задачи определяются проблемным полем, в которое входят и теоретические проблемы, выражающие недостаточность знаний о наиболее общих характеристиках общества, и проблемы существования конкретных обществ — практические проблемы. Теоретические модели общества, созданные на философском уровне познания, позволяют в рамках социально-философского исследования выявить проблемы конкретных обществ, обусловленные недостаточностью того, что составляет целостность общества как такового.

Все вышесказанное позволяет утверждать, что *целью социально-философского исследования является выявление проблем, возникающих в процессе существования общества и в процессе его познания, а также поиск способов их решения исходя из понимания общества как реально существующей целостности*. Таким образом, в содержание цели социально-философских исследований входит не только познание общества, но и созданиеrationально обоснованных прогнозов о тенденциях его изменений, а также выработка проектов эффективных стратегий управления его развитием. Соответственно, социальная философия как раздел философии складывается из результатов познавательной, прогностической и проектировочной деятельности, входящих в состав философского исследования. Познавательная деятельность направлена на осознание того, что было и что есть, прогностическая — на выявление возможных изменений, проектировочная — на создание образов желаемого будущего.

Разметка предмета социальной философии

Дав первичное определение предмета социальной философии и установив ее общую цель, нам далее необходимо, во-первых, определить, что именно мы обозначаем термином «общество», а во-вторых, определить структуру общества как целостности, — *произвести разметку предмета социальной философии*.

Многозначность термина «общество» требует уточнения его использования при описании общего предмета социальной философии. Для обозначения конкретных обществ

Ю.И. Семеновым был предложен термин «социоисторический организм» (социор), под которым понимается отдельное единичное общество как самостоятельная единица общественного развития [Семенов Ю.И., 1966, с. 94; 2003, с. 15–23]. Общие характеристики социоисторических организмов существуют как проявления атрибутов бытия: они занимают определенное пространство, возникают и существуют в определенный период времени, подвержены всем формам движения, которые находят свое завершение в процессах функционирования и развития общества как целостности. Согласно этим признакам, к социоисторическим организмам относятся общества конкретных стран, подчиненные одной публичной власти.

Общества как социоисторические организмы чаще всего характеризуются как самодостаточные образования. Критерием самодостаточности служит способность общества выполнять набор социальных функций и за счет этого существовать и развиваться «независимо» от других. Так, В.И. Козлов и В.И. Плотников в число таких функций включают: производство материальных благ; «воспроизведение данного организма в биологическом смысле путем рождения нового поколения»; «воспроизведение его в социальном смысле путем передачи этому поколению определенных социально-культурных ценностей и традиции»; кроме того, В.И. Плотников в число системных функций включает еще одну функцию, общую для систем органического типа, — функцию саморегуляции или самоуправления [Козлов В.И., 1967; Плотников В.И., 1975].

Однако К.Х. Момджян обращает внимание на то, что в современном мире множество обществ конкретных стран становятся все менее и менее самодостаточными, и считает, что «современные нации остаются обществами и будут ими до тех пор, пока сохраняют потенциальную самодостаточность, т.е. теоретическую возможность выжить в условиях автаркии» [Момджян К.Х., 2010, с. 85]. Процессы, происходящие в странах-государствах, возникших в результате их колонизации или в результате, например, Второй мировой войны, подтверждают необходимость уточнения в понимании общества как социоисторического организма, соотносимого с границами государства. Обретение независимости многими странами в современном мире сопровождается непримиримыми разногласиями между искусственно объеди-

ненными племенами, народностями и т.п. Но в этом случае, возможно, продуктивнее будет пойти на изменение границ некоторых существующих государств, соотнеся их с границами проживания тех общностей, которые могут существовать под единой властью как единое общество. Это будет восстановлением исторической справедливости.

В современном мире между всеми конкретными обществами возникают взаимосвязи и взаимозависимости, т.е. в качестве предмета социальной философии выступают также глобальная и региональные системы существующих социоисторических организмов, общие характеристики функционирования и развития которых в какой-то мере определяют условия существования своих подсистем. Таким образом, можно сделать следующее уточнение в определении предмета социальной философии: в качестве такового мы можем рассматривать *общества, представленные как конкретными социоисторическими организмами, так и их региональными системами, а также их глобальной системой*.

Дальнейшая конкретизация предмета социальной философии с сохранением его целостности требует *разметки этого предмета через применение определенной методологии*. С нашей точки зрения, современная социальная философия как посеклассический тип рациональности предполагает учет целей и ценностных ориентаций субъекта познания, а также применяемых им средств. В качестве последних выступает *определенная методология познания и проектирования*, которая складывается как комплекс определенных методологических подходов, позволяющих в своей совокупности отнести исследователям к предмету познания и проектирования как к целостности. Определенная методология познания, описание которой становится обязательным, используется исследователями уже на этапе определения предмета социальной философии. Для осуществления синтеза знаний об обществе как целостности в качестве разметки выступает теоретическая модель общества как целостности, отражающая его *общие и типологически-особенные качества*.

Выявление общих качеств общества начинается с определения того, что такое общество как целостность. При поиске ответа на этот вопрос необходимо учитывать историчность понимания общества как целостности. В общефилософском

понимании «целостность» трактуется как внутреннее единство объекта, его относительная автономность, независимость от окружающей среды. Уже Платон трактовал проблему целостности любых вещей как проблему соотношения единого и многого [Платон, 1971]. По Аристотелю, целостность есть форма в том смысле, что благодаря своей сущности — форме — всякая вещь неделима по отношению к самой себе [Аристотель, 2018]. У Гегеля понятие целостности содержится в концепте всеобщего: последнее возможно понять, одновременно представляя его как расчлененное всеобщее и как целостно всеобщее, которое обще всем своим моментам [Гегель Г.В.Ф., 1999]. Рассмотрение общества как социальной формы бытия, отличной от его биологической формы, начинается с К. Маркса и Ф. Энгельса. С точки зрения исторического материализма, целостность общества стала рассматриваться как *единство общих и особенных качеств, проявляющихся на уровне единичного* [Маркс К., 1960]. В этом случае познание общества стало начинаться с *онтологической разметки этой особенной формы бытия*.

«Общество как таковое» или «социальность вообще» часто рассматриваются как общий предмет социальной философии. С этим нельзя согласится. «Общество как таковое», «социальность вообще» могут быть предметами определенных этапов социально-философских исследований, а названные выше теоретические модели — результатом таких исследований, но не общим предметом. Да, современный философ, работая над получением новых знаний об универсальных свойствах, связях и состояниях общества, может в качестве предмета познания рассматривать имеющиеся знания об обществе общего и типологически-особенного уровней. Но получится ли результат такого исследования, отвечающий всем критериям рациональности, без соотнесения этих знаний с новыми знаниями о конкретных реально существующих или существовавших обществах? Думается, нет. И общие, и особенные качества социальной формы бытия были выявлены, уточнены или отвергнуты на основе познания *конкретных реально существующих обществ*. Эта связь конкретных обществ с их общими и типологически-особенными характеристиками также должна быть отражена в общем предмете социальной философии. К.Х. Момджян отмечает в этой связи: «Если раньше понятие «общество вообще» конкрети-

зировало понятие “социум”, то теперь оно превращается в абстракцию, требующую дальнейшей конкретизации, в процессе которой социальная философия переходит к анализу... типов общества (оставляя другим наукам анализ автономных социоров, который завершается исследованием их событийного существования и взаимодействия, образующих живую плоть человеческой истории)» [Момджян К.Х., 2010, с. 92].

Общие характеристики общества реально существуют в их различных проявлениях и сочетаниях. *Разные типы общества* как социальных организмов отличают различные способы установления субординационных и координационных зависимостей между реализацией системных функций общества. Устоявшиеся и воспроизведимые способы таких сочетаний можно обнаружить при выявлении типологически-особенных характеристик конкретных обществ, которые очень облегчают разметку этих обществ как целостностей. Проблема же оснований типологизации обществ, как представляется, может быть решена следующим образом: наиболее общим основанием типологизации обществ является соотносимость типологических способов организации обществ с общими этапами развития общества как целостности и с разными способами организации (способами функционирования) конкретных обществ, формирующихся при переходе этих обществ с одного общего этапа развития на другой.

Все вышесказанное позволяет нам утверждать, что *общим предметом социальной философии* являются конкретные реальные общества, региональные и глобальная системы этих обществ в их общих и типологически-особенных характеристиках.

Об общности предмета социальной и политической философии

Осознанное применение системного подхода, представленного теорией систем, теорией функциональных систем и теорией саморазвивающихся систем, привело к упорядочиванию исследования общества как целостности. Общество стали рассматривать как функциональную систему, целостность которой складывается по отношению к большой (главной) функции системы и представлена ее структурой, которая складывается из элементов, выполняющих комплекс малых функций, обеспечивающий реализацию большой функции. Такой подход к пони-

манию общества делает возможным рассмотрение по научной специальности «Социальная и политическая философия» политической системы общества как подсистемы, выполняющей определенную функцию в обществе как целостности. Исходя из этого и выстраивается *политическая философия*.

Общество относится к социокультурным системам органического типа, большая функция которых заключается в создании условий жизни каждого человека как живого и как социокультурного существа. Развитие общества рассматривается как изменение способов функционирования общества в его целостности, как исторический процесс, движущей силой которого является деятельность людей. Признание общества сложной, самоорганизующейся и саморазвивающейся открытой системой привело к признанию субстанции социального. В качестве таковой может быть только производство, представленное комплексом деятельности, связанных через продукт, и обеспечивающих воспроизведение и расширенное воспроизведение всех элементов деятельности: ее субъектов, ее средств, ее предметов дальнейшего преобразования. Отсюда выявляются и основные базовые подсистемы общества, обеспечивающие основные виды производства, включающего, наряду с прочими, и производство *организационно-управленческой структуры общества*, в основании которой лежит *производство политической власти*.

При этом политическая философия — поскольку она *философия* — должна иметь представление о тотальности политического образа, даже если обсуждаются ее отдельные проблемы. Иными словами, политико-философское исследование должно быть релевантным в отношении целого [Алексеева Т.А., 1992, с. 175], т.е., отметим со своей стороны, в отношении представления *общества как целостности в социальной философии*. В этом, как представляется, и заключается *общность предмета социальной и политической философии*. Философия оказывается связанной с политической практикой, с производством политической власти, но именно на макроуровне: движение мысли политического философа основывается на понимании единства общего и частного, происходит от абстрактного к конкретному и обратно [Алексеева Т.А., 1992, с. 174]. На наш взгляд, маркером профильности работы по социальной и полити-

ческой философии, исследующей наиболее общие основания политической деятельности, является осознанное отражение ее автором связи предмета этого исследования с общим предметом социальной философии.

Подчеркнем, что политическая философия оказывается исключительно важным участником обсуждавшегося выше социально-философского (в широком смысле) синтеза. Во-первых, в отличие от политической науки, она рассматривает не только рациональное, но и иррациональное начало политической деятельности, ее нормативные аспекты и политические идеалы. Во-вторых, важность участия политической философии в социально-философском синтезе неоспорима потому, что даже сторонники исторического материализма признают *определяющую в непосредственном плане роль политических решений для развития экономического базиса* [Энгельс Ф., 1965], а потому, уточним, и общества как целостности.

Основные цели и этапы социально-философского исследования и общий предмет социальной философии

Реализация общей цели социальной философии в конкретном исследовании представляет собой:

- 1) выявление проблем функционирования и развития общества на основе сравнения реального общества конкретной страны с общей моделью функционирования и развития общества как социокультурной субстанциальной системы органического типа, или с моделью определенного культурно-исторического типа общества;
- 2) поиск способов решения выявленных проблем исходя из той же общей модели функционирования и развития общества как социокультурной субстанциальной системы органического типа, или из модели определенного культурно-исторического типа общества.

Разработка названных моделей также может являться целями, а значит, и результатами конкретных социально-философских исследований. К.Х. Момджяном определены основные уровни рассмотрения общества. Так, на первом уровне раскрывается сущность общества (социальность вообще, социум), позволяющая отличить его от других частей мира, и выявляются общие закономерности функционирования и развития общества как организационной формы социума, способной к самовоспроизведению, как организационной формы совместной жизнедеятельно-

сти людей. Этот уровень социально-философского познания можно отнести к *социальной онтологии*, ориентированной на установление всеобщих, инвариантных свойств общественной организации, выражающих ее родовую, исторически константную сущность. Выявление исторически конкретных типов социальной организации через анализ специфических особенностей системной организации общества как такового Момджян относит ко второму уровню социально-философского познания. На третьем, завершающем этапе реализуется общая цель социальной философии — выявление проблем существования и развития конкретных социальных организмов [Момджян К.Х., 2013, с. 125–149].

Признавая правомерность существования всех вышеназванных целей социальной философии и этапов социально-философского познания, мы настаиваем на том, что *общим предметом социальной философии* являются конкретные реальные общества, а также региональные и глобальная системы этих обществ в их общих и типологически-особенных характеристиках.

О соотношении предметов направлений исследований паспорта 5.7.7 с предметом социальной и политической философии

Названный общий предмет социальной философии не охватывает все указанные в паспорте научной специальности 5.7.7 «Социальная и политическая философия» направления исследований [Паспорт научной специальности 5.7.7., 2022]. Предметом некоторых направлений исследования, с нашей точки зрения, являются предметы других разделов философии. Так, предметом направлений 1 и 2 (Проблема метода в социальной философии. Методологические функции социальной философии в системе современного обществознания. «Кризис фрагментации» современного обществознания и пути его преодоления) является предмет философской гносеологии. Предметом направления 3 (Основные этапы развития социально-философской мысли) и 4 (Социальная философия в современном мире — основные проблемы и концепции), скорее, является история философии. Вызывает сомнение включение в социальную философию направлений 33 (Философия истории. История как событийная жизнь людей во времени и пространстве...) и 34 (Методологические проблемы исторического познания в

современных социально-философских трактовках). История здесь рассматривается в контексте познания; поэтому указанные направления по своему предмету могут быть также отнесены к философской гносеологии. Предметом направления 63 (Особенности развития отдельных научных школ и направлений мировой и отечественной политической философии) может быть и предмет философии науки, и предмет истории философии.

Включение в паспорт специальностей направлений исследований, соотносимых как с социальной философией, так и с другими разделами философии, можно отнести к междисциплинарным исследованиям. Но тогда, возможно, стоит указать на это в паспорте специальности и объяснить способ соотнесения основного предмета исследований с вспомогательным. Это существенно улучшило бы качество проводимых исследований и конкретизировало критерии их оценки. Междисциплинарных же исследований, объединяющих с одной стороны, философию, а с другой — конкретные науки, на наш взгляд, быть не может, если мы соотносим их как рядоположенные. Ведь, как указывалось выше, философия использует результаты научных исследований как материал, необходимый для выявления и уточнения общих и типологически особенных качеств единичных форм бытия. Наука использует философские знания в качестве методологии исследования. И в первом, и во втором случае исследователь не должен отходить от предмета той специальности, по которой он проводит исследование. Вместе с тем представляется возможным и необходимым философский анализ результатов междисциплинарных исследований частных наук, важный в силу интегративных тенденций развития современной науки.

Роль понимания общего предмета социальной философии в социально-философских исследованиях

Методология познавательной и проектировочной деятельности в области социальной философии — основное средство, организующее исследование, — всегда формируется субъектом этой деятельности и исследования, даже если это и не осознается самим субъектом. В то же время далеко не всегда практически используемая методология позволяет исходить при решении проблем социально-философского исследо-

вания из целостности общества как определенного выше предмета социальной философии. Избежать этого можно, если автор убедительно демонстрирует связь предмета своего исследования с общим предметом социальной философии. Осознание этой связи задает определенную логику исследования и позволяет внести вклад в систему социально-философских знаний [Худякова Н.Л., 2025].

Заключение

Проблема предмета социальной философии — это проблема определения объективно существующего предмета познания, соответствующего философскому уровню познания.

Основным методом социально-философского познания является синтез знаний об обществе, позволяющий выработать систему знаний об обществе как целостности. С опорой на эту систему знаний исследователь получает возможность выявлять проблемы общества через выявление того, что недостает до целостности общества. Основываясь на теоретической модели общества как целостности, происходит и поиск способов решения выявленных проблем.

Очевидно, что до осуществления такого синтеза необходимо провести социально-философский анализ. В основании социально-философского анализа и социально-философского синтеза лежат наиболее общие характеристики предмета социальной философии, т. е. общества как социальной формы бытия: его сущностные системные качества, генезис, основные общие способы его воспроизведения (способы функционирования) и расширенного воспроизведения (развития). Эта *онтологическая разметка общества как целостности, положенная в основание социально-философского анализа конкретного общества или его подсистем*, позволяет прежде всего обнаружить (или не обнаружить) все существенные элементы общества как целостности и все существенные процессы, обеспечивающие существование этой целостности.

Разработка *онтологической модели общества как целостности* и онтологических моделей существенно важных для целостности общества его элементов и процессов, которые выступают в качестве методологического основания любого социально-философского исследования конкретного общества, является первой задачей социальной философии. К настоящему времени

выработано множество онтологических моделей общества как целостности, но мы не должны забывать, что предметом исследователей, решавших эту задачу, всегда были конкретные общества. Проблема выработки базовой онтологической модели общества, позволяющей синтезировать все имеющееся многообразие подходов к его пониманию, обусловлена необходимостью создания общего основания для формирования системы социально-философских знаний.

Бесконечное многообразие организационных форм существования обществ обусловило необходимость в разработке теоретических моделей культурно-исторических типов общества. Это стало второй задачей социально-философских исследований, которая также реализуется на основе анализа множества конкретных обществ и выявления у них типологический черт. Создание теоретических моделей культурно-исторических типов общества происходит через выявление типологически-особенных характеристик конкретных обществ. При этом теоретическим основанием типологизации всегда выступает онтологическая модель общества как целостности. Соотнесение характеристик конкретных обществ с уже созданными теоретическими моделями культурно-исторических типов общества позволяет обнаружить, что в современном мире уже не существует тех типов общества, о которых писали в XIX и XX вв. Это понимание определяет актуальные проблемы современной социальной философии.

Онтологическое и конкретно-историческое основания социально-философского анализа и синтеза могут быть выявлены, а основная цель социальной философии осуществлена, если в качестве общего предмета социально-философского исследования, социальной и политической философии будут рассматриваться конкретные реальные общества, а также региональные и глобальная системы этих обществ в их общих и типологически-особенных характеристиках.

Список литературы

Абачиев С.К. Социальная философия: учеб. для академ. бакалав. М.: Юрайт, 2019. 322 с.

Алексеева Т.А. Предмет политической философии // Полис. Политические исследования. 1992. № 3. С. 173–176.

Аристотель. Метафизика / пер. с древнегреч. А.В. Маркова. М.: РИПОЛ классик, 2018. 384 с.

- Гегель Г.В.Ф. Наука логики / пер. с нем. Б.Г. Столпнера. М.: Мысль, 1999. 1068 с.
- Козлов В.И. О понятии этнической общности // Советская этнография. 1967. № 2. С. 100–111.
- Леонтьева Э.О. Социальная философия: учеб. пособие. Хабаровск: Изд-во Хабар. гос. тех. ун-та, 2004. 76 с.
- Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Т. 1 // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: в 50 т. 2-е изд. М.: Политиздат, 1960. Т. 23. 908 с.
- Момджян К.Х. К характеристике объекта рефлексивной социальной философии // Личность. Культура. Общество. 2010. Т. 12, вып. 1. С. 79–93.
- Момджян К.Х. О ситуации в современном теоретическом обществознании, или кризис фрагментации и как с ним бороться // Личность. Культура. Общество. 2002. Т. 4, вып. 3–4. С. 76–92.
- Момджян К.Х. Социальная философия. Деятельностный подход к анализу человека, общества, истории: учебник. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2013. 400 с.
- Невелев А.Б. О категории чувственно-абстрактного: к постановке вопроса // Вестник Челябинского государственного университета. 2024. № 4(486). С. 95–101. DOI: <https://doi.org/10.47475/1994-2796-2024-486-4-95-101>
- Паспорт научной специальности 09.00.11 «Социальная философия». 2009. URL: <https://teacode.com/online/vak/p09-00-11.html> (дата обращения: 20.07.2024).
- Паспорт научной специальности 23.00.01 «Теория и философия политики, история и методология политической науки». 2009. URL: <https://teacode.com/online/vak/p23-00-01.html> (дата обращения: 20.07.2024).
- Паспорт научной специальности 5.7.7. «Социальная и политическая философия». 2022. URL: https://vak.gisnauka.ru/s3-files/01cc80c69fae4988a0246a8f5e2774e7:fisgna/public/media/uploaded/news_files/4dfe14e2-84dc-45c3-9909-718a368c5fe6/08f31f42-9b06-4d14-83d8-caaa42f_PPQWWaV.pdf (дата обращения: 20.07.2024).
- Платон. Филеб / пер. с древнегреч. Н.В. Самсонова // Платон. Сочинения: в 3 т. / под общ. ред. А.Ф. Лосева, В.Ф. Асмуса. М.: Мысль, 1971. Т. 3, ч. 1. С. 9–88.
- Плотников В.И. Социально-биологическая проблема: материалы спецкурса. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1975. 191 с.
- Семенов Ю.И. Категория «социальный организм» и ее значение для исторической науки // Вопросы истории. 1966. № 8. С. 88–106.
- Семенов Ю.И. Философия истории: общая теория, основные проблемы и концепции от древности до наших дней. М.: Соврем. тетради, 2003. 776 с.
- Худякова Н.Л. Социально-философский анализ как метод социально-философского исследования // Вестник Челябинского государственного университета. 2025. № 10(504). С. 51–57. DOI: <https://doi.org/10.47475/1994-2796-2025-504-10-51-57>
- Энгельс Ф. Письмо Йозефу Блоху (21–22 сентября 1890 г.) // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: в 50 т. 2-е изд. М.: Политиздат, 1965. Т. 37. С. 393–397.
- ### References
- Abachiev, S.K. (2019). *Sotsial'naya filosofiya* [Social philosophy]. Moscow: Yurayt Publ., 322 p.
- Alekseeva, T.A. (1992). [The subject of political philosophy]. *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political Studies]. No. 3, pp. 173–176.
- Aristotle (2018). *Metafizika* [Metaphysics]. Moscow: RIPOL klassik Publ., 384 p.
- Engels, F. (1965). [Letter to Joseph Bloch (September 21–22, 1890)]. *Marks K., Engels F. Sochineniya: v 50 t.* [Marx K., Engels F. Works: in 50 vols]. Moscow: Politizdat Publ., vol. 37, pp. 393–397.
- Hegel, G.W.F. (1999). *Nauka logiki* [The science of logic]. Moscow: Mysl' Publ., 1068 p.
- Khudyakova, N.L. (2025). [Social and philosophical analysis as a method of social and philosophical research]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University]. No. 10(504), pp. 51–57. DOI: <https://doi.org/10.47475/1994-2796-2025-504-10-51-57>
- Kozlov, V.I. (1967). [On the concept of ethnic community]. *Sovetskaya etnografiya* [Soviet Ethnography]. No. 2, pp. 100–111.
- Leontieva, E.O. (2004). *Sotsial'naya filosofiya* [Social philosophy]. Khabarovsk: KhSTU Publ., 76 p.
- Marx, K. (1960). [Capital. A critique of political economy. Vol. 1]. *Marks K., Engels F. Sochineniya: v 50 t.* [Marx K., Engels F. Works: in 50 vols]. Moscow: Politizdat Publ., vol. 23, 908 p.
- Momdzhyan, K.Kh. (2002). [On situation in contemporary theoretical social sciences, or crisis of fragmentation and how to attack it]. *Lichnost'*. *Kul'tura. Obschestvo* [Personality. Culture. Society]. Vol. 4, iss. 3–4, pp. 76–92.
- Momdzhyan, K.Kh. (2010). [On the characterization of the object of reflective social philosophy]. *Lichnost'*. *Kul'tura. Obschestvo* [Personality. Culture. Society]. Vol. 12, iss. 1, pp. 79–93.

Momdzhyan, K.Kh. (2013). *Sotsial'naya filosofiya. Deyatel'nostnyy podkhod k analizu cheloveka, obshchestva, istorii* [Social philosophy. An activity-based approach to the analysis of man, society, and history]. Moscow: MSU Publ., 400 p.

Nevelev, A.B. (2024). [On the category of the sensuous-abstract: towards a statement of the question]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University]. No. 4(486), pp. 95–101. DOI: <https://doi.org/10.47475/1994-2796-2024-486-4-95-101>

Pasport nauchnoy spetsial'nosti 09.00.11 «Sotsial'naya filosofiya» (2009). [Passport of scientific specialty 09.00.11. «Social philosophy»]. Available at: <https://teacode.com/online/vak/p09-00-11.html> (accessed 20.07.2024).

Pasport nauchnoy spetsial'nosti 23.00.01 «Teoriya i filosofiya politiki, istoriya i metodologiya politicheskoy nauki» (2009). [Passport of the scientific specialty 23.00.01 «Theory and philosophy of politics, history and methodology of political science»]. Available at: <https://teacode.com/online/vak/p23-00-01.html> (accessed 20.07.2024).

Pasport nauchnoy spetsial'nosti 5.7.7. «Sotsial'naya i politicheskaya filosofiya» (2022). [Passport of scientific specialty 5.7.7. «Social and political philosophy»]. Available at: https://vak.gisnauka.ru/s3-files/01cc80c69fae4988a0246a8f5e2774e7:fisgna/public/media/uploaded/news_files/4dfe14e2-84dc-45c3-9909-718a368c5fe6/08f31f42-9b06-4d14-83d8-caaa42f_PPQWWaV.pdf (accessed 20.07.2024).

Plato (1971). [Philebus]. *Platon. Sochineniya: v 3 t.* [Plato. Essays: in 3 vols]. Moscow: Mysl' Publ., vol. 3, part 1, pp. 9–88.

Plotnikov, V.I. (1975). *Sotsial'no-biologicheskaya problema* [Socio-biological problem]. Sverdlovsk: Ur-SU Publ., 191 p.

Semenov, Yu.I. (1966). [The category «social organism» and its significance for historical science]. *Voprosy istorii*. No. 8, pp. 88–106.

Semenov, Yu.I. (2003). *Filosofiya istorii: obshchaya teoriya, osnovnye problemy i kontseptsii ot drevnosti do nashikh dney* [Philosophy of history: general theory, main problems and concepts from antiquity to the present day]. Moscow: Sovremennye Tetradi Publ., 776 p.

Об авторах

Худякова Наталья Леонидовна
доктор философских наук, доцент,
профессор кафедры философии
факультета Евразии и Востока

Челябинский государственный университет,
454001, Челябинск, ул. Братьев Кашириных, 129;
e-mail: hudyakovnl@gmail.com

Внучских Александр Юрьевич
доктор философских наук, доцент

заведующий кафедрой философии и права,
Пермский национальный исследовательский
политехнический университет,
614990, Пермь, Комсомольский пр., 29;

профессор кафедры философии,
Пермский государственный национальный
исследовательский университет,
614068, Пермь, ул. Букирева, 15;

e-mail: avnut@inbox.ru
ResearcherID: R-3075-2017

About the authors

Natalya L. Khudyakova
Doctor of Philosophy, Docent,
Professor of the Department of Philosophy,
Faculty of Eurasia and the East

Chelyabinsk State University,
129, Kashirin Brothers st., Chelyabinsk, 454001, Russia;
e-mail: hudyakovnl@gmail.com

Alexander Yu. Vnutschikh
Doctor of Philosophy, Docent

Head of the Department of Philosophy and Law,
Perm National Research Polytechnic University,
29, Komsomolskiy av., Perm, 614990, Russia;
Professor of the Department of Philosophy,
Perm State University,
15, Bukirev st., Perm, 614068, Russia;
e-mail: avnut@inbox.ru
ResearcherID: R-3075-2017

УДК 101.1:316
<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2025-4-565-575>
<https://elibrary.ru/wrbnti>

Поступила: 09.03.2025
Принята: 20.06.2025
Опубликована: 26.12.2025

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ ДИЗАЙН СКВОЗЬ ПРИЗМУ СОЦИАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ: АНАЛИТИЧЕСКИЕ РАМКИ И КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ

Шаткин Максим Александрович

*Саратовский национальный исследовательский государственный университет
им. Н.Г. Чернышевского (Саратов)*

Сегодня в международной академической литературе широко используется понятие институционального дизайна, однако его содержание часто не определено и варьируется в широком спектре значений. Целью настоящей статьи является социально-философская концептуализация институционального дизайна в специфическом контексте дизайн-мышления как наиболее последовательного подхода к применению принципов дизайна к социальной практике. Проведена реконструкция эволюции дизайн-мышления, в которой внутренняя связь практики дизайна и «каверзных проблем» позволила перенести подходы промышленного дизайна на организационные и политические практики. Направленность дизайн-мышления на проектирование полномочий и ролей заинтересованных сторон, а также правил их взаимодействия в отношении проблемной ситуации позволяет говорить об институциональном характере дизайн-мышления. С учетом этого институциональный дизайн может быть определен как социально-политическая практика, исследующая и определяющая проблемную ситуацию, устанавливающая перечень акторов, их полномочий, ролей и правил взаимодействий друг с другом, а также релевантных инструментов решения проблемы и набора ценностей, утверждение которых может считаться легитимным решением проблемы. Основными принципами институционального дизайна являются неопределенность, вовлеченность и итеративность. Неопределенность в первую очередь отражает принципиальную невозможность полного решения проблемы и толерантное отношение к неудачам. Вовлеченность граждан в формирование структуры их взаимодействия с государственными институтами имеет негативные стороны пролетаризации гражданства, но открывает перспективу «общества институционального дизайна» как возможного варианта развития цифрового общества. Итеративность относится к диахронному и синхронному разнообразию дизайнов отдельных институциональных контекстов как набора попыток решения сходных проблем. Совокупность этих решений формирует характерный для конкретного общества институциональный канон. Результаты исследования могут быть использованы в качестве аналитического инструмента при исследовании современных проектов трансформации общества, а также как методологическая основа в реализации данных проектов.

Ключевые слова: дизайн-мышление, каверзные проблемы, неопределенность, ценности, политика.

Для цитирования:

Шаткин М.А. Институциональный дизайн сквозь призму социальной философии: аналитические рамки и концептуальные основы // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2025. Вып. 4. С. 565–575.
<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2025-4-565-575>. EDN: WRBNTI

INSTITUTIONAL DESIGN THROUGH THE LENS OF SOCIAL PHILOSOPHY: ANALYTICAL FRAMEWORK AND CONCEPTUAL FOUNDATIONS

Maxim A. Shatkin

Saratov State University named after N.G. Chernyshevsky (Saratov)

Today, the concept of institutional design is widely used in the international academic literature, but its content is often undefined and varies in a wide range of meanings. This article aims to provide a socio-philosophical conceptualization of institutional design in the specific context of design thinking as the most consistent approach to applying design principles to social practice. The paper reconstructs the evolution of design thinking, with industrial design approaches transferred to organizational and political practices, which was possible due to the intrinsic connection between design practice and «wicked problems». The focus of design thinking on shaping the powers and roles of stakeholders as well as the rules of their interaction with regard to the problem situation allows us to talk about the institutional nature of design thinking. Institutional design can be defined as a socio-political practice that examines and shapes a problem situation, establishes a list of actors, their powers, roles, and rules of interaction as well as relevant tools for solving the problem and a set of values the adoption of which can be considered a legitimate solution to the problem. The basic principles of institutional design are uncertainty, engagement, and iterativity. Uncertainty primarily reflects the fundamental impossibility of a complete solution to the problem and tolerance of failure. The engagement of citizens in shaping the structure of their interaction with state institutions has negative aspects of proletarianization of citizenship, but opens up the prospect of «institutional design society» as a possible option for the development of a digital society. Iterativity refers to the diachronic and synchronic diversity of designs of individual institutional contexts, the totality of which forms an institutional canon characteristic of a particular society. The results of the study can be used as an analytical tool in the study of modern projects of social transformation, as well as a methodological basis for the implementation of these projects.

Keywords: design thinking, wicked problems, uncertainty, values, policy.

To cite:

Shatkin M.A. [Institutional design through the lens of social philosophy: analytical framework and conceptual foundations]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psichologija. Sociologija* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2025, issue 4, pp. 565–575 (in Russian), <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2025-4-565-575>. EDN: WRBNTI

Введение

Сегодня в международной академической литературе, рассматривающей широкий спектр вопросов государственной политики и управления, а также решения «каверзных» (wicked)¹

организационных и, шире, социальных проблем, можно отметить нарастание популярности термина «институциональный дизайн». Данный термин в широком и нечетком значении относится к процессу и результату организации ключевых социальных и политических взаимодействий, причем эта организация является либо результатом преднамеренного и сознательного планирования, либо следствием наложения результатов усилий различных акторов. Востребованность термина «институциональный дизайн» возросла в 2020-е гг. вслед-

¹ Встречающийся в российских переводах вариант «коварные проблемы» не может быть признан удачным, т.к. придает проблемам налет сознательной злонамеренной агентности, в то время как прилагательное «каверзный» удачно отражает неявный и непредсказуемый характер встречающихся затруднений.

ствие новой волны цифровой трансформации государственного управления. Цифровизация государственных услуг на основе больших данных и искусственного интеллекта [Dunleavy P., Margaret H., 2025] требовали целенаправленного создания и оформления новых форм взаимодействия правительства и граждан. Транзит государственного управления от традиционных форм законодательного регулирования и экономического стимулирования к созданию новых практик, в фокусе которых было не только эффективное оказание услуг, но и удобство и благоприятный опыт для гражданина, обусловил пристальный интерес к дизайну как дисциплине, предлагающей набор инструментов для обеспечения такого опыта. Особенно это касается дизайн-мышления, которое в широком смысле понимается как ориентированный на человека подход к инновациям, опирающийся на процессы, используемые промышленными и продуктовыми дизайнерами [Lewis J.M. et al., 2020, р. 112]. Взаимосвязь двух актуальных задач современного государства — обновление существующих практик в условиях цифровизации и создание новых, а также помочь гражданам в комфортном освоении этих практики, — обусловила рост интереса к комплексу понятий, связывающих термины «дизайн» и «политика» (policy): «политический дизайн», «дизайн для политики», «дизайн в политике» и «политика дизайна» [Villa-Alvarez D.P., Wellstead A.M., 2024].

В то же время исследования, оперирующие термином «институциональный дизайн» (далее — ИД), в разной степени опираются на практику дизайна и, соответственно, вкладывают в данный термин различающиеся по своему концептуальному наполнению значения. Мы выделяем четыре подхода к использованию термина ИД в зависимости от степени обращения к принципам и процессам практики дизайна.

Первый подход охватывает работы, для которых промышленный дизайн не играет теоретической роли, а термин ИД используется — часто без каких-либо определений или комментариев — наравне и в качестве синонима выражений «институциональная конфигурация», «эмпирически существующий институциональный порядок», конкретная «институционализация», например, «демократии» [Hofmann S.C., Yeo A., 2023; Filgueiras F. et al.,

2025; Landwehr C. et al., 2025]. Другими словами, в данном понимании ИД обозначает текущий набор институтов в конкретном обществе. Во втором подходе ИД отсылает к сознательному проектированию² институциональных и, шире, политических практик, однако без артикулирования связи такого понимания с дисциплиной дизайна [De Silva N., Holthoefer A., 2024; Cannon C.E.B. et al., 2024]. В этой группе исследований может быть признана классической (по крайней мере в том смысле, что в нейдается развернутое определение ИД) статья Klijn and Korpenjan [Klijn E.-H., Korpenjan J.F.M., 2006], исходящая из определения институтов как «наборов правил, которые влияют, направляют и ограничивают поведение акторов», в силу чего институтами могут называться политические сети. ИД в этой работе определяется одновременно как «деятельность» по целенаправленному изменению характеристик политических сетей и как «содержание» институциональных изменений, на которые нацелена эта деятельность [Klijn E.-H., Korpenjan J.F.M., 2006, р. 144, 149].

Третья группа исследований характеризуется применением к государственному управлению принципов «дизайнерского подхода», основными из которых являются инновационность, ориентация на потребности граждан-потребителей, прототипирование и совместный дизайн (co-design). ИД играет здесь скорее вспомогательную роль как условия, содействующего или препятствующего совместному проектированию локальных практик взаимодействий государства, сообществ и граждан [Buijten A. van et al., 2023, р. 156–157; Neudorfer N.S., Walsh D., 2025]. Наконец, четвертый подход опирается на укорененные в сфере ценностей, идентичности, инновационности и экспериментирования принципы «дизайн-мышления» [Hanifah A.P. et al., 2023; Mayer S., Schwemmlle M., 2024], оперирующие такими терминами, как «чуткость», «экологичность», «идентичность», «наarrативность» и «литеративность» процесса дизайна. Спецификой данного подхода является множественность

² В данной статье термины «проектирование» и «проектировать» являются эквивалентами терминов «designing» и «to design», используемыми в актуальной международной академической литературе.

институциональных дизайнов как инструментов решения «каверзных проблем» [Cannon C.E.B. et al., 2024], а также частое отсутствие развернутых дефиниций данного феномена.

Если первые три подхода к ИД находятся скорее в поле политических, социологических и управлеченческих наук, то четвертый, обращенный к трансформации социальных практик на основе ценностей, представляет значительный интерес для социальной философии — как в силу недостаточной разработанности данного понятия, так и в силу его теоретического потенциала в осмыслении институциональной сферы. В связи с этим представляется актуальным социально-философское осмысление и определение ИД в аналитических рамках дизайн-мышления, которое сегодня в наиболее яркой форме отражает специфические принципы дизайна применительно к социальным практикам. Для решения этой задачи сначала будет представлен обзор эволюции дизайн-мышления для определения его ключевых характеристик, на основании которых затем будет проведена концептуализация ИД и выделены его теоретически существенные и обобщаемые черты.

Эволюция дизайн-мышления: от материальных объектов до политических практик

Началом теории дизайна традиционно считают эпохальную работу Г. Саймона «Науки об искусственном». Примечательно, что если первое издание этой книги ограничивалось преимущественно сферой промышленного и визуального дизайна, то к третьему изданию монография отражала более широкий взгляд на роль дизайна в оформлении экономических и социальных систем [Simon H.A., 1996]³. Если реконструировать траекторию исследовательского дискурса, следующего заданному Саймоном направлению, то она приведет к современному проектному менеджменту и, шире, проектному подходу, отличающемуся одномерностью в своей линейной последовательности этапов проектирования — от выявления проблемы до окончательной реализации [Szopińska-Mularz M., 2025]. Эта траектория перестала быть магистральной для теории

³ В связи с этим русские издания этой книги, являющиеся переводом первого издания оригинала, сегодня существенно устарели.

дизайна в конце XX в., когда появилось дизайн-мышление как результат синтеза двух теоретических подходов. Первый из них восходит к классической работе Х. Риттеля и М. Веббера, концептуализирующей «каверзные проблемы», т.е. такие проблемы, которые не имеют однозначного определения и рационального линейного однозначного решения (*solution*), так что никто не может обладать достаточными экспертными знаниями для формулирования какого-либо устраивающего все заинтересованные стороны «оптимального решения» [Rittel H.W.J., Webber M.M., 1973]. Второй подход связан с публикациями Брюса Арчера, который поднял вопрос о том, что именно — т.е. какое соотношение характеристик продукта — определяет «ценность» (которая также может быть названа потребительской стоимостью) последнего. Дизайнер изначально создает макет продукта не как прототип, а как эксперимент, позволяющий точнее выявить потребности покупателей. При этом дизайнер должен перевести в графическую композицию продукта такие неосвязываемые параметры, как техническую осуществимость имеющимися инженерами, финансовые и юридические требования, функции безопасности и т.д. [Archer B., 1976]. В последующих работах Арчер называет дизайнерские проблемы, которые никогда не имеют достаточно информации для их однозначного решения, «плохо определенными», тем самым прямо используя терминологию, относящуюся к «каверзовым проблемам» [Collier S.J., Gruendel A., 2022].

Первым шагом к теоретическому синтезу данных подходов стала статья Найджела Кросса о дизайнерском способе познания [Cross N., 1982]. Здесь объектом моделирования становится не объект, а сама проблема, которая структурируется через экспериментирование в процессе определения ее структуры [Cross N., 1982, р. 224]. Однако в явной форме данный синтез с одновременной концептуализацией дизайн-мышления был осуществлен в эпохальной статье Ричарда Бьюкенена «Каверзные проблемы в дизайн-мышлении» [Buchanan R., 1992]. Примечательным образом не давая развернутого определения дизайн-мышления (что в целом характерно для работ в этом поле, написанных специалистами по дизайну, а не философами), Бьюкенен называет его «новым свободным искусством» [Buchanan R., 1992, р. 20], направлен-

ным к «новым интеграциям знаков, вещей, действий, символов и окружения для удовлетворения конкретных потребностей и ценностей людей в различных обстоятельствах (перевод наш. — М.Ш.)» [Buchanan R., 1992, р. 21]. Обращаясь к теории «каверзных проблем», Бьюкенен идентифицирует проблемы дизайна как «каверзные», т.к. дизайн должен «открыть или изобрести конкретный предмет из проблем и вопросов конкретных обстоятельств», при этом данный предмет изначально является неопределенным и требующим дальнейшего исследования того, как сделать его полностью определенным [Buchanan R., 1992, р. 16–17]. При таком широком определении задачи дизайна логичен вывод, что дизайн-мышление может быть применено к любой сфере человеческого опыта [Buchanan R., 1992, р. 16]. Конкретизируя данный вывод, Бьюкенен выделяет четыре уровня (позже получившие название «порядков»), в которых может применяться дизайн-мышление: знаки и символы, материальные артефакты, действия и взаимодействия и, наконец, социальные системы и структуры [Buchanan R., 1992, р. 11–12; Lee K., 2024].

Несмотря на эвристический потенциал предложенной типологии сфер применения дизайн-мышления, вплоть до недавнего времени [Lee K., 2024] она не получила должного развития. Прежде всего, она не могла быть широко использована эмпирически из-за отсутствия аналитического руководства по ее применению: тексты Бьюкенена отличаются выраженной абстрактностью. Однако, на наш взгляд, более значимой причиной недооцененности вклада Бьюкенена является то, что заявленный им уровень рефлексивности в отношении проектирования практик и систем опередил потребности и возможности современного общества примерно на два десятилетия. Только к 2010-м гг. происходит заметное оживление академического интереса к дизайн-мышлению, что, на наш взгляд, обусловлено ключевыми процессами социально-политической трансформации, чья масштабность и необозримость проявлений вынуждает описать их только с помощью максимально широких социально-философских обобщений. К этим взаимосвязанным и взаимно усиливающим факторам актуальности дизайн-мышления можно отнести:

– развитие цифровых технологий, сделавших практически осмысленную задачу проектирования форм и этапов взаимодействий между человеком и компьютером, а также социальных и политических взаимодействий, опосредованных цифровыми платформами;

– интенсивное инновационное развитие, где стоимость создания продукта дизайна стала постоянно возрастать;

– формирование в западных странах вместо демократического консенсуса культуры судебного оспаривания и внесудебной «отмены», когда любой социально и политически значимый проект сталкивается с напором «разочарованных, нетерпеливых и голосистых граждан (перевод наш. — М.Ш.)» [Junginger S., 2016, р. 4–6]. Чтобы реализация инфраструктурных проектов не тормозилась бесконечными оспариваниями со стороны разных групп активистов, требуются новые демократические процедуры, включающие в себя несколько итераций согласования проекта с заинтересованными сторонами [Nguyen S.V. et al., 2020];

– проявившееся во время экономического кризиса 2008 г. разочарование в технократических моделях управления и нарастающее стремление к наполнению государственной политики ценностным содержанием. Крайним проявлением данной тенденции стала патологически иррациональная антироссийская идеология западных стран в 2020-е гг., у которой не было «целей», но были только «ценности», воплощенные в разлагающих эпистемическое благополучие и здоровье западных обществ «нарративах»;

– активизация постколониального дискурса, одним из фокусов которого стало приятие традиционным ремеслам современных форм, которые одновременно обеспечивают наследию актуальность в современном социальном и эстетическом контексте и рост их экономической ценности [Huang W. et al., 2024].

Совокупность данных факторов обусловила нарастание интереса к дизайн-мышлению с 2010-х гг. При этом происходило развитие самого дизайн-мышления, которое постепенно переставало тавтологично толковаться как переход навыков и подходов промышленных и графических дизайнеров в другие сферы и стало определяться как «аналитический и творческий процесс, вовлекающий личность в воз-

можности экспериментировать, творить и моделировать, собирать обратную связь и пере-проектировать (перевод наш. — М.Ш.)» [Razzouk R., Shute V., 2012]. При переносе дизайн-мышления из сферы психологии и педагогики в политику и управление акцент в исследованиях сместился с раскрытия творческих способностей индивида или группы на процесс вовлечения заинтересованных сторон к такому формулированию решений, которое способствует не только их благополучию, но и поддержанию их ценностей и идентичности. В этой перспективе совместное проектирование ручной тележки может создать структуру для взаимного обучения и совершенствования рабочих взаимодействий [Lyman A.H., Chung K., 2025], а вовлечение мигрантов в дизайн карты их путешествий по скандинавским странам способствует интеграции первых в последние [Lydén H. et al., 2023].

В социально-политическом контексте предмет дизайна играет роль социальной и ценностной инфраструктуры, объединяющей людей в совместном обсуждении их потребностей и путей их удовлетворения. При этом сами по себе эстетические и функциональные качества материальных объектов не представляют интереса [Collier S.J., Gruendel A., 2022], в то время как в фокусе внимания находятся проблемы проектирования таких форм организации социальных и политических практик, которые обеспечивают возникающим в этих практиках объектам легитимность, т.е. признание со стороны всех заинтересованных сторон. Объект дизайна перестает быть «продуктом» и все больше связывается с активацией и поддержкой индивидуальных или коллективных действий [Buchanan R., 2019]. Здесь можно провести границу между традиционным планированием в публичном управлении, которое направлено на эффективное предоставление государственных услуг, и «дизайном для политики», направленным на проектирование новых форм участия граждан в процессе принятия решений, причем само вовлечение граждан является целью данной политики [Strokosch K., Osborne S.P., 2023], а также на достижение доверия и легитимности в политических процессах [Wellstead A., Howlett M., 2024].

В наиболее последовательном применении дизайн-мышления при принятии политических решений разрабатываются стратегии дизайна

политики, основанные на абдуктивной логике, где наиболее приемлемый результат должен быть разработан с учетом неопределенных «что» и «как», данных в процессе проектирования [Dorst K., 2019, p. 124]. «Каверзная проблема» всегда может рассматриваться не сама по себе, а как симптом другой проблемы [Gruendel A., 2022]. Изначальная неопределенность «каверзных проблем» усиливает такие элементы дизайн-мышления, как исследовательскую установку (решение проблемы совпадает с процессом ее исследования), экспериментальность и итеративность (последовательное создание новых моделей решения в ходе обсуждения), а также незавершенность — «каверзные проблемы» не имеют решения, с ними можно только на время справиться (*deal with*) [Van Uffelen et al., 2024]. Поэтому дизайн в политической сфере больше ориентирован на процесс непрерывного исследования структуры проблем, нежели на достижение предопределенных целей [Wellstead A., Howlett M., 2024, p. 145], вследствие чего можно говорить о «неотении дизайна», имея в виду, что результат работы дизайна больше похож на его процесс [Dorst K., 2019, p. 124].

Рассматривая соединение дизайна и политической сферы сквозь призму социальной философии, нельзя не заметить происходящую в этом соединении трансформацию институционального уровня общества. В «дизайне для политики» процесс проектирования становится тем, что выявляет перечень заинтересованных сторон, распределяет их полномочия в процессе последующего установления правил взаимодействия внутри процесса обсуждения «каверзной проблемы» и разработки модели оптимальной социальной практики. Опираясь на принятые в международной академической литературе определение институтов как стратегий, норм и правил, воплощенных в публичной политике и социальных соглашениях [Siddiki S. et al., 2022, p. 315], можно заключить, что в политической сфере происходит непрерывная реинституционализация конкретных социальных практик. Этот процесс включает в себя в качестве предпосылки оспаривание текущего распределения властных полномочий в принятии решений и действующих правил через итеративное создание новых наборов правил и распределений участников. Распространение ди-

зайн-мышления на социально-политические практики приводит к сокращению пространства взаимодействий, чьи правила определены обычаями и правовыми нормами: решение всякой вновь выявленной проблемы включает в себя одновременный процесс имманентной институционализации, т.е. установление в процессе исследования ситуации стратегий, норм, правил и участников ее решения. Институты — это не то, что передается от поколения к поколению с целью облегчения взаимодействий, а то, что заново и осознанно создается каждым поколением, исследующим окружающее их пространство проблем.

Таким образом, дизайн-мышление открывает широкие перспективы теоретических исследований в сфере социально-политических практик — перспективы, которые сегодня остаются не полностью освоенными в сфере концептуального осмыслиния ИД из-за акцента на прикладные аспекты политического дизайна. Рассмотрение ИД в контексте дизайн-мышления сквозь призму социальной философии позволяет восполнить этот недостаток.

Концептуализация институционального дизайна

Опираясь на приведенный выше анализ, можно дать определение ИД как социально-политической практики, сфокусированной на выявление и структурирование проблемной ситуации одновременно с выявлением перечня заинтересованных сторон (акторов), их полномочий, ролей и правил взаимодействия друг с другом, набора релевантных инструментов решения проблемы, а также ценностей, утверждение которых может считаться приемлемым решением.

Ключевыми принципами (которые также могут быть названы характеристиками) ИД являются *неопределенность, вовлеченность и итеративность*. *Неопределенность* относится к субстрату ИД, каковым является проблемная ситуация, которая определяется одновременно с критериями приемлемости ее множественных решений через непрерывное исследование и экспериментирование. Решение не вытекает логически из проблемы, и невозможно заранее определить последовательность шагов, гарантирующих результаты, а любой вариант решения требует экспериментальной проверки [Brinkman G. et al., 2023, p. 243]. Эксперимен-

тальность создает ценность для неудачи как гаранту чистоты действий и фактору доверия. Поэтому в проектах приветствуются участники, играющие роль «неперфекционистов», чтобы подчеркнуть ценность неудач [Brinkman G. et al., 2023, p. 252]. Если убрать в скобки напрашивающиеся аллюзии на гротескные формы политики самокритики, проводимой в последние годы СССР, то нельзя не отметить, что здесь дизайн-мышление направлено на трансформацию институциональных зависимостей между статусом и успехом, которые сегодня ведут к скрытию ошибок и неудач для сохранения карьеры и репутации. Если экспертность и эффективность перестают быть принципиальными в карьере, то возникает перспективный с точки зрения дальнейших исследований вопрос о принципах социально-политической иерархии и формирования элит в контексте ИД.

Вовлеченность участников проблемной ситуации в ее решение выходит за рамки традиционной прямой совещательной демократии. Дизайн-мышление требовательно к заинтересованным сторонам, оно отрицает возможность быть пассивным получателем услуг, выбирая их из предложенного перечня. Заинтересованность сторон означает, что у них есть собственное — личное или коллективное — видение сути проблемы и путей ее решения, а также описание приемлемого результата. Потребитель в рамках совместного дизайна разделяет ответственность за полученный результат вне зависимости от своей компетентности. Considine [Considine M., 2025] сравнивает такую ситуацию с требованием к пассажирам принимать участие в ремонте летящего самолета. Вовлеченность сокращает пространство для критики результата и процесса его достижения, в дополнение к тому, что и сам результат в силу неокончательности начинает ускользать от строгих оценок. Кроме того, вовлеченность может иметь форму не столько распределения ответственности, сколько ее перекладывания на граждан, например, при формировании портфеля своих пенсионных накоплений, что становится серьезным бременем для пожилого населения [Murphy M.F., Kelly Ch., 2018, p. 37]. Предельным выражением вовлеченности в ИД может стать пролетаризация гражданства: любое взаимодействие гражданина с государственными институтами будет сопровождаться

непрерывным процессом моделирования и оценки форм этого взаимодействия, где от личности будут требоваться конкретные предложения по совершенствованию институтов, к которым он обратился за услугами. Примечательно, что сегодня, с учетом доступности генеративного искусственного интеллекта, ограничения в реализации такого сценария лежат на стороне государства, а не граждан. Поэтому перспективным направлением исследований является проектирование ИД цифрового общества, если мы говорим о последнем с точки зрения его социально-политических, а не только технологических особенностей. В этом смысле, возникающее цифровое общество в контексте взаимоотношений между гражданами и постоянно трансформирующими государственными институтами может также быть названо «обществом институционального дизайна».

Итеративность относится как к диахронически (последовательность процедур моделирования продукта или решения проблемы), так и синхронически (библиотека решений аналогичных проблемных ситуаций) осуществляемым попыткам решения проблемной ситуации. Обращаясь к дизайну в индустрии моды, можно увидеть, что предлагаемые модными домами «коллекции» суть собранные вместе итерации, объединенные наличием не общего прототипа, а общего вектора решения творческой задачи. Последовательные попытки решения этой задачи сами по себе являются равно неуспешными, т.к. идеальное решение обесценило бы другие варианты, лишив потребителей разнообразия и уникальности. В то же время собранные вместе итерации взаимно поддерживают ценность друг друга как выражения единого стиля, в связи с чем, как известно, в арт-маркете и индустрии моды значение имеют коллекции, а не единичные артефакты. Применение данного подхода к ИД меняет привычную, восходящую к учению Платона об идеях, перспективу. Институциональное устройство общества не является воплощением некоего архетипа, гештальта, паттерна, этоса, логоса и т.д. В то же время оно не является и бесконечным переплетением локальных ризоматических практик и уходящих в дурную бесконечность «серий». ИД предстает как набор — который также может быть назван «каноном» — схожих решений общих неопределенных проблем в рамках одного общества.

Статус институционального канона является не столько эпистемическим (набор вариантов структурирования и решения проблем) или правовым (прецеденты решения спорных ситуаций), сколько аксиологическим. Канон включает в себя исторически известные и ставшие легитимными решения, ни одно из которых не является примером полного воплощения искомых ценностей и идентичности вследствие неизбежных компромиссов, но в своей совокупности они делают реальной национальную или цивилизационную самобытность и ее ценности. В этом отношении институциональный канон может быть рассмотрен в качестве альтернативы актуальной политической теологии [Flohr M., 2025], основанной на выделении в истории и современности государственной жизни неоспоримых и священных образов и символов. Собирая примеры успешных (и не только) итераций решения проблемы воплощения ценностей и идентичности в разных исторических эпохах, регионах и контекстах, институциональный канон обеспечивает более широкое вовлечение разных поколений в формирование того, что в политической теологии признается священным, одновременно размывая его четкие границы и вводя священное в пространство неопределенности и гибкости, характерные для ИД в целом.

Заключение

Представленная в данной статье концепция ИД обладает, на наш взгляд, существенным потенциалом как аналитического инструмента при изучении формирования институциональных структур в контексте замысла о них, так и методологического инструмента в проектировании политических сценариев, направленных на институциональную трансформацию. Если обратиться к современной России, то легко можно увидеть, что проходящее на разных уровнях обсуждение концепции «Русского мира» движется в русле дизайн-мышления в том его измерении, которое касается ИД. Познание и формулирование «Русского мира» относится к категории «каверзных проблем», поскольку все, что есть в распоряжении у ученых, политиков и публицистов, — это неопределенное интуитивное понимание специфического устройства общества без четкого понимания «что» и «как» данного устройства, его функционирова-

ния и способов воспроизведения. При этом «Русский мир», кроме своей неопределенности, соответствует другим чертам ИД — требованию участия в нем всех сознательных граждан страны, а также многообразия его итераций в истории и разных сферах жизни страны. Использование концепции ИД позволит лицам, заинтересованным в развитии и дискурсивном оформлении идеи «Русского мира», избежать бесплодных поисков архетипов и логосов, лежащих в основе народной жизни, и открыть пространство для экспериментов и локальных итераций «Русского мира» в нашем многонациональном федеративном государстве.

В то же время, рассматривая представленную концепцию ИД внутри порождающего ее дизайн-мышления, следует применять принципы последней к самой концепции. Она является одной из первых, но, очевидно, не последней итерацией попыток определения ИД в научном поиске, что предполагает не только дальнейшие направления исследования, но и переосмысление самой концепции при помещении ее в конкретные теоретические и практические контексты. Так, в данном исследовании были затронуты некоторые из этих контекстов, а именно — процессы определения идентичности и ценности внутри ИД, становление ИД, опирающееся на генеративный искусственный интеллект цифрового общества институционального дизайна, а также анализ феномена культурного наследия как не имеющего четких границ и открытого для новых итераций институционального канона. Эти направления исследования будут коррелировать перспективам усложнения институциональной сферы современного общества, переходящего от акцента на установление компетенций и контроль над процессами к гибким механизмам направления инноваций в желаемое русло и созданию лучшего опыта.

References

- Archer, B. (1976). A new approach to Britain's industrial future: A series of papers. *Journal of the Royal Society of Arts*. Vol. 124, no. 5241, pp. 508–522.
- Brinkman, G., Buuren, A. van, Voorberg, W. and Bijl-Brouwer, M van der (2023). Making way for design thinking in the public sector: a taxonomy of strategies, *Policy Design and Practice*, Vol. 6, iss. 3, pp. 241–265. DOI: <https://doi.org/10.1080/25741292.2023.2199958>
- Buchanan, R. (1992). Wicked problems in design thinking. *Design Issues*. Vol. 8, no. 2, p. 5–21. DOI: <https://doi.org/10.2307/1511637>
- Buchanan, R. (2019). Systems thinking and design thinking: The search for principles in the world we are making. *She Ji: The Journal of Design, Economics, and Innovation*. Vol. 5, iss. 2, pp. 85–104. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.sheji.2019.04.001>
- Buuren, A. van, Lewis, J.M. and Peters, B.G. (2023). *Policy-making as designing: The added value of design thinking for public administration and public policy*. Bristol, UK: Bristol University Press, Policy Press, 244 p. DOI: <https://doi.org/10.2307/jj.3252825>
- Cannon, C.E.B., Chu, E.K., Nateka, A. and Waaland G. (2024). Institutional designs for procedural justice and inclusion in urban climate change adaptation. *Journal of Planning Education and Research*. Preprint. DOI: <https://doi.org/10.1177/0739456x241274579>
- Collier, S.J. and Gruendel, A. (2022). Design in government: City planning, space-making, and urban politics. *Political Geography*. Vol. 97. Available at: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0962629822000580/pdf?md5=02dd7f9508164d20398e4317b2d3deff&pid=1-s2.0-S0962629822000580-main.pdf> (accessed 21.02.2025). DOI: <https://doi.org/10.1016/j.polgeo.2022.102644>
- Considine, M. (2025). Co-design as institutional innovation: Can we build the plane while flying it? *International Journal of Public Administration*. Vol. 48, iss. 5–6, pp. 346–355. DOI: <https://doi.org/10.1080/01900692.2025.2464829>
- Cross, N. (1982). Designerly ways of knowing. *Design Studies*. Vol. 3, iss. 4, pp. 221–227. DOI: [https://doi.org/10.1016/0142-694x\(82\)90040-0](https://doi.org/10.1016/0142-694x(82)90040-0)
- De Silva, N. and Holthoefer, A. (2024). Hidden figures: how legal experts influence the design of international institutions. *European Journal of International Relations*. Vol. 30, iss. 1, pp. 52–77. DOI: <https://doi.org/10.1177/13540661231210931>
- Dorst, K. (2019). Design beyond design. *She Ji: The Journal of Design, Economics, and Innovation*. Vol. 5, iss. 2, pp. 117–127. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.sheji.2019.05.001>
- Dunleavy, P. and Margetts, H. (2025). Data science, artificial intelligence and the third wave of digital era governance. *Public Policy and Administration*. Vol. 40, iss. 2, pp. 185–214. DOI: <https://doi.org/10.1177/09520767231198737>
- Filgueiras, F., Lui, L., Rosa, Th.G. and Ferreira, G.C. (2025). The institutional design of data governance in Brazil: entropy, restrictiveness and institutional grammar. *Policy Design and Practice*. Vol. 8,

iss. 1, pp. 64–88. DOI: <https://doi.org/10.1080/25741292.2025.2460838>

Flohr, M. (2025). Political theology: origins, concepts, and contradictions. *Theory Culture & Society*. Vol. 42, iss. 4, pp. 43–59. DOI: <https://doi.org/10.1177/02632764241311250>

Gruendel, A. (2022). The technopolitics of wicked problems: Reconstructing democracy in an age of complexity. *Critical Review*. Vol. 34, iss. 2, pp. 202–243. DOI: <https://doi.org/10.1080/08913811.2022.2052597>

Hanifah, A.P., Sukoco, I. and Muftiadi, A. (2023). Mapping study of design thinking on product development in the last 10 years. *Reviu Akuntansi, Manajemen, Dan Bisnis* [Accounting, Management, and Business Review]. Vol. 3, no. 2, pp. 93–109. DOI: <https://doi.org/10.35912/rambis.v3i2.2402>

Hofmann, S.C. and Yeo, A. (2023). Historical institutionalism and institutional design: divergent pathways to regime complexes in Asia and Europe. *European Journal of International Relations*. Vol. 30, iss. 2, pp. 306–332. DOI: <https://doi.org/10.1177/13540661231170717>

Huang, W., Rahman, Ah.R.A., Gill, S.S. and Ahmad Effendi, R.A.A.R. (2024). Furniture development framework for cultural conservation: a case study of Peranakan Chinese in Singapore. *Sustainability*. Vol. 16, iss. 24. Available at: <https://www.mdpi.com/2071-1050/16/24/10818/pdf> (accessed 21.02.2025). DOI: <https://doi.org/10.3390/su162410818>

Junginger, S. (2016). *Transforming public services by design*. London, UK: Routledge Publ., 200 p. DOI: <https://doi.org/10.4324/9781315550183>

Klijn, E.-H. and Koppenjan, J.F.M. (2006). Institutional design. *Public Management Review*. Vol. 8, iss. 1, pp. 141–160. DOI: <https://doi.org/10.1080/14719030500518915>

Landwehr, C., Ojeda, Ch. and Stallbaum, L. (2025). Institutional design preferences among German and US citizens: results from a factorial survey experiment. *Political Studies*. Vol. 73, iss. 4, pp. 1722–1744. DOI: <https://doi.org/10.1177/00323217241309965>

Lee, K. (2024). Institutions as objects in fourth order design. *She Ji: The Journal of Design, Economics, and Innovation*. Vol. 10, iss. 2, pp. 169–191. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.sheji.2024.08.001>

Lewis, J.M., McGann, M. and Blomkamp, E. (2020). When design meets power: design thinking, public sector innovation and the politics of policymaking. *Policy & Politics*. Vol. 48, iss. 1, pp. 111–130. DOI: <https://doi.org/10.1332/030557319x15579230420081>

Lydén, H., Suoheimo, M., Leminen, A. and Miettinen, S. (2023). Immigrant integration through codesign — a journey map of integration into working life. *D. De Sainz Molestina et al. (eds.) IASDR 2023: Life-Changing Design (Milan, IT, Oct. 9–13, 2023)*. Available at: <https://dl.designresearchsociety.org/cgi/viewcontent.cgi?article=1101&context=iasdr> (accessed 21.02.2025). DOI: <https://doi.org/10.21606/iasdr.2023.294>

Lyman, A.H. and Chung, K. (2025). A new model of participatory design to improve social impact: Incorporating action research into the design of appropriate technology in rural Zambia. *Design Studies*. Vol. 97. Available at: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0142694X25000080?via%3Dihub> (accessed 21.02.2025). DOI: <https://doi.org/10.1016/j.destud.2025.101296>

Mayer, S. and Schwemmle, M. (2024). The impact of design thinking and its underlying theoretical mechanisms: a review of the literature. *Creativity and Innovation Management*. Vol. 34, iss. 1, pp. 78–110. DOI: <https://doi.org/10.1111/caim.12626>

Murphy, M.F. and Kelly, Ch. (2018). Questioning «choice»: A multinational metasynthesis of research on directly funded home-care programs for older people. *Health & Social Care in the Community*. Vol. 27, iss. 3, pp. e37–e56. DOI: <https://doi.org/10.1111/hsc.12646>

Neudorfer, N.S. and Walsh, D. (2025). The peacemaking role of independent commissions: the role of institutional design. *International Political Science Review*. Vol. 46, iss. 5, pp. 654–671. DOI: <https://doi.org/10.1177/01925121241310858>

Nguyen, S.V., Langston, N., Wellstead, A. and Howlett, M. (2020). Mining the evidence: Public comments and evidence-based policymaking in the controversial Minnesota PolyMet mining project. *Resources Policy*. Vol. 69. Available at: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0301420720308734?via%3Dihub> (accessed 21.02.2025). DOI: <https://doi.org/10.1016/j.resourpol.2020.101842>

Razzouk, R. and Shute, V. (2012). What is design thinking and why is it important? *Review of Educational Research*. Vol. 82, iss. 3, pp. 330–348. DOI: <https://doi.org/10.3102/0034654312457429>

Rittel, H.W.J. and Webber, M.M. (1973). Dilemmas in a general theory of planning. *Policy Sciences*. Vol. 4, iss. 2, pp. 155–169. DOI: <https://doi.org/10.1007/bf01405730>

Siddiki, S., Heikkila, T., Weible, Ch.M., Pacheco-Vega, R. et al. (2022). Institutional analysis with the institutional grammar. *Policy Studies Journal*. Vol. 50,

- iss. 2, pp. 315–339. DOI: <https://doi.org/10.1111/psj.12361>
- Simon, H.A. (1996). The sciences of the artificial. Cambridge, MA: The MIT Press, 248 p.
- Strokosch, K. and Osborne, S.P. (2023). Design of services or designing for service? The application of design methodology in public service settings. *Policy & Politics*. Vol. 51, iss. 2, pp. 231–249. DOI: <https://doi.org/10.1332/030557321x16750746455167>
- Szopińska-Mularz, M. (2025). Planning design value-driven scenarios for innovation: A case study of adaptive reuse for food production based on the design management model. *Design Studies*. Vol. 97. Available at: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0142694X25000110?via%3Dihub> (accessed 21.02.2025). DOI: <https://doi.org/10.1016/j.destud.2025.101299>

Об авторе

Шаткин Максим Александрович
кандидат философских наук,
доцент кафедры философии и методологии науки
Саратовский национальный исследовательский
государственный университет
им. Н.Г. Чернышевского,
410012, Саратов, ул. Астраханская, 83;
e-mail: maximshatkin@gmail.com
ResearcherID: AAX-4034-2020

Uffelen, N. van, Vermaas, P. and Pesch, U. (2024). Dealing with wicked problems: normative paradigms for design thinking. *She Ji: The Journal of Design, Economics, and Innovation*. Vol. 10, iss. 4, pp. 441–455. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.sheji.2024.11.003>

Villa-Alvarez, D.P. and Wellstead, A.M. (2024). More than semantics? Navigating the «Policy * Design» concepts' landscape. *Central European Journal of Public Policy*. Vol. 18, iss. 2, pp. 35–51. DOI: <https://doi.org/10.2478/cejpp-2024-0008>

Wellstead, A. and Howlett, M. (2024). Public value and procedural policy instrument specifications in «design for service». *Policy Design and Practice*. Vol. 7, iss. 2, pp. 144–157. DOI: <https://doi.org/10.1080/25741292.2024.2337095>

About the author

Maxim A. Shatkin
Candidate of Philosophy, Associate Professor
of the Department of Philosophy
and Methodology of Science

Saratov State University
named after N.G. Chernyshevsky,
83, Astrakhanskaya st., Saratov, 410012, Russia;
e-mail: maximshatkin@gmail.com
ResearcherID: AAX-4034-2020

УДК 111.6
<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2025-4-576-586>
<https://elibrary.ru/xltaww>

Поступила: 11.08.2025
Принята: 18.10.2025
Опубликована: 26.12.2025

ВИРТУАЛЬНОЕ И ИДЕАЛЬНОЕ: ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ КАТЕГОРИЙ

Кадочников Константин Владимирович

Пермский государственный национальный исследовательский университет (Пермь)

Философские категории «виртуальное» и «идеальное» зачастую употребляются как синонимичные. И действительно, в отношении к материальному бытию эти категории обозначают один класс существования. Однако данные категории должны обладать не только моментом тождества, но и различия, выражающего их специфику относительно друг друга. Рассмотрение идеального в рамках методологии деятельностного подхода (Э.В. Ильенков) позволяет выявить не только его субстрат — общественную деятельность, но и его процессуальный характер — переход из одной формы в другую, «представление» одного материального объекта через другой. Категория «виртуальное» как раз схватывает этот переход как трансформацию возможного в действительное (концепция С.С. Хоружего) или потенциального в актуальное (концепция Н.А. Носова). При этом в контексте анализа процессуальности и становления идеальных явлений вопрос об их субстрате отходит на второй план. В этом отношении «виртуальное», в отличие от «идеального», позволяет концептуализировать становление бытия универсально, безотносительно его субстрата. «Виртуальное» можно определить как философскую категорию, характеризующую бытие в становлении — в переходе от возможного к действительному, от потенциального к актуальному. В становлении, развертывании идеального содержания проявляются фундаментальные свойства «виртуального» — активность, динамичность, процессуальность. Виртуальность является моментом идеального бытия, его процессуальной стороной, отражающей динамичность, переход от одной его формы к другой. Таким образом, «виртуальное» является способом существования «идеального». Иными словами, если «идеальное» отвечает на вопрос — почему один материальный предмет представляет другой, то «виртуальное» — как именно это происходит. Определение различий между «виртуальным» и «идеальным» открывает перспективу анализа их функционирования как разных элементов социального бытия.

Ключевые слова: виртуальное, идеальное, возможное, действительное, деятельностный подход, бытие-в-становлении.

Для цитирования:

Кадочников К.В. Виртуальное и идеальное: проблема соотношения категорий // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2025. Вып. 4. С. 576–586. <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2025-4-576-586>. EDN: XLTAWW

THE VIRTUAL AND THE IDEAL: THE PROBLEM OF THE RELATIONSHIP BETWEEN THE CATEGORIES

Konstantin V. Kadochnikov

Perm State University (Perm)

The philosophical categories of the virtual and the ideal are often used as synonyms. Admittedly, in relation to material being, these categories denote one class of existence. However, these categories should have not only a moment of identity but also a moment of difference, this expressing their specificity in relation to each other. Consideration of the ideal within the framework of the methodology of the activity approach (E.V. Ilyenkov) allows us to identify not only its substrate, which is social activity, but also its processual nature — the transition from one form to another, the «representation» of one material object through another. Meanwhile, the category of the virtual captures this transition as the transformation of the possible into the actual (the concept of S.S. Khoruzhy) or the potential into the actual (the concept of N.A. Nosov). At the same time, in the context of the analysis of the processuality and formation of ideal phenomena, the question of their substrate comes second. In this respect, the virtual, in contrast to the ideal, allows us to conceptualize the becoming of being universally, without regard to its substrate. The virtual can be defined as a philosophical category that characterizes being in becoming — in the transition from the possible to the real, from the potential to the actual. In the becoming and unfolding of ideal content, the fundamental properties of the virtual are manifested: activity, dynamism, and processuality. Virtuality is a moment of ideal being, its processual side, which reflects its dynamism, the transition from one of its forms to another. Thus, the virtual is a mode of existence of the ideal. In other words, the ideal answers the question of why one material object represents another, while the virtual — the question of how this happens. Defining the differences between the virtual and the ideal opens up the prospect of analyzing their functioning as different elements of social being.

Keywords: virtual, ideal, possible, actual, activity approach, being-in-becoming.

To cite:

Kadochnikov K.V. [The virtual and the ideal: the problem of the relationship between the categories]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psichologiya. Sociologiya* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2025, issue 4, pp. 576–586 (in Russian), <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2025-4-576-586>. EDN: XLTAWW

Введение

Современные исследователи обращаются к категориям «виртуальное» и «виртуальная реальность» при описании обширного спектра явлений: от продуктов информационных технологий до элементарных частиц и психологических состояний. Встречается «виртуальное» и вне специфического научного дискурса — в повседневной речи, публицистике, произведениях массовой культуры. Столь частое обращение к этой категории и ее широкое употребление привели к тому, что онтологический статус виртуального остается непонятным, ускользающим и «непроявленным» [Таратута Е.Е., 2007, с. 12].

Зачастую «виртуальное» употребляется как синоним «возможного», «потенциального» и «идеального». Вероятно, специфику виртуального можно определить, сопоставив его с этими категориями, выявив тождество и различие. Данная статья посвящена проблеме сопоставления категорий «виртуальное» и «идеальное», часто отождествляемых и используемых как взаимозаменяемые [Грязнова Е.В. и др., 2018]. Отчасти это справедливо, т.к. эти категории в контексте социально-гуманитарных наук используются для описания нематериальных объектов и при противопоставлении материальному выступают тождественными. Однако при таком подходе не схватывается специфика виртуального. Следо-

вательно, нужно обозначить не только тождество, но и различие.

Цель данной статьи — категориально определить «виртуальное» по отношению к «идеальному», выявить, в чем они тождественны, а в чем отличаются. Предлагаемая в рамках данного исследования гипотеза: «виртуальное» является процессуальным моментом «идеального», его способом существования, характеризующим становление — переход от возможного к действительному, от потенциального к актуальному.

Проблема идеального: деятельностный подход

Категория «идеальное» обладает богатой историей в философской мысли. Еще Платон обращал внимание на существование «идей» — нематериальных, сверхчувственных объектов, «универсальных, общезначимых образов-схем» [Ильенков Э.В., 2021, с. 22]. Наиболее глубокая дискуссия о сущности и способе существования идеального была развернута в советской философии в 1960–1980-е гг. Свои гипотезы в рамках этого спора высказывали Э.В. Ильенков, Д.И. Дубровский, М.А. Лифшиц, В.В. Орлов и другие исследователи.

В сложившейся дискуссии можно условно обозначить два основных подхода к проблеме идеального: деятельностный и естественно-научный. Представители этих научных исследовательских программ отталкивались от дефиниции, предложенной К. Марксом: «Идеальное есть не что иное, как материальное, пересаженное в человеческую голову и преобразованное в ней» [Маркс К., 1960, с. 21]. Идеальное здесь рассматривается как производное от материального, но вместе с тем противоположное ему и обладающее особым социальным субстратом. Эти положения участники дискуссии разделяли, но на вопрос о природе субстрата идеального они отвечали по-разному.

Представители деятельностного подхода (Э.В. Ильенков, Э.Г. Классен, М.К. Мамардашвили, А.Н. Леонтьев и др.) полагали, что основой идеального является общественная производственная деятельность. Идеальные объекты в рамках этого подхода трактуются как объективные мыслительные формы, возникающие в процессе человеческой деятельности и закрепляемые в общественном сознании в качестве общезначимых норм, культуры (в широ-

ком плане). Э.В. Ильенков, заложивший основу деятельностного подхода, определял идеальное как «факт общественно-исторический, продукт и форму духовного производства» [Ильенков Э.В., 2022, с. 68], «своеобразную печать, наложенную на вещество природы общественно-человеческой жизнедеятельностью», «форму функционирования физической вещи в процессе общественно-человеческой жизнедеятельности» [Ильенков Э.В., 2021, с. 59].

Природные объекты, будучи вовлечеными в деятельность человека, приобретают особые сверхприродные качества, функции, выражающие социальное значение и содержание данных объектов. Например, монета (купюра или иной денежный знак) как физический объект не обладает свойством всеобщего эквивалента, однако приобретает такое свойство, будучи вовлеченной в капиталистические отношения производства, распределения и обмена.

Сторонники естественно-научного подхода (Д.И. Дубровский, А.Г. Спиркин, И.С. Нарский и др.) полагали субстратом идеального его материальный носитель — человеческий мозг и отдавали приоритет индивидуальному сознанию, трактуемому как «субъективная реальность». Так, Д.И. Дубровский, опираясь на данные естественных наук, описывал идеальность и субъективность как свойства психических явлений — продуктов головного мозга человека [Дубровский Д.И., 1968, с. 126].

Для достижения цели данной статьи деятельностный подход представляется предпочтительным, т.к. не только отвечает на вопрос о субстрате идеального, но и описывает способ существования идеального — цикличный переход из одной формы (вещи) в другую (активной жизнедеятельности человека) и обратно. Э.В. Ильенков подчеркивал, что идеальное существует в замкнутом цикле «вещь — дело — слово — дело — вещь»: «Форма внешней вещи, вовлеченной в процесс труда, “снимается” в субъективной форме предметной деятельности; последнее же предметно фиксируется в субъекте в виде механизмов высшей нервной деятельности. А затем обратная очередь тех же метаморфоз: словесно выраженное представление превращается в дело, а через дело — в форму внешней, чувственно созерцаемой вещи, в вещь» [Ильенков Э.В., 2022, с. 78].

Следовательно, идеальное не статично, а динамично. Оно существует только «во взаимно-

встречном движении двух противоположных “метаморфоз” — формы деятельности и формы вещи, в их диалектически-противоречивом взаимопревращении» [Ильенков Э.В., 2021, с. 85]: «Идеальная форма — это форма вещи, но вне этой вещи, а именно в человеке, в виде формы его активной жизнедеятельности, в виде цели и потребности. Или, наоборот, это форма активной жизнедеятельности человека, но вне человека, а именно в виде формы созданной им вещи» [Ильенков Э.В., 2021, с. 85].

Идеальное, согласно Э.В. Ильенкову, связывает материальные объекты через отношение репрезентации. «Под “идеальностью” или “идеальным” материализм и обязан иметь в виду то очень своеобразное и то строго фиксируемое соотношение между, по крайней мере, двумя материальными объектами (вещами, процессами, событиями, состояниями), внутри которого один материальный объект, оставаясь самим собой, выступает в роли представителя другого объекта, а еще точнее — всеобщей природы этого другого объекта, всеобщей формы и закономерности этого другого объекта, остающейся инвариантной во всех его изменениях, во всех его эмпирически очевидных вариантах» [Ильенков Э.В., 2021, с. 25]. Здесь исследователь вновь подчеркивает динамичность идеального, его несводимость в полной мере ни к репрезентанту, ни к репрезентируемому. Оно существует как в этих объектах, так и «между» ними в самом процессе «представления».

Научная исследовательская программа,ложенная Э.В. Ильенковым, впоследствии углублялась и конкретизировалась другими исследователями. Так, Э.Г. Классен, определявший идеальное как «особую область реальных значимостей» между природной реальностью и сознанием [Классен Э.Г., 1984, с. 72], обозначил его сущностные свойства: положенность, представленность, нематериальность, общезначимость, зависимость от сознания [Классен Э.Г., 1984, с. 103].

Эти свойства были выведены через противопоставление идеального материальному: «Идеальное — положено; материальное — субстанционально; идеальное — представлено; материальное существует налично; идеальное — невещественно (сверхчувственно); материальное — вещественно, чувственно воспринимаемо; идеальное связано с сознанием; материальное — не

зависит от сознания» [Классен Э.Г., 1984, с. 103]. Таким образом идеальное «противоположно материальному каждой своей стороной» [Классен Э.Г., 1984, с. 103], оно является «ино-бытием» материальных объектов, включаемых во внешнюю по отношению к ним систему — общественное производство, «деятельную жизнь общества, а точнее те отношения, которые в жизни общества складываются» [Классен Э.Г., 1984, с. 99].

Э.Г. Классен так же, как и Э.В. Ильенков, подчеркивал динамичность идеального, невозможность его сведения к одной из сменяющих друг друга форм: «Оно возникает в предметах деятельности, потому что, складывается в человеческой голове; и возникает в голове человека, потому что формируется в предметах его деятельности. Оторвать друг от друга эти полюсы образования и существования идеального нельзя: исчезает само идеальное» [Классен Э.Г., 1984, с. 104].

Из относительно современных исследований, выполненных в духе деятельностного подхода к проблеме идеального, можно отметить «синтетическую теорию идеального» Д.В. Пивоварова и К.Н. Любутина. Авторы полагают субстанцией и носителем идеального образа — систему операций субъекта с объектом [Любутин К.Н., Пивоваров Д.В., 2000, с. 165]. Этот процесс авторы описывают следующим образом: «Среда процессуально дифференцируется с субъектом на составляющие ее элементы при помощи различных совершаемых человеком операций. Постепенно каждой уже знакомой человеку вещи начинает соответствовать свой особый спектр операций, которые оказались эффективными и согласующимися с более или менее глубокой сущностью объекта. Будучи интериоризованным, этот спектр операций представляет индивиду вещь в канве деятельности с нею. Возникает идеальный образ вещи в форме некоторого инварианта в системе интериоризованных операций, в форме схемы действия с классом вещей» [Любутин К.Н., Пивоваров Д.В., 2000, с. 165].

Примечательно, что идеальный образ у Д.В. Пивоварова и К.Н. Любутина и само идеальное не тождественны. Идеальное определяется этими авторами как процесс — «внутренняя сторона взаимодействия субъекта и объекта, их взаимоотражения» [Любутин К.Н., Пивоваров Д.В., 2000, с. 165].

вarov Д.В., 2000, с. 5]. Идеальный образ же является результатом этого процесса. При этом продукт идеального отражения не является статичной, «зеркальной копией объекта в субъекте», а представляет собой репрезентант, «где единичное становится сигналом сущности (общего, закона), символом, идеей» [Любутин К.Н., Пивоваров Д.В., 2000, с. 72], т.е. результат взаимодействия субъекта с объектом — идеальный образ, сам является процессом — представлением «иного».

Отметим, что авторы фиксируют ведущую роль субъекта в формировании идеального образа, но при этом обращают внимание и на объект, признавая за ним относительную самостоятельность, активность и способность «оказывать сопротивление» субъекту: «Свойство активности попеременно переходит то к отражающему человеку, то к отражаемому содержанию, а в итоге они оба трансформируются в некоторое единое “третье”, в эмерджент, творцом которого является идеальное как взаимное отражение субъекта и объекта» [Любутин К.Н., Пивоваров Д.В., 2000, с. 66]. Таким образом, авторами вновь подчеркивается процессуальность идеального.

Методология деятельностного подхода схватывает не только субстрат идеального, но и его особый способ существования — переход от предмета (объекта) к его образу, полученному в результате активного взаимодействия субъекта с объектом, закрепление данного образа в знаковой форме как универсального образца (нормы, репрезентанта) и включение его в новую деятельность. Этот процесс, вероятно, реализуется виртуально. Связь между «виртуальным» и «идеальным» была отмечена еще Г.В.Ф. Гегелем, определявшим «идеальность» как «отрицание реального, но притом такое, что последнее в то же время сохраняется, виртуально содержится в ней, хотя оно уже не существует» [Гегель Г.В.Ф., 1956, с. 130].

Идеальное, таким образом, является более широкой категорией по отношению к виртуальному. Виртуальное же выступает подчиненным моментом идеального, его особым измерением и способом существования. Поэтому если проблема идеального это прежде всего вопрос о его субстрате, то проблематика виртуального сконцентрирована на описании и объяснении становления идеального — процесса перехода/превращения его форм друг в друга.

Виртуальное и идеальное: тождество и различие

Исторически «виртуальное» и «виртуальность» как философские категории возникают и оформляются в средневековой схоластике (Ф. Аквинский, Д. Скот) в процессе обращения к унаследованной от Аристотеля проблематике возможного и действительного [Таратута Е.Е., 2007, с. 27–31]. В схоластической философии категория «виртуальное» использовалась при разработке проблем «возможности сосуществования реальностей разного уровня, образования сложных вещей из простых, энергетического обеспечения акта действия, соотношения потенциального и актуального» [Носов Н.А., 1999, с. 152].

В Новое время категория «виртуальное» практически исчезает из философского мейнстрима и возвращается в философский дискурс лишь на рубеже XIX и XX вв. в текстах А. Бергсона. Далее в неклассической философии проблематика виртуального развивается Ж. Делезом. На рубеже XX и XXI вв. интерес к этой философской категории возрастает в связи с широким внедрением информационных технологий в общественную деятельность. В отечественной философской мысли к данной проблематике обращались С.С. Хоружий и Н.А. Носов. Они определили виртуальную реальность как особую форму бытия и попытались обозначить ее сущностные свойства.

Согласно С.С. Хоружию, виртуальная реальность и виртуальные явления «характеризуются всегда неким частичным или недовоплощенным существованием», «недостатком, отсутствием тех или иных сущностных черт обычной эмпирической реальности» [Хоружий С.С., 1997, с. 54]. Виртуальному «присуще неполное наличование, не достигающее устойчивого и пребывающего, самоподдерживающегося наличия и присутствия» [Хоружий С.С., 1997, с. 54].

Для анализа этой специфической формы существования исследователь обращается к аристотелевским категориям «сущность», «возможность», «энергия» и «энтелехия» (актуализированность, осуществленность) [Хоружий С.С., 1997, с. 55]. При описании виртуальных объектов С.С. Хоружий использует предложенную им методологию «бытия-действия», где энергия рассматривается как освобожденная от подчинения энталехии в качестве цели (подход, превалирующий в классической философии) и трактуется

как «энергия почина» начинательного усилия, «исходного импульса выступления из возможности в действительность» [Хоружий С.С., 1997, с. 56]. Для виртуальных событий интенсивность этого энергетического импульса слаба, они не достигают предела наличного бытия и подобны «мерцанию», «наличествующему же событию будет отвечать, очевидно, ровное свечение» [Хоружий С.С., 1997, с. 64].

Таким образом, С.С. Хоружий приходит к выводу об онтологической недостаточности, неполноте виртуального, обусловленной недостатком производящей энергии: «Виртуальная реальность — недо-выступившее, недо-рожденное бытие, и одновременно — бытие, не имеющее рода, не достигшее “постановки в род”» [Хоружий С.С., 1997, с. 66]. Следовательно, «виртуальное» бытие вторично по отношению к наличному бытию.

В качестве примеров «виртуальных явлений» С.С. Хоружий приводит «недоактуализированное» анонимное общение или общение под вымышленными именами — никами в интернете. В таких формах общения его субъектами выступают не личности, а условные «виртуальные конструкты» — «демонстративно примитивные маски, персонажи, грубо обрубленные до минимума из нескольких гипертрофированных черт» [Хоружий С.С., 2015]. Условность, неполнота крайних форм виртуальной коммуникации обуславливают пренебрежение к этическим нормам, отсутствие личной ответственности у участников этого процесса: «Для виртуального героя его действия — как бы не вполне реальны для него самого. Поэтому нравственные запреты в связи с ними не возникают, и нет препятствий для совершения, вообще говоря, любых действий» [Хоружий С.С., 2015].

В отличие от такого представления «виртуального» как «недо-рожденного», условного бытия, Н.А. Носов, напротив, считает виртуальную реальность онтологически полноценной, но порожденной иной (константной) реальностью. Виртуальность и константность образуют «категориальную оппозицию» по отношению друг к другу. Однако константная реальность не тождественна классической категории субстанции, т.к. ее онтологический статус по отношению к виртуальной реальности является не абсолютным, а относительным: «Виртуальная реальность может породить виртуальную реальность

следующего уровня, став относительно нее константной реальностью. И в обратную сторону — виртуальная реальность может “умереть” в своей константной реальности — свернуться в элемент своей константной реальности, которая имеет статус виртуальной по отношению к своей константной реальности» [Носов Н.А., 2000, с. 34]. Очевидно, что здесь за «виртуальной реальностью» закрепляется статус реальности «процессуальной».

Помимо порожденности, Н.А. Носов выделяет еще три свойства, присущие «виртуальной реальности»: актуальность, автономность и интерактивность. Виртуальная реальность обладает собственным пространством, временем и законами, она существует только пока активна константная реальность, но при этом может взаимодействовать с иными реальностями (в том числе с порождающей) как онтологически независимая от них [Носов Н.А., 2001]. Также виртуальная реальность способна воздействовать на константную реальность и управлять ее событиями [Носов Н.А., 2001]. Все эти свойства характеризуют виртуальную реальность как процессуальную и динамичную.

В работах С.С. Хоружего и Н.А. Носова можно наблюдать два подхода к исследованию виртуального. С.С. Хоружий анализирует виртуальную реальность через категории «возможность» и «действительность». В трактовке этих категорий философ, очевидно, остается в рамках аристотелевской парадигмы. Согласно Аристотелю, «возможность» не обладает самостоятельным существованием и производна от «действительности»: «Способное в первичном смысле есть способное потому, что может стать действительным; так, например, под способным строить я разумею то, что может строить, под способным видеть — то что может видеть, а под видимым, — то, что можно видеть... потому определение и познание [того, что в действительности], должно предшествовать познанию [того, что в возможности]» [Аристотель, 2022а, с. 265].

«Возможность» и «действительность» не существуют одновременно в отношении одного предмета, действия или состояния: «Материя есть в возможности, потому что может приобрести форму; а когда она есть в действительности у нее уже есть форма» [Аристотель, 2022а, с. 267]. Например, дерево как материал является ящиком в возможности, но в уже получившим

свою форму деревянном ящике эта возможность отсутствует, т.к. уже перешла в действительность. Другой пример, приводимый Аристотелем, — орган, обладающий способностью к ощущению, испытывает ощущение в действительности только под воздействием «нечто внешнего»: «Способность ощущения, как было сказано, в возможности такова, какого уже ощущаемое в действительности: пока она испытывает воздействие, она не подобна ощущаемому, испытав же воздействие, она уподобляется ощущаемому, становится такой же как оно» [Аристотель, 2022б, с. 65].

Однако виртуальные объекты и явления, которые описывает С.С. Хоружий, не тождественны «возможному» в его классическом понимании. Философ подчеркивает, что виртуальное находится между «возможным» и «действительным» в незавершенном процессе трансформации. Вероятно, именно процессуальный характер виртуального обуславливает его принципиальную полноту, незавершенность. «Виртуальная реальность» — это не только «умаленная и участенная», но и «недовоплотившаяся», «недоформившаяся» реальность [Хоружий С.С., 1997, с. 67], находящаяся в перманентном процессе своего становления.

Н.А. Носов также описывает виртуальную реальность как нечто динамичное, но, как было показано выше, определяет ее уже не в категориях «возможное» и «действительное», а в категориях «актуальное» и «потенциальное». Исследователь подчеркивает, что мир является полипонтическим: реальности разных уровней сосуществуют и взаимодействуют как относительно независимые друг от друга. Константная реальность потенциально содержит виртуальную. Однако, будучи порожденной константной реальностью, виртуальная реальность становится актуальной и потенциально уже может породить виртуальную реальность следующего уровня.

Кроме того, виртуальная реальность, находящаяся на уровень выше константной, содержит в себе «виртус» — силу, способную вызвать трансформацию сложившихся в константной реальности причин и условий (потенциальное) в «казус» — актуальное, свершившееся событие [Носов Н.А., 2001]. Таким образом, мир представляет собой систему реальностей, где «потенциально» и «актуальное» — в отличие от «возможного» и «действительного» — существуют одновременно и постоянно взаимопере-

ходят друг в друга, оставаясь онтологически равноправными, в противоположность концепции С.С. Хоружего, категориями. «Виртус» же выступает своего рода посредником между «потенциальным» и «актуальным», силой, обеспечивающей эту трансформацию.

Определение «виртуального» как «потенциального», как уже было отмечено ранее, характерно для средневековой схоластики и философии раннего Возрождения. Наиболее яркий пример можно увидеть в тексте Н. Кузанского «О видении бога». Философ писал, что ореховое дерево виртуально (потенциально, в свернутом виде) существует в собственном семени. В нем «заключено целиком и это дерево, и все его орехи, и вся сила орехового семени, и в силе семян все ореховые деревья» [Кузанский Н., 1980, с. 46]. Однако источником данной силы является не само семя, а Бог как предельная, абсолютная реальность — «начало и причина, несущая в себе свернуто и абсолютно как причина, все, что она дает своему следствию» [Кузанский Н., 1980, с. 47]. Таким образом, Бог не только виртуально (потенциально) содержит в себе все многообразие предметов и явлений мира, но и обладает силой для актуализации этого многообразия. Н. Кузанский подчеркивал связь виртуального с процессом становления — актуализации потенциального, его развертывания (очевидна близость этой позиции к представлениям Н.А. Носова).

В свете этого становится ясным, что подходы к исследованию виртуального у С.С. Хоружего (в категориях «возможное — действительное») и у Н.А. Носова (в категориях «актуальное — потенциальное») принципиально отличаются от рассмотрения проблемы виртуального в рамках деятельностного подхода в понимании идеального. Как уже упоминалось, при соотношении с материальным явлением «идеальные» и «виртуальные» являются тождественными, производными от своего материального субстрата (общественной деятельности). Соответственно, тождественными являются и категории (понятия) «идеальное» и «виртуальное», т.к. они обозначают один класс существования в отношении к материальному бытию. Но при анализе процессуальности и становления идеальных явлений «виртуальное» рассматривается как некое бытие безотносительно своего субстрата. Субстрат в этом случае может быть любым, и в данном контексте анализа он не имеет значения. Не слу-

чайно Н.А. Носов в своих текстах подчеркивает универсальность категории «виртуальное» и ее применимость к реальностям разной «природы»: физической, психологической, социальной, биологической, технической [Носов Н.А., 2001].

Еще одна версия описания виртуальной реальности в категориях «возможности» и «действительности» была предпринята Е.В. Малковой в рамках Пермской школы научной философии. Е.В. Малкова соглашается в оценке виртуальной реальности как «промежуточной категории» и с С.С. Хоружим, и Н.А. Носовым. Исследователь не акцентирует внимание на различиях между концепциями вышеупомянутых авторов, объединяя их в «традиционный подход, определяющий виртуальность как нечто скрытое, готовое к проявлению, актуально существующее» [Малкова Е.В., 2004, с. 204].

Согласно Е.В. Малковой, виртуальное есть «возможное, получившее сложную внутреннюю структуру, многообразие форм, переходное к действительному состоянию» [Малкова Е.В., 2005, с. 22]. В этом определении философ, как и вышеназванные авторы, обращает внимание на промежуточный, переходный статус виртуального. Но если С.А. Хоружий и (в особенности) Н.А. Носов описывают виртуальность универсально безотносительно ее субстрата, то Е.В. Малкова трактует виртуальную реальность как «исторически новую форму существования возможного», основанную на «интеграции субъективной (мыслительной) деятельности человека и объективной (трудовой) — современного материального производства» [Малкова Е.В., 2005, с. 22]. Предложенная дефиниция виртуальной реальности как диалектического единства объективного и субъективного безусловно интересна. Однако для достижения цели данной статьи концепция виртуальности как универсальной категории представляется более предпочтительной, т.к. деятельностный подход не отождествляет «идеальное» исключительно с «субъективным». Кроме того, как уже отмечалось ранее, «виртуальное» и «идеальное» по отношению к своему субстрату (деятельности) выступают тождественными категориями. Следовательно, задача выявления их различия при таком подходе не решается. Впрочем, проблема соотношения категорий «виртуальное», «субъективное» и «объективное» заслуживает отдельного исследования.

Виртуальное как бытие-в-становлении

При анализе процессуальности «идеального» имеет значение то, что в этом случае «виртуальное» не тождественно с «возможным» или «потенциальным». Сопоставив данные категории, можно предположить, что категории «возможное» и «потенциальное» используются для описания стабильных состояний явлений, «виртуальное» же позволяет концептуализировать динамику их переходов «возможное – действительное» / «потенциальное – актуально». «Виртуальное» здесь тесно связано с «virtus» — «энергией, силой» [Дворецкий И.Х., 1976, с. 1084], обеспечивающей переход из одного стабильного состояния в другое. Вероятно, именно активность, динамичность, процессуальность «виртуального» являются его фундаментальными свойствами. Иначе говоря, «виртуальное» представляет собой бытие-в-становлении. Оно является моментом его «идеального» присутствия, его особым существованием, характеризующим переход от возможного к действительному, от потенциального к актуальному безотносительно самого субстрата этих изменений.

Для наглядности приведем несколько примеров, объясняющих соотношение виртуального и идеального в этом ключе. В массовой культуре и обыденном языке прилагательное «виртуальный» используется для описания реальности, опосредованной техническими (компьютерными) средствами. С философской точки зрения такая характеристика допустима, т.к., запуская компьютерную игру или профессиональный симулятор, мы включаемся в процесс актуализации, развертывания некоего идеального содержания — схемы вождения или иной деятельности, представленной в превращенной форме. Такая «виртуальная реальность» динамична и существует только в процессе своей актуализации; если этот процесс прекратить (например, выключить компьютер или перестать с ним взаимодействовать), виртуальное (и, соответственно, связанное с ним идеальное) будет «свернуто» и перестанет существовать в актуальной форме.

Другой пример — театральное представление. Заложенное в пьесе содержание актуализируется на сцене с участием актеров и под руководством режиссера. В этом процессе раскрывается идеальное содержание пьесы, т.к. действия актеров и декорации репрезентируют не самих

себя, а иные (исторически, социально, пространственно и т.д.) условия, персонажи и явления. И это содержание раскрывается виртуально, актуализируясь в сознании зрителей. Впрочем, эта актуализация может произойти и иным способом — в представлении человека, читающего пьесу. И это тоже будет виртуальное явление — процесс раскрытия, развертывания некоего идеального содержания. Ведь содержанием подлинно художественного произведения, как было точно отмечено М.А. Лифшицем, является «не социальная психология автора, превращенная в замысел его произведения и выраженная им в определенных литературных или изобразительных знаках-образах, а сама реальная ситуация, требующая своего адекватного отражения и определяющая художественную силу изображения» [Лифшиц М.А., 2003, с. 98–99].

Таким образом, можно сформулировать определение «виртуального» как философской категории, характеризующей бытие в становлении — в переходе от возможного к действительному, от потенциального к актуальному. Виртуальность является моментом идеального бытия, его процессуальной стороной, отражающей динамичность, переход от одной его формы к другой. Следовательно, «виртуальное» является способом существования «идеального».

Использование категории «идеального» или «виртуального» относительно явления зависит от того, какой аспект существования изучаемого представляет больший интерес для исследователя. К примеру, золото идеально представлено в железе как товаре [Классен Э.Г., 1984, с. 72]. В этом случае исследователь подчеркивает, что железо как материальный объект не содержит в себе золота, однако включенные в процесс экономического обмена (общественную деятельность) железо и золото становятся сопоставимыми. Категория «идеальное» в данном случае используется, чтобы подчеркнуть «нематериальность» золота, представленного в железе, обусловленность этого внешнего предмета свойства системой общественных отношений. Если же мы говорим, что золото представлено в железе виртуально, то делаем акцент не на материальности/нематериальности данных объектов, а на самом процессе, «переходе» этих объектов друг в друга в ходе обмена. Нас интересует не то, почему один материальный объект репрезентирует другой, а как именно это происходит.

Заключение

При сопоставлении «виртуального» и «идеального» подтверждается выдвинутая в начале статьи гипотеза о виртуальности как подчиненном моменте идеального, его процессуальной стороне и способе существования. Резюмируя проведенный анализ, мы можем сформулировать следующие выводы.

1. Идеальные и виртуальные явления по отношению к материальному являются тождественными, производными от своего материального субстрата — общественной деятельности. Следовательно, тождественными оказываются и категории «идеального» и «виртуального», т.к. они обозначают один класс существования в отношении к материальному бытию.

2. Если проблема «идеального» это прежде всего вопрос о субстрате, то при анализе «виртуального» данный вопрос отходит на второй план. «Виртуальное» раскрывает не субстрат «идеального», а его становление — процесс превращения его форм друг в друга, движение от возможного/потенциального к действительному/актуальному безотносительно субстрата. Вероятно, в этом и состоит отличие данных категорий друг от друга.

3. «Виртуальное» как философская категория характеризует бытие в становлении как переход от возможного к действительному, от потенциального к актуальному. «Идеальное» же в контексте изучаемой проблемы является более широкой категорией. Виртуальность — момент идеального бытия, его особое измерение, процессуальная сторона.

4. В становлении, развертывании идеального содержания проявляются фундаментальные свойства идеального — активность, динамичность, процессуальность. Следовательно, «виртуальное» является способом существования идеального бытия.

Предложенная в статье дефиниция «виртуального» по отношению к «идеальному» открывает перспективы исследования виртуальности в гносеологическом и социально-философском плане. Если анализ отношения «виртуальное»/«идеальное» позволяет прояснить онтологический смысл виртуальности, то ее гносеологическое значение, вероятно, может быть раскрыто в соотношении «виртуального» с «потенциальным» и «возможным». Социальный же смысл категории «виртуального» может рас-

крыться при анализе превращенных форм и симулякров. Вероятно, в таком контексте анализа виртуальное и идеальное будут функционировать как разные элементы социального бытия: в превращенной форме будет превалировать идеальная сторона, в симулякре же — виртуальная.

Список литературы

- Аристотель*. Метафизика / пер. с древнегреч. А.В. Кубицкого. М.: Эксмо, 2022. 448 с.
- Аристотель*. О душе / пер. с древнегреч. П.С. Попова // Аристотель. О душе. М: АСТ, 2022. С. 3–134.
- Гегель Г.В.Ф.* Энциклопедия философских наук. Т. 3: Философия духа / пер. с нем. Б.А. Фохта. М.: Политиздат, 1956. 372 с.
- Грязнова Е.В., Афанасьев С.В., Хлап А.А.* «Информационная культура» и «психологическая виртуальная реальность» как категории информационной концепции виртуальной реальности // Человек и культура. 2018. № 6. С. 83–92. DOI: <https://doi.org/10.25136/2409-8744.2018.6.27906>
- Дворецкий И.Х.* Латинско-русский словарь: около 50 000 слов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Русский язык, 1976. 1096 с.
- Дубровский Д.И.* Мозг и психика (О необоснованности философского отрицания психофизиологической проблемы) // Вопросы философии. 1968. № 8. С. 125–135.
- Ильенков Э.В.* Диалектика идеального // Ильенков Э.В. Собр. соч.: в 10 т. Т. 5: Диалектика идеального: М.: Канон+, РООИ «Реабилитация», 2021. С. 16–85.
- Ильенков Э.В.* Идеальное // Ильенков Э.В. Собр. соч.: в 10 т. Т. 6: Философская энциклопедия. М.: Канон+, РООИ «Реабилитация», 2022. С. 68–94.
- Классен Э.Г.* Идеальное. Концепция Карла Маркса. Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1984. 148 с.
- Кузанский Н.* О видении Бога / пер. с лат. В.В. Бибихина // Кузанский Н. Сочинения: в 2 т. М.: Мысль, 1980. Т. 2. С. 33–94.
- Лифшиц М.А.* Диалог с Эвальдом Ильенковым. (Проблема идеального). М.: Прогресс-Традиция, 2003. 368 с.
- Любутин К.Н., Пивоваров Д.В.* Синтетическая теория идеального / Урал. гос. ун-т; Псков. обл. ин-т повышения квалификации работников образования. Екатеринбург; Псков: Изд-во Псков. обл. ин-та повышения квалификации работников образования, 2000. 208 с.

Малкова Е.В. Анализ понятия виртуальности (возможности) в истории философии и современных исследованиях // Новые идеи в философии: межвуз. сб. науч. тр. / отв. ред. В.В. Орлов. 2004. Вып. 13, т. 1. С. 194–208.

Малкова Е.В. Виртуальная реальность: социально-философский аспект: автореф. дис. канд. филос. наук. Пермь, 2005. 24 с.

Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Т. 1 // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: в 50 т. 2-е изд. М.: Политиздат, 1960. Т. 23. 908 с.

Носов Н.А. Виртуальная психология. М.: Аграф, 2000. 432 с.

Носов Н.А. Манифест виртуалистики. М.: Путь, 2001. 17 с. URL: http://www.virtualistika.ru/vip_15.html (дата обращения: 25.07.2025).

Носов Н.А. Виртуальная реальность // Вопросы философии. 1999. № 10. С. 152–164.

Таратута Е.Е. Философия виртуальной реальности. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2007. 147 с.

Хоружий С.С. Академик Сергей Хоружий о виртуализации общения: Мы должны не допускать строительства Анти-Лествицы // Правмир. 2015. 22 мая. URL: <https://www.pravmir.ru/akademik-sergey-horuzhiy-o-virtualizatsii-obshcheniya-myi-dolzhnyi-ne-dopuskat-stroitelstva-anti-lestvitsyi/?ysclid=miwsflnzb6735567092> (дата обращения: 25.07.2025).

Хоружий С.С. Род или недород? Заметки к онтологии виртуальности // Вопросы философии. 1997. № 6. С. 53–68.

References

- Aristotle (2022). *Metafizika* [Metaphysics]. Moscow: AST Publ., 448 p.
- Aristotle (2022). [On the soul]. *Aristotel'. O dushe* [Aristotle. On the soul]. Moscow: AST Publ., pp. 3–134.
- Dubrovsky, D.I. (1968). [Brain and Psyche (On the unreasonableness of the philosophical denial of the psychophysiological problem)]. *Voprosy filosofii*. No. 8, pp. 125–135.
- Dvoretskiy, I.Kh. (1976). *Latinsko-russkiy slovar'*: около 50 000 слов [Latin-Russian dictionary: about 50,000 words]. 2nd ed. Moscow: Russkiy jazyk Publ., 1096 p.
- Gryaznova, E.V., Afanas'ev, S.V. and Khlap, A.A. (2018). [«Information culture» and «psychological virtual reality» as the categories of information concept of virtual reality]. *Chelovek i kul'tura* [Man and Culture]. No. 6, pp. 83–92. DOI: <https://doi.org/10.25136/2409-8744.2018.6.27906>

- Hegel, G.W.F. (1956). *Entsiklopediya filosofskikh nauk. T. 3: Filosofiya dukha* [Encyclopedia of the philosophical sciences. Vol. 3: Hegel's philosophy of mind]. Moscow: Politizdat Publ., 372 p.
- Ilyenkov, E.V. (2021). [Dialectics of the ideal]. *Il'yenkov E.V. Sobranie sochineniy: v 10 t. T. 5: Dialektika ideal'nogo* [Ilyenkov E.V. Collected works: in 10 vols. Vol. 5: Dialectics of the ideal]. Moscow: Kanon+, ROOI «Reabilitatsiya» Publ., pp. 16–85.
- Ilyenkov, E.V. (2022). [The Ideal]. *Il'yenkov E.V. Sobranie sochineniy: v 10 t. T. 6: Filosofskaya entsiklopediya* [Ilyenkov E.V. Collected works: in 10 vols. Vol. 6: Philosophical encyclopedia]. Moscow: Kanon+, ROOI «Reabilitatsiya» Publ., pp. 68–94.
- Khoruzhy, S.S. (1997). [Birth or failure? Notes on the ontology of virtuality]. *Voprosy filosofii*. No. 6, pp. 53–68.
- Khoruzhy, S.S. (2015). *Akademik Sergey Khoruzhiy o virtualizatsii obshcheniya: My dolzhny nedopuskat' stroitel'stva Anti-Lestvitsy* [Academician Sergey Khoruzhy on the virtualization of communication: We must not allow the construction of the Anti-Ladder]. Pravmir, May 22. Available at <https://www.pravmir.ru/akademik-sergey-horuzhiy-o-virtualizatsii-obshheniya-my-dolzhny-ne-dopuskat-stroitelstva-anti-lestvitsyi/?ysclid=miwsflnzb6735567092> (accessed 25.07.2025).
- Klassen, E.G. (1984). *Ideal'noe. Kontseptsiya Karla Marks'a* [Ideal. The concept of Karl Marx]. Krasnoyarsk: KSU Publ., 148 p.
- Lifshits, M.A. (2003). *Dialog s Eval'dom Il'enkovym. (Problema ideal'nogo)* [Dialogue with Ewald Ilyenkov. (The problem of the ideal)]. Moscow: Progress-Traditsiya Publ., 368 p.
- Lyubutin, K.N. and Pivovarov, D.V. (2000). *Sinteticheskaya teoriya ideal'nogo* [Synthetic theory of the Ideal]. Ekaterinburg, Pskov: Pskov Regional Institute for Advanced Training of Education Workers Publ., 208 p.
- Malkova, E.V. (2004). [Analysis of the concept of virtuality (possibility) in the history of philosophy and modern research]. *Novye idei v filosofii: mezhvuz. sb. nauch. tr.* [New ideas in philosophy: interuniversity collection of scientific papers]. Iss. 13, vol. 1, pp. 194–208.
- Malkova, E.V. (2005). *Virtual'naya real'nost': social'no-filosofskiy aspekt: avtoref. dis. ... kand. filos. nauk* [Virtual reality: socio-philosophical aspect: Abstract of Ph.D. dissertation]. Perm, 24 p.
- Marx, K. (1960). [Capital. A critique of political economy. Vol. 1]. *Marks K., Engels F. Sochineniya: v 50 t.* [Marx K., Engels F. Works: in 50 vols]. Moscow: Politizdat Publ., vol. 23, 908 p.
- Nicholas of Cusa (1980). [The Vision of God]. *Kuzanskij N. Sochineniya: v 2 t.* [Nicholas of Cusa. Works in two volumes]. Moscow: Mysl' Publ., vol. 2. pp. 33–94.
- Nosov, N.A. (1999). [Virtual reality]. *Voprosy filosofii*. No. 10, pp. 152–164.
- Nosov, N.A. (2000). *Virtual'naya psichologiya* [Virtual psychology]. Moscow: Agraf Publ., 432 p.
- Nosov, N.A. (2001). *Manifest virtualistiki* [Manifesto of virtualistics]. Moscow: Put' Publ., 17 p. Available at: http://www.virtualistika.ru/vip_15.html (accessed 25.07.2025).
- Taratatuta, E.E. (2007). *Filosofiya virtual'noy real'nosti* [Philosophy of virtual reality]. St. Petersburg: SPbSU Publ., 147 p.

Об авторе

Кадочников Константин Владимирович
аспирант кафедры философии

Пермский государственный национальный
исследовательский университет,
614068, Пермь, ул. Букирева, 15;
e-mail: kadochikov@yandex.ru
ResearcherID: OAJ-3157-2025

About the author

Konstantin V. Kadochnikov
Postgraduate Student
of the Department of Philosophy

Perm State University,
15, Bukirev st., Perm, 614068, Russia;
e-mail: kadochikov@yandex.ru
ResearcherID: OAJ-3157-2025

ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.9

<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2025-4-587-600><https://elibrary.ru/xsjzok>

Поступила: 09.08.2025

Принята: 25.11.2025

Опубликована: 26.12.2025

ОЦЕНКА ВНУТРЕННЕЙ СОГЛАСОВАННОСТИ И ФАКТОРНОЙ ВАЛИДНОСТИ ОПРОСНИКА СИТУАТИВНОЙ И ЛИЧНОСТНОЙ ТРЕВОЖНОСТИ Ч. СПИЛБЕРГЕРА

Мерзляков Дмитрий Евгеньевич*Пермский государственный национальный исследовательский университет (Пермь)*

Опросник ситуативной и личностной тревожности (STAII) является популярным инструментом для оценки тревоги как состояния и как свойства личности. Цель настоящего исследования заключалась в оценке внутренней согласованности и факторной структуры STAII. В исследовании приняли участие 605 студентов Пермского государственного национального исследовательского университета в возрасте от 17 до 32 лет ($M = 22.3$; $SD = 4.96$). В исследовании использовалась адаптированная Ю.Л. Ханиным версия опросника 1976 г. Данные подвергались статистической обработке: проверке нормальности распределения (критерий Андерсона–Дарлинга), оценке внутренней согласованности (коэффициенты альфа Кронбаха и омега Макдональда), корреляционному анализу Пирсона, эксплораторному и конfirmаторному факторному анализу. Обнаружена высокая внутренняя согласованность шкал ситуативной и личностной тревоги, что подтверждает надежность измерения соответствующих конструктов. При этом конfirmаторный факторный анализ выявил несоответствие эмпирических данных предполагаемой однофакторной модели, а эксплораторный анализ показал двухфакторную структуру каждой шкалы, основанную на семантической направленности пунктов: прямые формулировки отражали тревожную симптоматику, тогда как обратные пункты характеризовали психологическое благополучие. Эти данные указывают на то, что STAII одновременно измеряет симптомы тревоги и противоположного по эмоциональной направленности состояния, что ставит под сомнение конструктивную однородность шкал. Полученные результаты подчеркивают важность дальнейшего обсуждения и, возможно, пересмотра отдельных элементов структуры STAII с целью повышения точности инструмента.

Ключевые слова: тревога, тревожность, ситуативная тревога, личностная тревога, валидность, надежность.

Для цитирования:

Мерзляков Д.Е. Оценка внутренней согласованности и факторной валидности опросника ситуативной и личностной тревожности Ч. Спилбергера // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2025. Вып. 4. С. 587–600. <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2025-4-587-600>. EDN: XSJZOK

ASSESSMENT OF THE INTERNAL CONSISTENCY AND FACTORIAL VALIDITY OF CH. SPIELBERGER'S STATE-TRAIT ANXIETY INVENTORY

Dmitry E. Merzlyakov

Perm State University (Perm)

The State-Trait Anxiety Inventory (STAII) is a widely used instrument for assessing anxiety both as a state and as a personality trait. The aim of the present study was to evaluate the internal consistency and factorial validity of the STAII. The study involved 605 students of Perm State University aged between 17 and 32 ($M = 22.3$; $SD = 4.96$). The adapted version of the questionnaire developed by Yu.L. Khanin in 1976 was used. Data analysis included testing for normality (Anderson–Darling test), assessment of internal consistency (Cronbach's Alpha and McDonald's Omega coefficients), Pearson correlation analysis, exploratory and confirmatory factor analyses. High internal consistency was observed for both scales, this confirming the reliability of measuring the respective constructs. However, confirmatory factor analysis indicated a lack of fit between the empirical data and the proposed one-factor model, while exploratory factor analysis revealed a two-factor structure for each scale, based on the semantic orientation of the items: direct statements reflected anxiety symptoms, whereas reverse items characterized the opposite emotional phenomenon. These findings suggest that the STAII simultaneously captures anxiety symptoms and an oppositely directed emotional state, which raises questions about the construct homogeneity of the scales. The findings highlight the importance of further discussion and, possibly, revision of individual elements of the STAII framework to improve the precision of the instrument.

Keywords: anxiety, anxiousness, state anxiety, trait anxiety, construct validity, reliability.

To cite:

Merzlyakov D.E. [Assessment of the internal consistency and factorial validity of Ch. Spielberger's State-Trait Anxiety Inventory]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psichologiya. Sociologiya* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2025, issue 4, pp. 587–600 (in Russian), <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2025-4-587-600>, EDN: XSJZOK

Введение

Опросник ситуативной и личностной тревожности (STAII) разработан в 1966 г. и переведен более чем на 48 языков [Zsido A.N. et al., 2020]. В России был адаптирован Ю.Л. Ханиным в 1976 г. [Белова А.Н., 2018]. STAII является одним из наиболее универсальных и широко применяемых инструментов для диагностики субклинической тревоги [Вергунов Е.Г. и др., 2019]. По состоянию на 1 ноября 2025 г., поиск по ключевым словам «Опросник личностной и ситуативной тревожности» в базе данных Elibrary.ru показал 10 505 упоминаний за весь период. Из них 3 359 приходятся на 2021–2025 гг., а 418 — на 2025 г. Данный показатель сопоставим с частотой упоминаний других методик. Так, по запросу «Госпитальная шкала

тревоги и депрессии» найдено 11 098 упоминаний за весь период, 3 876 — за последние 5 лет, и 476 — за 2025 г. Для «Шкалы тревоги Бека» эти значения составляют 8 135, 2 629 и 350 упоминаний соответственно. Аналогичный поиск англоязычного варианта («State-Trait Anxiety Inventory») в базе Google Scholar выявил 293 000 результатов за весь период, из них 19 800 — за последние 5 лет, и 6 420 — за 2025 г. При анализе временного распределения публикаций, зарегистрированных в отечественной базе данных, обнаружено, что за последние 5 лет приходится около трети всех упоминаний STAII.

Вероятно, возросшая популярность опросника связана не только с практической применимостью, но и с особенностями теоретической модели, лежащей в ее основе. В отличие от

J. Taylor (1953), автора опросника Шкалы тревоги Тейлор, рассматривавшей тревогу как черту личности [McDowell I., 2006], Ч. Спилбергер опирается на концепцию R. Cattell о двойственной природе тревоги как состояния и как свойства. Такой взгляд на тревогу нашел отражение в двух шкалах опросника: ситуативной и личностной тревоги [Behrouzian F. et al., 2017; Cattell R.B., Scheier I.H., 1961; McDowell I., 2006]. Шкала личностной тревоги разработана на основе Шкалы тревоги Тейлор и отражает общую склонность человека к тревожным состояниям. Шкала ситуативной тревоги предназначена для оценки текущего тревожного состояния и основана на концепции тревоги как реакции на угрозу [McDowell I., 2006].

Несмотря на широкое применение STAI в диагностике тревоги, исследователи отмечают ряд недостатков опросника. A.N. Zsido и соавт. указывают на то, что обратные вопросы снижают достоверность результатов [Zsido A.N. et al., 2020]; это подтверждается данными Е.Г. Вергунова и соавт.: удаление «слабых» пунктов, включая обратные утверждения шкалы личностной тревоги, улучшает ее внутреннюю согласованность [Вергунов Е.Г. и др., 2019]. Кроме того, Ю.В. Щербатых указывает на то, что ряд утверждений (например, «Я обычно быстро устаю» или «Я чувствую себя отдохнувшим») отражают физическое состояние, а не эмоциональное, и не воспроизводят симптоматику тревоги [Щербатых Ю.В., 2021]. Указанные наблюдения позволяют предположить, что не все пункты опросника в полной мере отражают конструкт тревоги. Наличие неоднородных по содержанию утверждений может приводить к снижению внутренней согласованности и нарушению факторной структуры шкал, что, в свою очередь, ставит под сомнение их психометрическую целостность. Поскольку STAI остается одним из наиболее используемых инструментов для диагностики тревоги, целесообразно провести дополнительную оценку его надежности и валидности. В связи с этим целью нашего исследования является оценка надежности по внутренней согласованности и факторной валидности STAI.

Организация и методы исследования

Выборка. В период с 20 февраля по 1 апреля 2023 г. осуществлен сбор данных с помощью

онлайн-платформы OnlineTestPad. В выборку вошло 605 студентов Пермского государственного национального исследовательского университета (237 мужчин и 368 женщин) в возрасте от 17 до 32 лет ($M = 22.3$; $SD = 4.96$). Участие в исследовании было добровольным. По завершении тестирования участники получили индивидуальную обратную связь по результатам и рекомендации, включающие информацию о способах саморегуляции и самопомощи при волнении и беспокойстве.

Методики. В работе использовался опросник Ч. Спилбергера, адаптированный Ю.Л. Ханиным. С учетом наличия нескольких версий STAI, отличающихся формулировками утверждений и шкалами оценки, в настоящем исследовании использовалась версия А.Н. Беловой [Белова А.Н., 2018]. Выбор данной версии обусловлен ее наибольшим соответствием оригинальной версии STAI по структуре и содержанию [Spielberger Ch.D. et al., 1977]. STAI состоит из 40 пунктов, разделенных на две шкалы по 20 утверждений каждая, с ответами по четырехбалльной шкале Лайкerta. Шкала ситуативной тревоги отражает текущее состояние: 1 — «нет, это не так», 2 — «пожалуй, так», 3 — «верно», 4 — «совершенно верно». Шкала личностной тревоги измеряет частоту переживания тревожных состояний: 1 — «почти никогда», 2 — «иногда», 3 — «часто», 4 — «почти всегда». Обе шкалы содержат как прямые, так и обратные утверждения: 10 в шкале ситуативной тревоги и 7 в шкале личностной тревоги [Белова А.Н., 2018]. Ответы на обратные утверждения подвергались реверсированию, после чего производилось суммирование баллов по всем пунктам каждой шкалы. Итоговые показатели отражают уровень ситуативной и личностной тревоги, где более высокие значения соответствуют большей выраженности тревожных проявлений.

Анализ данных. Для проверки психометрических свойств и факторной структуры STAI использованы следующие методы математической статистики.

- Критерий Андерсона–Дарлинга актуален для оценки соответствия данных закону нормального распределения. Этот метод позволяет оценить соответствие выборки предполагаемому распределению, придавая вес различиям по всей области распределения, и обладает боль-

шей статистической мощностью по сравнению с традиционными критериями, такими как Колмогорова–Смирнова и Крамера–фон Мизеса [Shin H. et al., 2012].

- Критерии альфа Кронбаха и омега Макдональда использовались для оценки внутренней согласованности шкал. Альфа Кронбаха — как традиционный и широко принятый показатель внутренней согласованности шкал, позволяющий сопоставлять результаты с существующими исследованиями. Коэффициент омега был рассчитан для более точной оценки надежности с учетом различий нагрузок пунктов на общий фактор [Zinbarg R.E. et al., 2005].

- Корреляционный анализ по Пирсону — для оценки взаимосвязи между отдельными пунктами и шкалами. Значение корреляции интерпретировались в диапазоне от 0.2 как слабой выраженности до 0.9 как сильной [Шишлянникова Л.М., 2009].

- Конfirmаторный факторный анализ (КФА) для подтверждения структуры опросника. Перед проведением КФА проверена пригодность данных для факторизации. В качестве критериев использовались мера адекватности выборки Кайзера–Мейера–Олкина (MSA), критерий сферичности Бартлетта, а также критерий согласия χ^2 . Анализ модели проводился с расчетом следующих индексов соответствия: индекс сравнительного соответствия (CFI), индекс Таттера–Льюиса (TLI), критерий согласия (GFI), среднеквадратическая ошибка аппроксимации (RMSEA) и стандартизованный среднеквадратический остаток (SRMR). В качестве показателей приемлемого соответствия модели принимались значения CFI, TLI и GFI не ниже 0.95, значения RMSEA и SRMR — не выше 0.08 [Коптева Н.В. и др., 2021; Наследов А.Д., 2011].

- Эксплораторный факторный анализ применялся для изучения факторной структуры шкал. Извлечение факторов осуществлялось методом наименьших остатков с использованием облического вращения Promax. Пригодность данных к факторному анализу оценивалась с помощью меры адекватности выборки Кайзера–Мейера–Олкина (MSA), теста сферичности Бартлетта и критерия Мардия.

Анализ данных произведен в программе JASP (версия 0.19.3).

Результаты исследования

Распределение данных

На этапе сбора данных получено 605 анкет. В ходе первичного анализа данных с использованием описательной статистики и построения ящиковидных диаграмм в JASP выявлены 2 выброса. Обнаруженные выбросы были исключены из дальнейшего анализа. После удаления выбросов осталось 603. Для шкалы ситуативной тревоги ($M = 44.232$; $SD = 11.615$) значение критерия Андерса–Дарлинга $A^2 = 1.389$, $p = 0.205$. Поскольку $p > 0.05$, гипотеза о ненормальности распределения отвергается. Для шкалы личностной тревоги ($M = 45.638$; $SD = 11.077$) значение критерия Андерса–Дарлинга $A^2 = 0.665$, $p = 0.589$, что указывает на близость эмпирических данных к нормальному распределению. Следовательно, мы можем использовать параметрические методы обработки данных.

Показатели внутренней согласованности STAI

Для оценки надежности по внутренней согласованности использованы коэффициенты альфа Кронбаха и омега Макдональда, отражающие степень согласованности пунктов внутри шкал. Дополнительно проведен корреляционный анализ для определения взаимосвязей между шкалами ситуативной и личностной тревоги, а также пунктами и соответствующими шкалами.

Для шкалы ситуативной тревоги коэффициент альфа Кронбаха составил $\alpha = 0.919$, коэффициент омеги Макдональда $\omega = 0.906$, что указывает на высокий уровень внутренней согласованности пунктов шкалы. Для шкалы личностной тревоги значения критерииев ($\alpha = 0.894$ и $\omega = 0.898$) свидетельствуют о хорошей надежности и согласованности пунктов шкалы. Обнаружено, что пункт 33 отрицательно коррелирует со шкалой личностной тревоги, что указывает на обратную направленность его баллов относительно основной шкалы.

Связь между шкалами ситуативной и личностной тревоги равна $r = 0.744$ при $p < 0.001$. Следовательно, шкалы имеют тесную положительную связь, где высокий уровень ситуативной тревоги соответствует более высокому уровню личностной тревоги. Наглядное представление связи представлено на рис. 1.

Корреляции пунктов со шкалами представлены в табл. 1.

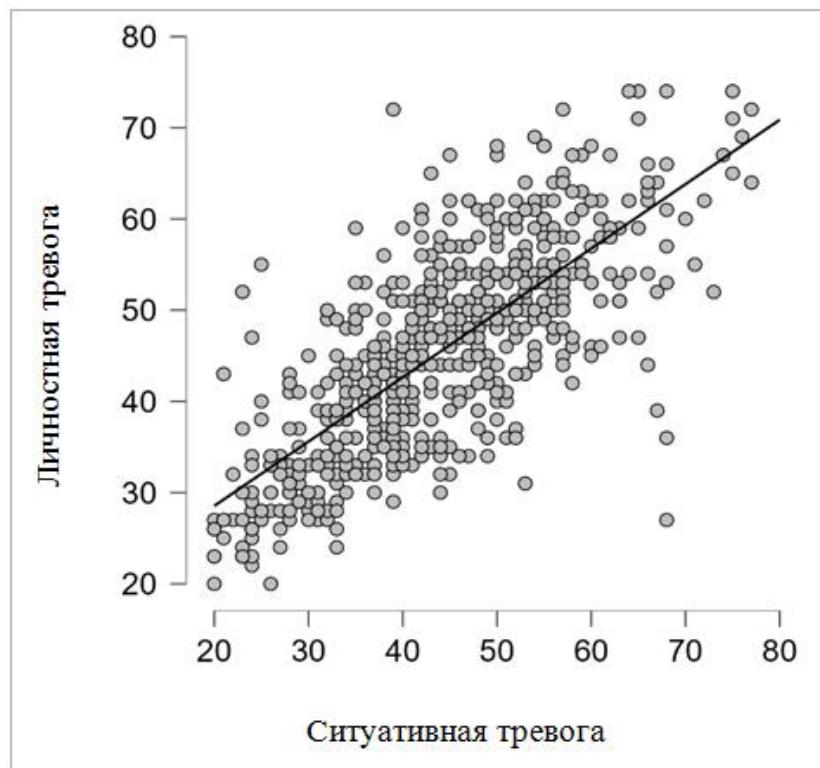

Рис. 1. Диаграмма рассеяния ситуативной и личностной тревоги

Fig. 1. Scatter plot of state and trait anxiety

Таблица 1. Корреляции пунктов STAI со шкалами ситуативной и личностной тревоги

Table 1. Correlations of STAI items with the state and trait anxiety scales

Шкала	Пункты	<i>r</i>	Шкала	Пункты	<i>r</i>
Ситуативная тревога	1	0.738	Личностная тревога	21	0.472
	2	0.542		22	0.587
	3	0.668		23	0.560
	4	0.514		24	0.600
	5	0.718		25	0.532
	6	0.577		26	0.599
	7	0.616		27	0.612
	8	0.594		28	0.721
	9	0.693		29	0.747
	10	0.654		30	0.559
	11	0.631		31	0.651
	12	0.668		32	0.715
	13	0.586		33	-0.138
	14	0.539		34	0.451
	15	0.706		35	0.605
	16	0.740		36	0.557
	17	0.545		37	0.745
	18	0.510		38	0.761
	19	0.635		39	0.496
	20	0.662		40	0.710

Примечание: все значения корреляций при $p < 0.001$.

Note: all correlation values are significant at $p < 0.001$.

При оценке связи пунктов со шкалой ситуативной тревоги обнаружено, что значения коэф-

фициентов корреляций варьируются от 0.51 до 0.74 при $p < 0.001$. Наиболее тесные связи полу-

чены с пунктами: «Я доволен» (п. 16, $r = 0.740$), «Я спокоен» (п. 1, $r = 0.738$), «Я чувствую себя свободно» (п. 5, $r = 0.718$), «Я не чувствую скованности, напряжения» (п. 15, $r = 0.706$). Это указывает на то, что обратные утверждения демонстрируют значимую связь с общим баллом по шкале и могут отражать в большей степени характер измеряемого конструктора.

Корреляционная связь между пунктами и шкалой личностной тревоги варьируется в значениях от -0.138 до 0.761 при $p < 0.001$. Наиболее высокие корреляции получены для пунктов: «Нередко я проигрываю из-за того, что недостаточно быстро принимаю решения» (п. 38, $r = 0.761$), «Я слишком переживаю из-за пустяков» (п. 29, $r = 0.747$), «Как правило, всякие пу-

стяки отвлекают и волнуют меня» (п. 37, $r = 0.745$). Пункт «Обычно я чувствую себя в безопасности» (п. 33), несмотря на реверсирование, демонстрирует отрицательную связь со шкалой личностной тревоги ($r = -0.138$).

В целом, проведенные анализы подтверждают высокую внутреннюю согласованность обеих шкал.

Оценка факторной структуры

Для оценки факторной валидности STA1 проведены КФА и ЭФА, направленные на проверку соответствия эмпирических данных теоретически предполагаемой структуре шкал.

Рассмотрим результаты КФА (см. табл. 2).

Таблица 2. Значения индексов пригодности для шкал ситуативной и личностной тревоги

Table 2. Fit index values for the state and trait anxiety scales

<i>Критерий</i>	<i>Ситуативная тревога</i>	<i>Личностная тревога</i>
Мера Кайзера–Мейера–Олкина (MSA)	0.942	0.924
Критерий сферичности Бартлетта	8307.213, $p < 0.001$	5949.154, $p < 0.001$
Критерий согласия	4028.749, $p < 0.001$	2089.252 ($p < 0.001$)
GFI	0.696	0.898
CFI	0.531	0.672
TLI	0.476	0.633
RMSEA	0.194 (95 % CI: 0.189–0.199)	0.137 (90 % CI: 0.131–0.142)
SRMR	0.212	0.111

Предварительная проверка условий КФА для шкалы ситуативной тревоги показала, что данные пригодны для анализа ($MSA = 0.942$; критерий сферичности Бартлетта $\chi^2 = 8307.213$, $p < 0.001$), что свидетельствует о наличии значимых корреляций между переменными и обоснованности применения КФА. Значение критерия согласия оказалось статистически значимым ($\chi^2 = 4028.749$, $p < 0.001$). Полученные индексы соответствия модели не подтверждают ее удовлетворительного соответствия эмпирическим данным: CFI = 0.531, TLI = 0.476, RMSEA = 0.194 (95 % CI: 0.189–0.199), SRMR = 0.212, GFI = 0.696.

Проверка данных по шкале личностной тревоги показала их пригодность для проведения КФА ($MSA = 0.924$; критерий сферичности Бартлетта ($\chi^2 = 5949.154$, $p < 0.001$). Статистическое значение критерия согласия ($\chi^2 = 2089.252$, $p < 0.001$) указывает на расхождение между моделью и наблюдаемыми данными. Относительные индексы соответствия модели — CFI = 0.672 и TLI = 0.633 — существенно ниже пороговых значений. RMSEA = 0.137 (90 % CI:

0.131–0.142) значительно превышает допустимый уровень, отражая грубую неточность аппроксимации модели. Значение SRMR = 0.111 указывает на значительные отклонения между предсказанными и наблюдаемыми ковариациями. Значение GFI = 0.898 показывает удовлетворительную подгонку модели. Различие в значениях индексов связано с методологическими особенностями каждого критерия: GFI отражает долю объясненной дисперсии и может оставаться относительно высоким при плохом воспроизведении ковариаций, тогда как CFI, TLI и RMSEA чувствительны к структурным несоответствиям и сложности модели, что объясняет их низкие значения при статистически значимом расхождении между моделью и данными.

Все ключевые показатели КФА указывают на расхождение между предполагаемыми моделями шкал и эмпирическими данными. В связи с этим нами проведен ЭФА для уточнения структуры шкал.

Рассмотрим факторные структуры шкал по отдельности.

Для шкалы ситуативной тревоги данные оказались пригодными для факторного анализа: MSA = 0.942 свидетельствует о высокой адекватности выборки, а тест сферичности Бартлетта ($\chi^2 = 8307.213$, $p < 0.001$) подтверждает наличие значимых корреляций между переменными. Согласно критерию Мардия, данные распределены многомерно ненормально: показатели асимметрии (Skewness = 42.649, $\chi^2 = 4300.475$, df = 1540, $p < 0.001$) и эксцесса (Kurtosis = 543.293, Stat = 42.823, $p < 0.001$) указывают на значи-

тельное отклонение от многомерной нормальности. Поэтому извлечение факторов производилось методом наименьших остатков с использованием облического вращения Promax.

По графику каменистой осьпи мы определили оптимальное количество факторов для шкалы ситуативной тревоги — два (см. рис. 2).

По результатам ЭФА выявлена двухфакторная структура шкалы ситуативной тревоги (см. табл. 3).

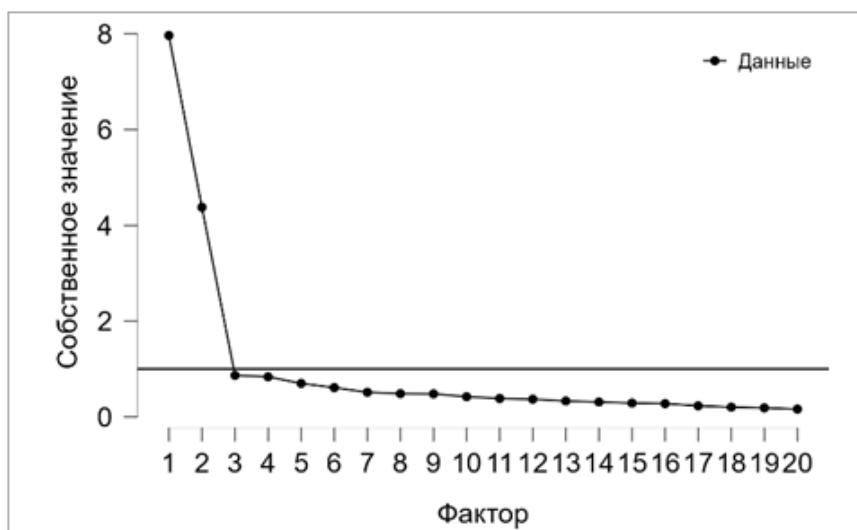

Рис. 2. График каменистой осьпи шкалы ситуативной тревоги

Fig. 2. Scree plot for the State Anxiety Scale

Таблица 3. Факторная нагрузка пунктов шкалы ситуативной тревоги

Table 3. Factor loadings of the state anxiety scale items

Пункты опросника	Фактор 1	Фактор 2	Уникальность
19. Мне радостно	0.906	-0.182	0.262
16. Я доволен	0.897	-0.031	0.215
10. Я испытываю чувство внутреннего удовлетворения	0.884	-0.138	0.285
20. Мне приятно	0.880	-0.122	0.286
8. Я чувствую себя отдохнувшим	0.770	-0.112	0.455
5. Я чувствую себя свободно	0.765	0.060	0.379
1. Я спокоен	0.708	0.149	0.402
11. Я уверен в себе	0.705	-0.001	0.504
15. Я не чувствую скованности, напряжения	0.649	0.162	0.479
2. Мне ничто не угрожает	0.406	0.186	0.747
12. Я нервничаю	-0.019	0.870	0.254
9. Я встревожен	0.038	0.840	0.271
3. Я нахожусь в напряжении	0.014	0.830	0.302
18. Я слишком возбужден и мне не по себе	-0.173	0.824	0.392
14. Я взвинчен	-0.124	0.807	0.403
13. Я не нахожу себе места	-0.005	0.730	0.469
6. Я расстроен	-0.015	0.723	0.485
17. Я озабочен	-0.008	0.666	0.560
4. Я испытываю сожаление	0.012	0.590	0.647
7. Меня волнуют возможные неудачи	0.224	0.493	0.629

Примечание: применяемый метод вращения равен Promax.

Note: the rotation method used is Promax.

Первый фактор объясняет 29.7 % дисперсии и объединяет реверсированные пункты. Наиболее высокие факторные нагрузки демонстрируют следующие утверждения: «Мне радостно» (п. 19, 0.906), «Я доволен» (п. 16, 0.897), «Я испытываю чувство внутреннего удовлетворения» (п. 10, 0.884). Этот фактор в большей степени описывает положительное эмоциональное состояние. Второй фактор объясняет 28.2 % дисперсии, включает прямые пункты, описывающие переживания тревоги, напряжения и внутреннего беспокойства. Наиболее высокие нагрузки имеют пункты: «Я нервничаю» (п. 12, 0.870), «Я встревожен» (п. 9, 0.840), «Я нахожусь в напряжении» (п. 3, 0.830). Этот фактор в большей степени описывает симптомы тревожного состояния. Из этого следует, что шкала ситуативной тревоги имеет двухфакторную структуру: один фактор отражает положительное эмоциональное состояние (реверсированные пункты), а другой — выраженность тревожных переживаний (прямые пункты).

Для шкалы личностной тревоги данные пригодны для факторного анализа: MSA = 0.924 указывает на высокую адекватность выборки, а тест сферичности Бартлетта ($\chi^2 = 5949.154$, $p < 0.001$) подтверждает наличие значимых корреляций между пунктами. Согласно критерию Мардия, данные распределены многомерно ненормально: показатели асимметрии (Skewness = 26.730, $\chi^2 = 2695.272$) и эксцесса (Kurtosis = 495.496, $\chi^2 = 23.007$, $p < 0.001$) пре-

вышают нормальные значения. Поэтому для шкалы личностной тревоги использовались те же методы извлечения факторов и тип вращения, что и для шкалы ситуативной тревоги.

Мы видим, что по графику каменистой осьпи максимальное возможное количество факторов для шкалы личностной тревоги — три (см. рис. 3).

Рассмотрим факторные нагрузки пунктов шкалы личностной тревоги (см. табл. 4).

Обнаружено, что шкала распадается на два фактора, состоящих из прямых и обратных пунктов. Первый фактор объясняет 28.4 % дисперсии, объединяет пункты с прямой формулировкой («Я слишком переживаю из-за пустяков» (п. 29, 0.849), «Как правило, всякие пустяки отвлекают и волнуют меня» (п. 37, 0.840), «Я принимаю все слишком близко к сердцу» (п. 31, 0.769)). Высокие факторные нагрузки наблюдаются у утверждений, отражающих склонность к волнению по незначительным поводам, чрезмерному беспокойству о повседневных делах, внутренней напряженности и неуверенности в себе. Второй фактор объясняет 18.0 % дисперсии, включает обратные утверждения, отражающие склонность к психологическому благополучию. Высокие факторные нагрузки наблюдаются у пунктов, отражающих переживание радости и удовлетворенности («Как правило, я доволен» (п. 36, 0.940), «Я вполне счастлив» (п. 30, 0.878), «Я обычно испытываю удовольствие» (п. 21, 0.822)).

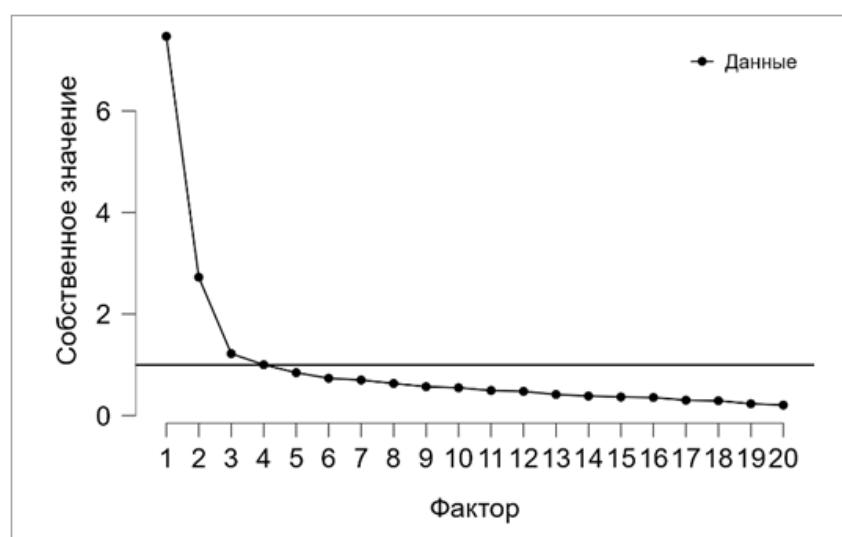

Рис. 3. График каменистой осьпи шкалы личностной тревоги

Fig. 3. Scree plot for the Trait Anxiety Scale

Таблица 4. Факторная нагрузка пунктов шкалы личностной тревоги

Table 4. Factor loadings of the trait anxiety scale items

Пункты опросника	Фактор 1	Фактор 2	Уникальность
29. Я слишком переживаю из-за пустяков	0.849	-0.062	0.328
37. Как правило, всякие пустяки отвлекают и волнуют меня	0.840	-0.052	0.336
31. Я принимаю все слишком близко к сердцу	0.769	-0.116	0.485
40. Меня обычно охватывает сильное беспокойство, когда я думаю о своих делах и заботах	0.734	0.024	0.443
28. Ожидаемые трудности обычно меня очень тревожат	0.732	0.045	0.429
38. Нередко я проигрываю из-за того, что недостаточно быстро принимаю решения	0.678	0.155	0.410
25. Я так сильно переживаю свои разочарования, что потом долго не могу о них забыть	0.654	-0.142	0.645
23. Как правило, я легко могу заплакать	0.638	-0.087	0.642
32. Мне не хватает уверенности в себе	0.599	0.157	0.522
34. Я стараюсь избегать критических состояний и трудностей	0.523	-0.126	0.777
22. Я обычно быстро устаю	0.512	0.113	0.667
24. Я хотел бы быть таким же счастливым, как и другие	0.475	0.15	0.679
35. У меня бывает хандра	0.401	0.247	0.678
36. Как правило, я доволен	-0.178	0.940	0.253
30. Я вполне счастлив	-0.130	0.878	0.328
21. Я обычно испытываю удовольствие	-0.205	0.822	0.452
26. Обычно я чувствую себя бодрым	0.024	0.717	0.468
27. Обычно я спокоен, хладнокровен, собран	0.135	0.580	0.566
39. Я уравновешенный человек	0.054	0.540	0.676
33. Обычно я чувствую себя в безопасности	-0.097	-0.178	0.942

Примечание: применяемый метод вращения равен Promax.

Note: the rotation method used is Promax.

По графику каменистой осьпи (см. рис. 3) определяется три фактора. Потенциальный фактор сформирован п. 33 («Обычно я чувствую себя в безопасности»). Этот пункт демонстрирует низкие факторные нагрузки и слабые связи с другими пунктами шкалы, не интегрирован ни в один из сформированных факторов. Таким образом, «третий фактор», появляющийся на графике каменистой осьпи, фактически отражает изолированный пункт, который не образует самостоятельную группу утверждений и не может считаться полноценным фактором.

В результате проверки факторной структуры STAI обнаружено следующее. Однофакторная структура каждой из шкал не подтверждается КФА: показатели индексов свидетельствуют о непригодности моделей. Более того, шкалы ситуативной и личностной тревоги внутри распадаются на отдельные факторы, соответствующие направленности формулировок пунктов (прямые — тревожные симптомы, обратные — положительное эмоциональное состояние).

Обсуждение результатов

STAI является широко используемым инструментом для измерения ситуативной и личностной тревоги. При предварительном обзоре литературы были выявлены потенциальные ограничения психометрических показателей опросника, что указывает на возможное смешение измеряемых конструктов. В связи с этим была поставлена цель эмпирически проверить надежность шкал и их факторную валидность.

С одной стороны, шкалы ситуативной и личностной тревоги демонстрируют высокую внутреннюю согласованность, что подтверждает их надежность для измерения соответствующих конструктов. Внутренняя согласованность шкал ситуативной и личностной тревоги оценивается как высокая: показатели альфа Кронбаха (0.919 для ситуативной и 0.894 для личностной тревоги) и омега Макдональда (0.906 и 0.898 соответственно) свидетельствуют о высокой однородности пунктов и надежности измерения соответствующих шкал. Получен-

ные значения согласуются с результатами других авторов [Азабина Е.С., Ильинский С.В., 2019; Вергунов Е.Г. и др., 2019], где значения коэффициента альфа Кронбаха распределены в диапазоне от 0.74 до 0.95 для обеих шкал. Корреляции между отдельными пунктами и общей шкалой подтверждают согласованность пунктов с измеряемым конструктом, но пункт 33 демонстрирует слабую отрицательную корреляцию ($r = -0.138$).

Высокая корреляция между шкалами ($r = 0.744$, $p < 0.001$) отражает значимую взаимосвязь ситуативной и личностной тревоги в выборке. Полученное значение корреляции не значительно превышает показатели, представленные в исследовании Е.Г. Вергунова и соавт., где значение корреляции — $r = 0.613$, $p < 0.001$ [Вергунов Е.Г. и др., 2019], а также в исследовании А.Г. Шмелева, где значение составило $r = 0.73$, $p < 0.001$ [Шмелев А.Г., 2022]. Высокая корреляция указывает на то, что измеряется одно явление.

С другой стороны, мы обнаружили, что теоретически предполагаемая структура шкал ситуативной и личностной тревоги не полностью воспроизводится эмпирическими данными, что подтверждается слабыми значениями индексов соответствия модели (CFI, GFI, TLI, RMSEA, SRMR) и статистически значимым χ^2 .

Проведенный ЭФА демонстрирует, что шкала ситуативной тревоги распадается на два фактора. Первый фактор, включающий обратные формулировки, может быть интерпретирован как показатель психологического благополучия, а не тревоги. Психологическое благополучие определяется как субъективный опыт позитивно окрашенных чувств, спокойствия, удовлетворенности, а также возбуждения и восторга [Hernandez R. et al., 2018]. Учитывая содержание пунктов первого фактора («Мне радостно», «Я доволен», «Я испытываю чувство внутреннего удовлетворения»), они ближе к измерению психологического благополучия, чем ситуативной тревоги. Однако для подтверждения этого требуется дополнительное исследование и изучение связи этих пунктов с соответствующими индикаторами психологического благополучия. Второй фактор включает прямые пункты, соответствующие по содержанию напряженности и тревожным мыслям, возникающим в конкретный момент времени

[Jouvent R. et al., 1999], а также опасениям, нервозности и соматическим проявлениям тревоги, таким как учащенное сердцебиение, потливость и поверхностное дыхание [Wiedemann K., 2015]. Этот фактор более точно отражает ситуативное тревожное состояние, т.к. объединяет элементы когнитивной, эмоциональной и соматической реакций, характерных для переживания тревоги в конкретной ситуации. Полученные нами данные согласуются с результатами исследования К. Kvaal и соавт., в котором также были выделены два фактора — «психологическое благополучие» и «тревога». Авторы отмечают, что высокие значения по шкале ситуативной тревоги в большей степени связаны со снижением уровня субъективного благополучия, чем с усилением тревожных переживаний как таковых. Это может приводить к искажению интерпретации итоговых баллов [Kvaal K. et al., 2001].

Шкала личностной тревоги также распадается на два фактора. В первый фактор вошли пункты, которые отражают симптоматику тревоги, связанную с низкой уверенностью в решении проблем, дефицитом ощущения контроля, склонностью к интернализации негативных событий и повышенной чувствительностью к неопределенности, лежащей в основе хронического беспокойства и эмоциональной неустойчивости [Davey G.C.L. et al., 1992; Grupe D.W., Nitschke J.B., 2013]. Второй фактор соотносится с показателями психологического благополучия, включая позитивное отношение, низкую выраженность негативных эмоций и удовлетворенность жизнью [Dhanabhakayam M., Sarath M., 2023; Ryff C.D., 2014]. Кроме того, некоторые другие авторы указывают, что шкала личностной тревоги охватывает не только тревогу и психологическое благополучие [Caci H. et al., 2003; Kaupuzs A. et al., 2015], но третий фактор — депрессивную симптоматику [Balsamo M. et al., 2013; Bieling P.J. et al., 1998; Caci H. et al., 2003; Kaupuzs A. et al., 2015]. Однако в нашем исследовании разделение шкалы личностной тревоги на факторы тревоги, психологического благополучия и депрессии не произошло.

Таким образом, шкалы ситуативной и личностной тревоги демонстрируют высокую внутреннюю согласованность, что указывает на однородность пунктов и надежность инстру-

мента с точки зрения статистических показателей. Вместе с тем результаты ЭФА и КФА показали, что предполагаемая однофакторная структура не воспроизводится: каждая шкала распадается на два фактора, один из которых отражает тревогу, а другой — противоположное состояние, связанное с психологическим благополучием. Это свидетельствует о том, что суммарные баллы могут отражать смесь различных феноменов, а не исключительно тревогу, что ограничивает содержательную интерпретацию результатов и подчеркивает необходимость осторожного использования инструмента.

Заключение

Результаты исследования позволяют сделать вывод о содержательных особенностях шкал STAI. Несмотря на высокую внутреннюю согласованность, выявленная структура указывает на ограничения в интерпретации измеряемых конструктов, что снижает однозначность суммарных баллов и точность измерения тревоги. Полученные данные подчеркивают необходимость дальнейшей переработки структуры шкал для повышения их содержательной ясности и практической применимости.

Ограничения исследования

Ограничением настоящего исследования является однородность выборки: участниками были преимущественно студенты Пермского государственного национального исследовательского университета в возрасте от 17 до 32 лет. При этом выборка является среднестатистической для студенческой популяции, что позволяет переносить результаты на студентов других вузов.

Перспективы исследования

Перспективным направлением дальнейших исследований является проверка психометрических свойств четырехфакторной структуры STAI и ее связи с конструктом психологического благополучия. В случае выявления недостаточной валидности текущей методики целесообразно разработать сокращенную версию опросника, учитывающую как показатели тревоги, так и психологического благополучия. При этом новая версия могла бы включать обратные пункты, что повысило бы ее чувствительность к различиям между тревожным состоянием и личностной тревогой.

Аналогичный подход уже применялся в зарубежных исследованиях: например, венгерские авторы [Zsido A.N. et al., 2020] предложили краткую версию STAI с высокой внутренней согласованностью и упрощенной факторной структурой.

Список литературы

- Азабина Е.С., Ильинский С.В.* Взаимосвязь тревожности личности и репрезентации ее успешности // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Психология. 2019. № 1(25). С. 3–15.
- Белова А.Н.* Шкалы, тесты и опросники в неврологии и нейрохирургии. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Практическая медицина, 2018. 696 с.
- Вергунов Е.Г., Николаева Е.И., Боброва Ю.В.* К вопросу о психометрической надежности некоторых психологических методик // Теоретическая и экспериментальная психология. 2019. Т. 12, № 1. С. 61–68.
- Коптева Н.В., Калугин А.Ю., Дорфман Л.Я.* Невоплощенность в Интернете. Сообщение 2. Психометрическая проверка инструментария // Клиническая и специальная психология. 2021. Т. 10, № 4. С. 205–233. DOI: <https://doi.org/10.17759/cpsc.2021100410>
- Наследов А.Д.* Структурное моделирование кausalных гипотез: исследование педагогических стереотипов оценивания младших школьников // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. Психология. Социология. Педагогика. 2011. Вып. 1. С. 305–313.
- Шишиянникова Л.М.* Применение корреляционного анализа в психологии // Психологическая наука и образование. 2009. Т. 14, № 1. С. 98–107.
- Шмелев А.Г.* Психометрические параметры методики Спилбергера–Ханина (сituativnaja i lichnostnaja trevozhnost) / Форум HT-Line. 2022. 25 июл. URL: <https://forum.ht-line.ru/threads/psixometricheskie-parametry-metodiki-spilbergera-xanina-situativnaja-i-lichnostnaja-trevozhnost.3363/> (дата обращения: 03.05.2025).
- Щербатых Ю.В.* Методики диагностики тревоги и тревожности — сравнительная оценка // Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири. 2021. № 2. С. 85–104.
- Balsamo M., Romanelli R., Innamorati M., Ciccarese G., Carlucci L., Saggino A.* The State-Trait Anxiety Inventory: Shadows and lights on its construct validity // Journal of Psychopathology and Behavioral Assessment. 2013. Vol. 35, iss. 4. P. 475–486. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10862-013-9354-5>

- Behrouzian F., Sadrizadeh N., Nematpour S., Seyedian S.S., Nassiryan M., Zadeh A.J.F.* The effect of psychological preparation on the level of anxiety before upper gastrointestinal endoscopy // Journal of Clinical and Diagnostic Research. 2017. Vol. 11, iss. 7. URL: [https://www.jcdr.net/articles/PDF/10270/24876_ce\[ra\]_f\(sh\)_pf1\(ru_vt_ne\)_pfa\(pne\).pdf](https://www.jcdr.net/articles/PDF/10270/24876_ce[ra]_f(sh)_pf1(ru_vt_ne)_pfa(pne).pdf) (accessed: 03.05.2025). DOI: <https://doi.org/10.7860/jcdr/2017/24876.10270>
- Bieling P.J., Antony M.M., Swinson R.P.* The State-Trait Anxiety Inventory, trait version: structure and content re-examined // Behaviour Research and Therapy. 1998. Vol. 36, iss. 7–8. P. 777–788. DOI: [https://doi.org/10.1016/s0005-7967\(98\)00023-0](https://doi.org/10.1016/s0005-7967(98)00023-0)
- Caci H., Baylé F.J., Dossios Ch., Robert Ph., Boyer P.* The Spielberger trait anxiety inventory measures more than anxiety // European Psychiatry. 2003. Vol. 18, iss. 8. P. 394–400. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.eurpsy.2003.05.003>
- Cattell R.B., Scheier I.H.* The meaning and measurement of neuroticism and anxiety. N.Y.: The Ronald Press Company, 1961. 535 p.
- Davey G.C.L., Hampton J., Farrell J., Davidson S.* Some characteristics of worrying: Evidence for worrying and anxiety as separate constructs // Personality and Individual Differences. 1992. Vol. 13, iss. 2. P. 133–147. DOI: [https://doi.org/10.1016/0191-8869\(92\)90036-o](https://doi.org/10.1016/0191-8869(92)90036-o)
- Dhanabhakyam M., Sarath M.* Psychological well-being: a systematic literature review // International Journal of Advanced Research in Science, Communication and Technology. 2023. Vol. 3, iss. 1. P. 603–607. DOI: <https://doi.org/10.48175/ijarsct-8345>
- Grupe D.W., Nitschke J.B.* Uncertainty and anticipation in anxiety: an integrated neurobiological and psychological perspective // Nature Reviews Neuroscience. 2013. Vol. 14, iss. 7. P. 488–501. DOI: <https://doi.org/10.1038/nrn3524>
- Hernandez R., Bassett S.M., Boughton S.W., Schuette S.A., Shiu E.W., Moskowitz J.T.* Psychological well-being and physical health: associations, mechanisms, and future directions // Emotion Review. 2018. Vol. 10, iss. 1. P. 18–29. DOI: <https://doi.org/10.1177/1754073917697824>
- Jouvent R., Bungener C., Morand P., Millet V., Lancrenon S., Ferreri M.* Distinction trait/état et anxiété en médecine générale: Étude descriptive // L'Encéphale. 1999. Vol. 25, no. 1. P. 44–49.
- Kaupuzs A., Vazne Z., Usca S.* Evaluation of psychometric properties of the state and trait anxiety inventory scale in a student sample // Society. Integration. Education: proceedings of the International scientific conference (Rēzekne, May 22–23, 2015).
- Rēzekne, LV*: Rēzeknes Augstskola, 2015. Vol. 1. P. 198–205. DOI: <https://doi.org/10.17770/sie2015vol1.317>
- Kvaal K., Laake K., Engedal K.* Psychometric properties of the state part of the Spielberger State-Trait Anxiety Inventory (STAII) in geriatric patients // International Journal of Geriatric Psychiatry. 2001. Vol. 16, iss. 10. P. 980–986. DOI: <https://doi.org/10.1002/gps.458>
- McDowell I.* Anxiety // McDowell I. Measuring health: A guide to rating scales and questionnaires. 3rd ed. N.Y.: Oxford University Press, 2006. P. 273–328. DOI: <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780195165678.003.0006>
- Ryff C.D.* Psychological well-being revisited: Advances in the science and practice of eudaimonia // Psychotherapy and Psychosomatics. 2014. Vol. 83, iss. 1. P. 10–28. DOI: <https://doi.org/10.1159/000353263>
- Shin H., Jung Yo., Jeong Ch., Heo J.-H.* Assessment of modified Anderson–Darling test statistics for the generalized extreme value and generalized logistic distributions // Stochastic Environmental Research and Risk Assessment. 2012. Vol. 26, iss. 1. P. 105–114. DOI: <https://doi.org/10.1007/s00477-011-0463-y>
- Spielberger Ch.D., Gorsuch R.L., Lushene R., Vagg P.R., Jacobs G.A.* State-Trait Anxiety Inventory for Adults: Self-evaluation questionnaire STAII form Y-1 and form Y-2. 1977. URL: <https://pdfcoffee.com/stai-spielberger-state-trait-anxiety-inventory-pdf-free.html> (accessed: 20.09.2022).
- Wiedemann K.* Anxiety and anxiety disorders // International Encyclopedia of the Social and Behavioral Sciences / ed. by J.D. Wright. Amsterdam, NL: Elsevier, 2015. Vol. 1. P. 804–810. DOI: <https://doi.org/10.1016/b978-0-08-097086-8.27006-2>
- Zinbarg R.E., Revelle W., Yovel I., Li W.* Cronbach's α , Revelle's β , and McDonald's ω_H : their relations with each other and two alternative conceptualizations of reliability // Psychometrika. 2005. Vol. 70, iss. 1. P. 123–133. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11336-003-0974-7>
- Zsido A.N., Teleki S.A., Csokasi K., Rozsa S., Bandi S.A.* Development of the short version of the Spielberger State-Trait Anxiety Inventory // Psychiatry Research. 2020. Vol. 291. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0165178120300834/pdfft?md5=9e5ccfa8b2ef8a03b565349df24b31aa&pid=1-s2.0-S0165178120300834-mainext.pdf> (accessed: 03.05.2025). DOI: <https://doi.org/10.1016/j.psychres.2020.113223>

References

- Azabina, E.S. and Ilinsky, S.V. (2019). [The relationship of anxiety personality and representation of its success]. *Vestnik Samarskoy gumanitarnoy akademii. Seriya: Psichologiya* [Bulletin of the Samara Humanitarian Academy. A Series of Psychology]. No. 1(25), pp. 3–15.
- Balsamo, M., Romanelli, R., Innamorati, M., Ciccarese, G., Carlucci, L. and Saggino, A. (2013). The State-Trait Anxiety Inventory: Shadows and lights on its construct validity. *Journal of Psychopathology and Behavioral Assessment*. Vol. 35, iss. 4, pp. 475–486. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10862-013-9354-5>
- Behrouzian, F., Sadrizadeh, N., Nematpour, S., Seyedian, S.S., Nassiryan, M. and Zadeh, A.J.F. (2017). The effect of psychological preparation on the level of anxiety before upper gastrointestinal endoscopy. *Journal of Clinical and Diagnostic Research*. Vol. 11, iss. 7. Available at: [https://www.jcdr.net/articles/PDF/10270/24876_ce\[ra\]_f\(sh\)_pf1\(ru_vt_ne\)_pfa\(pne\).pdf](https://www.jcdr.net/articles/PDF/10270/24876_ce[ra]_f(sh)_pf1(ru_vt_ne)_pfa(pne).pdf) (accessed 03.05.2025). DOI: <https://doi.org/10.7860/jcdr/2017/24876.10270>
- Belova, A.N. (2018). *Shkaly, testy i oprosniki v nevrologii i neirokhirurgii* [Scales, tests and questionnaires in neurology and neurosurgery]. 3rd ed. Moscow: Prakticheskaya meditsina Publ., 696 p.
- Bieling, P.J., Antony, M.M. and Swinson, R.P. (1998). The State-Trait Anxiety Inventory, trait version: structure and content re-examined. *Behaviour Research and Therapy*. Vol. 36, iss. 7–8, pp. 777–788. DOI: [https://doi.org/10.1016/s0005-7967\(98\)00023-0](https://doi.org/10.1016/s0005-7967(98)00023-0)
- Caci, H., Baylé, F.J., Dossios, Ch., Robert, Ph. and Boyer, P. (2003). The Spielberger trait anxiety inventory measures more than anxiety. *European Psychiatry*. Vol. 18, iss. 8, pp. 394–400. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.eurpsy.2003.05.003>
- Cattell, R.B. and Scheier, I.H. (1961). *The meaning and measurement of neuroticism and anxiety*. New York: The Ronald Press Company, 535 p.
- Davey, G.C.L., Hampton, J., Farrell, J. and Davidson, S. (1992). Some characteristics of worrying: Evidence for worrying and anxiety as separate constructs. *Personality and Individual Differences*. Vol. 13, iss. 2, pp. 133–147. DOI: [https://doi.org/10.1016/0191-8869\(92\)90036-o](https://doi.org/10.1016/0191-8869(92)90036-o)
- Dhanabhaktyam, M. and Sarath, M. (2023). Psychological well-being: a systematic literature review. *International Journal of Advanced Research in Science, Communication and Technology*. Vol. 3, iss. 1, pp. 603–607. DOI: <https://doi.org/10.48175/ijarsct-8345>
- Grupe, D.W. and Nitschke, J.B. (2013). Uncertainty and anticipation in anxiety: An integrated neurobiological and psychological perspective. *Nature Reviews Neuroscience*. Vol. 14, iss. 7, pp. 488–501. DOI: <https://doi.org/10.1038/nrn3524>
- Hernandez, R., Bassett, S.M., Boughton, S.W., Schuette, S.A., Shiu, E.W. and Moskowitz, J.T. (2018). Psychological well-being and physical health: associations, mechanisms, and future directions. *Emotion Review*. Vol. 10, iss. 1, pp. 18–29. DOI: <https://doi.org/10.1177/1754073917697824>
- Jouvent, R., Bungener, C., Morand, P., Millet, V., Lancrenon, S. and Ferreri, M. (1999). [Distinction between anxiety state/trait in general practice: A descriptive study]. *L'Encéphale* [The Brain]. Vol. 25, no. 1, pp. 44–49.
- Kaupuzs, A., Vazne, Z. and Usca, S. (2015). Evaluation of psychometric properties of the state and trait anxiety inventory scale in a student sample. *Society, Integration, Education: proceedings of the International scientific conference (Rezekne, May 22–23, 2015)*. Rezekne, LV: Rezekne University of Applied Sciences Publ., vol. 1, pp. 198–205. DOI: <https://doi.org/10.17770/sie2015vol1.317>
- Kopteva, N.V., Kalugin, A.Yu. and Dorfman, L.Ya. (2021). [Unembodiment in the Internet. Part 2. Psychometric Verification of the Questionnaire]. *Klinicheskaya i spetsial'naya psichologiya* [Clinical Psychology and Special Education]. Vol. 10, no. 4, pp. 205–233. DOI: <https://doi.org/10.17759/cpse.2021100410>
- Kvaal, K., Laake, K. and Engedal, K. (2001). Psychometric properties of the state part of the Spielberger State-Trait Anxiety Inventory (STAII) in geriatric patients. *International Journal of Geriatric Psychiatry*. Vol. 16, iss. 10, pp. 980–986. DOI: <https://doi.org/10.1002/gps.458>
- McDowell, I. (2006). Anxiety. *McDowell I. Measuring health: A guide to rating scales and questionnaires*. 3rd ed. New York: Oxford University Press, pp. 273–328. DOI: <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780195165678.003.0006>
- Nasledov, A.D. (2011). [Structural modeling of causal hypotheses: research of pedagogical assessment stereotypes of younger schoolboy]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 12. Psichologiya. Sotsiologiya. Pedagogika* [Vestnik of Saint Petersburg University. Series 12. Psychology. Sociology. Pedagogy]. Iss. 1, pp. 305–313.
- Ryff, C.D. (2014). Psychological well-being revisited: Advances in the science and practice of eudaimonia. *Psychotherapy and Psychosomatics*. Vol. 83, iss. 1, pp. 10–28. DOI: <https://doi.org/10.1159/000353263>

- Shcherbatykh, Yu.V. (2021). [Comparative assessment of methods for diagnosing anxiety]. *Vestnik po pedagogike i psichologii Yuzhnay Sibiri* [Bulletin on Pedagogics and Psychology of Southern Siberia]. No. 2, pp. 85–104.
- Shin, H., Jung, Yo., Jeong, Ch. and Heo, J.-H. (2012). Assessment of modified Anderson-Darling test statistics for the generalized extreme value and generalized logistic distributions. *Stochastic Environmental Research and Risk Assessment*. Vol. 26, iss. 1, pp. 105–114. DOI: <https://doi.org/10.1007/s00477-011-0463-y>
- Shishlyannikova, L.M. (2009). [Application of correlation analysis in psychology]. *Psichologicheskaya nauka i obrazovaniye* [Psychological Science and Education]. Vol. 14, no. 1, pp. 98–107.
- Shmelev, A.G. (2022). *Psikhometricheskie parametry metodiki Spilbergera–Khanina* (situativnaya i lichnostnaya trevozhnost) [Psychometric parameters of the Spielberger–Khanin method (state and trait anxiety)]. Forum HT-Line, Jul. 25. Available at: <https://forum.ht-line.ru/threads/psixometricheskie-parametry-metodiki-spilbergera-xanina-situativnaja-i-lichnostnaja-trevozhnost.3363/> (accessed 03.05.2025).
- Spielberger, Ch.D., Gorsuch, R.L., Lushene, R., Vagg, P.R. and Jacobs, G.A. (1977). *State-Trait Anxiety Inventory for Adults: Self-evaluation questionnaire STAI form Y-1 and form Y-2*. Available at:
- <https://pdfcoffee.com/stai-spielberger-state-trait-anxiety-inventory-pdf-free.html> (accessed 20.09.2022).
- Vergunov, E.G., Nikolaeva, E.I. and Bobrova Yu.V. (2019). [On the issue of psychometric reliability of some psychological methods]. *Teoreticheskaya i eksperimentalnaya psichologiya* [Theoretical and Experimental Psychology]. Vol. 12, no. 1, pp. 61–68.
- Wiedemann, K. (2015). Anxiety and anxiety disorders. *J.D. Wright (ed.) International Encyclopedia of the Social and Behavioral Sciences*. Amsterdam, NL: Elsevier Publ., vol. 1, pp. 804–810. DOI: <https://doi.org/10.1016/b978-0-08-097086-8.27006-2>
- Zinbarg, R.E., Revelle, W., Yovel, I. and Li, W. (2005). Cronbach's α , Revelle's β , and McDonald's ω_H : Their relations with each other and two alternative conceptualizations of reliability. *Psychometrika*. Vol. 70, iss. 1, pp. 123–133. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11336-003-0974-7>
- Zsido, A.N., Teleki, S.A., Csokasi, K., Rozsa, S. and Bandi, S.A. (2020). Development of the short version of the Spielberger State-Trait Anxiety Inventory. *Psychiatry Research*. Vol. 291. Available at: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0165178120300834/pdf?md5=9e5ccfa8b2ef8a03b565349df24b31aa&pid=1-s2.0-S0165178120300834-mainext.pdf> (accessed 03.05.2025). DOI: <https://doi.org/10.1016/j.psychres.2020.113223>

Об авторе

Мерзляков Дмитрий Евгеньевич
старший преподаватель кафедры
общей и клинической психологии

Пермский государственный национальный
исследовательский университет,
614068, Пермь, ул. Букирева, 15;
e-mail: pedagogika-online@mail.ru
ResearcherID: KWU-7609-2024

About the author

Dmitry E. Merzlyakov
Senior Lecturer of the Department
of General and Clinical Psychology

Perm State University,
15, Bukirev st., Perm, 614068, Russia;
e-mail: pedagogika-online@mail.ru
ResearcherID: KWU-7609-2024

УДК 159.922
<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2025-4-601-615>
<https://elibrary.ru/ynwven>

Поступила: 21.07.2025
Принята: 19.11.2025
Опубликована: 26.12.2025

СОВРЕМЕННЫЕ МОДЕЛИ НАРЦИССИЗМА КАК ЛИЧНОСТНОЙ ЧЕРТЫ В ЗАРУБЕЖНОЙ ПСИХОЛОГИИ

Ничепорук Екатерина Викторовна

Пермский государственный национальный исследовательский университет (Пермь)

Зарубежные исследования нарциссизма направлены на рассмотрение более частных черт нарциссизма — грандиозного и сензитивного нарциссизма. В отечественной науке исследования грандиозного и сензитивного нарциссизма представлены недостаточно полно, что создает концептуальный разрыв между двумя научными сообществами в современном понимании черты нарциссизма, ее структуры и проявления в поведении. В связи с этим возникает необходимость в обсуждении и представлении современных зарубежных моделей нарциссических черт. В работе отображен обзор современной научной литературы о грандиозном и сензитивном нарциссизме, описаны их характеристики, сходство и различия. Проведен анализ структурных моделей грандиозного и сензитивного нарциссизма (трехфакторная модель нарциссизма, модель спектра нарциссизма, иерархическая модель нарциссизма, круговая модель нарциссических черт) и процессных моделей нарциссизма (модель саморегуляции нарциссизма, адаптированная к исследованию нарциссизма теория самодетерминации, модель нарциссического стремления к статусу, теория иерометра). В результате анализа были выделены трехфакторная модель нарциссизма Дж.Д. Миллера и адаптированная к исследованию нарциссизма теория самодетерминации Е. Десси и Р. Райна в работах К. Седикидеса как наиболее полные для исследования различных аспектов нарциссизма как личностной черты. Сформулированы определения грандиозного и сензитивного нарциссизма как более частные проявления черты личности нарциссизма, а также обозначены перспективы дальнейших психологических исследований нарциссических черт в области психологии личности и индивидуальных различий, клинической психологии, психоdiagностики, практической психологии.

Ключевые слова: грандиозный нарциссизм, сензитивный нарциссизм, нарциссические черты, структурные модели нарциссизма, процессные модели нарциссизма, черты личности.

Для цитирования:

Ничепорук Е.В. Современные модели нарциссизма как личностной черты в зарубежной психологии // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2025. Вып. 4. С. 601–615.
<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2025-4-601-615>. EDN: YNWVEN

MODERN MODELS OF NARCISSISM AS A PERSONALITY TRAIT IN FOREIGN PSYCHOLOGY

Ekaterina V. Nicheporuk

Perm State University (Perm)

Foreign studies of narcissism are aimed at examining more specific features of narcissism — grandiose and vulnerable narcissism. In Russian science, studies on grandiose and vulnerable narcissism are not fully presented, which creates a conceptual gap between the two scientific communities in the modern understanding of the trait of narcissism, its structure and manifestation mechanism. Thus, there is a need to present and discuss modern foreign models of narcissistic traits. The paper provides a review of modern scientific literature on grandiose and vulnerable narcissism, describes characteristics of these types of narcissism, emphasizing their similarities and differences. The author analyzes the structural models of grandiose and vulnerable narcissism (the three-factor model of narcissism, the narcissism spectrum model, the hierarchical model of narcissism, and the circular model of narcissistic traits) and process models of narcissism (the self-regulation model of narcissism, the self-determination theory adapted to the study of narcissism, the narcissistic status-seeking model, and the hierometer theory). As a result of the analysis, the three-factor model of narcissism by J.D. Miller as well as the self-determination theory of E.L. Deci and R.M. Ryan adapted to the study of narcissism in the works of C. Sedikides were identified as the most suitable for integration into Russian studies of narcissistic traits. The paper provides definitions of grandiose and vulnerable narcissism as more specific manifestations of the personality trait of narcissism, and also outlines the prospects for further psychological research on narcissistic traits in the psychology of personality and individual differences, clinical psychology, psychodiagnostics, and practical psychology.

Keywords: grandiose narcissism, vulnerable narcissism, narcissistic traits, structural models of narcissism, process models of narcissism, personality traits.

To cite:

Nicheporuk E.V. [Modern models of narcissism as a personality trait in foreign psychology]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologiya. Sociologiya* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2025, issue 4, pp. 601–615 (in Russian), <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2025-4-601-615>. EDN: YNWVEN

Введение

Первоначально понятие нарциссизм относилось к психопатологии личности, однако, начиная с 1979 г., нарциссизм рассматривается как нормативная черта личности [Raskin R.N., Hall C.S., 1979]. Нарциссизм как неклиническая черта личности характеризуется эгоизмом, чувством превосходства над другими, вседозволенностью, фантазиями о личном успехе и самовозвеличиванием [Miller J.D. et al., 2011] и имеет индивидуальную степень выраженности, как и любая личностная черта [Sedikides C., 2021]. Первоначальные описания нарциссизма привели к тому, что сложилась традиция рас-

сматривать нарциссизм как исключительно фантазию о грандиозности собственной личности. В последствии обнаружилось, что нарциссизм может проявляться через интроверсию, тревожность, ранимость, настороженность в социальных контактах [Murray H.A., 1938], что послужило началом к изучению грандиозного и сензитивного нарциссизма как двух более частных черт. Существуют исследования, рассматривающие грандиозный и сензитивный нарциссизм в рамках клинической психологии и психиатрии как варианты нарциссического расстройства личности. Клинический подход подчеркивает дезадаптивность и устойчивость негативных паттернов поведения при нарцис-

сизме [Watson L.R. et al., 2011]. Если при нарциссизме как личностной черте проявления могут быть ситуативными и гибкими (например, умеренное самовосхваление в моменты успеха или временная потребность в признании), то при нарциссическом расстройстве личности они носят ригидный, всеобъемлющий и деструктивный характер, серьезно нарушающий социальное и профессиональное функционирование, а именно — препятствуют выстраиванию межличностных отношений [Кернберг О.Ф., 2000; Терехин А.С., 2022]. Кроме того, при клиническом нарциссизме наблюдается глубокая нестабильность самооценки, требующая постоянного подтверждения собственной значимости через унижение других, тогда как в неклинических случаях самооценка может быть высокой, но относительно устойчивой и не зависящей исключительно от внешнего одобрения (напр., [Paulhus D.L., 1998]). Основой клинического нарциссизма считается нарушение саморегуляции, при котором любые угрозы самооценке вызывают сильные страдания и требуют компенсаторного поведения, такого как обесценивание других, агрессия, манипуляция, использование других в своих целях [Gabriel M.T. et al., 1994; Paulhus D.L., 1998].

Развитие представлений о неклиническом нарциссизме началось в психоаналитическом подходе. З. Фрейд, К. Хорни, В. Райх, Д. Немия, О.Ф. Кернберг, Х. Кохут и другие заложили основы понимания структуры, механизма и причин проявления нарциссизма [Levy K.N. et al., 2011]. Результаты их работы, в частности разработка психоаналитической теории личности, послужили основанием для создания современных моделей, теорий и концепций нарциссизма как черты личности. Накопление данных о сензитивном виде нарциссизма [Rogoza R. et al., 2019; Mahadevan N., Jordan Ch., 2022], а также исследование нарциссизма в рамках теории личностных черт и психологии индивидуальных различий можно считать существенным этапом в развитии представлений о нарциссизме.

На настоящий момент в зарубежной психологической науке разработано большое количество моделей и теорий нарциссизма, описывающих как грандиозный, так и сензитивный нарциссизм: модель спектра нарциссизма [Krizan Z., Herlache A.D., 2017], трехфакторная модель нарциссизма [Miller J.D. et al., 2021],

круговая модель нарциссизма [Rogoza R. et al., 2019], теория саморегуляции нарциссизма [Morf C.C., Rhodewalt F., 2001; Morf C.C. et al., 2011], модель «нарциссического стремления к статусу» [Grapsas S. et al., 2020] и др. В отечественной науке эти модели и теории не получали достаточного обсуждения.

Данная статья направлена на то, чтобы представить обзор подхода к пониманию грандиозного и сензитивного нарциссизма как личностных черт, описать модели нарциссизма, имеющиеся на сегодняшний день в зарубежной психологии, предложить определения грандиозного и сензитивного нарциссизма.

В данном обзоре модели нарциссизма рассматриваются не в хронологической последовательности, а сгруппированы по содержанию с учетом различных представлений о грандиозной и сензитивной чертах нарциссизма.

Общие представления о грандиозном и сензитивном нарциссизме

Первые работы, посвященные грандиозному и сензитивному нарциссизму, принадлежат Г.А. Мюррею [Murray H.A., 1938]. Он обнаружил двойственную природу нарциссизма: с одной стороны, человек с выраженным нарциссизмом проявляет грандиозность, сфокусирован на самовосхищении, а с другой стороны, характеризуется сензитивностью, уязвимостью. Нарциссизм может проявляться в эгоизме, доминировании над другими, но также в проживании негативных эмоций и состояний: недооценке себя, гиперчувствительности к чужому мнению, склонности избегать взаимодействия с окружающими, особенно в ситуациях угрозы позитивному представлению о себе. Парадоксальными являются неоднозначные стороны нарциссизма: с одной стороны, эгоизм, и гиперчувствительность к оценкам других — с другой.

Позже П. Уинк эмпирически подтвердил наличие минимум двух видов нарциссизма, выделив два относительно независимых фактора — Грандиозность — демонстративность и Уязвимость — чувствительность [Wink P., 1991]. Согласно результатам его исследования, грандиозный и сензитивный нарциссизм статистически не связаны. Однако Уинк допускал, что грандиозный и сензитивный нарциссизм могут иметь общее ядро, например, чувство собственного достоинства и грандиозные эгоистичные фантазии.

Последующие работы (напр., [Hendin H.M., Cheek J.M., 1997; Miller J.D. et al., 2011; Sedikides C., 2021]) расширили представления о характеристиках, входящих в структуру грандиозного и сензитивного нарциссизма. Стоит отметить, что в работах по сензитивному нарциссизму часто встречаются термины «hypersensitive» (гиперчувствительный), «sensitive» (сензитивный) и «vulnerable» (уязвимый). Все они являются синонимами и описывают одну черту нарциссизма. В данной работе будет использоваться термин «сензитивный нарциссизм», т.к. он является дословным переводом с англ. «hypersensitive narcissism» и наиболее полно отражает специфику данной черты нарциссизма.

Описывая грандиозный и сензитивный нарциссизм, исследователи [Miller J.D. et al., 2018b; Zajenkowski M. et al., 2016; Sedikides C., 2021; Stone B.M., Bartholomay E.M., 2022] сходятся в том, что грандиозному нарциссизму присущи высокомерие, власть, общительность, агрессия, привлекательность (по крайней мере, на начальном этапе формирования отношений), принятие риска. Дж.Д. Миллер [Miller J.D. et al., 2021] отмечает, что грандиозный нарциссизм характеризуется доминированием, самоуверенностью и нескромностью. В межличностных отношениях обладатели грандиозного нарциссизма акцентируют внимание на своей выгоде и позиционируют себя как более успешных, чем другие люди, требуя особого отношения и внимания к себе, проявляя демонстративность и эгоизм.

В противовес грандиозному нарциссизму, сензитивный нарциссизм связан с эгоцентризмом, низкой и изменчивой (при определенных условиях: при угрозе социальному статусу, риске разрыва отношений, социально неодобряемом поведении) самооценкой, недоверием к другим людям, широкой и стойкой негативной аффективностью, стыдом и повышенной чувствительностью к отказу или критике, социальной изоляцией. Описывая сензитивный нарциссизм, З. Кризан, А.Д. Херлах [Krizan Z., Herlache A.D., 2017] и Дж.Д. Миллер [Miller J.D. et al., 2021] отмечают следующие характеристики: негативные эмоции, межличностная холодность, враждебность, но при этом наличие эгоцентричности, потребности в признании, убежденность в праве на привилегии и особое отношение.

Из характеристик грандиозного и сензитивного нарциссизма складывается впечатление, что речь идет о двух разных чертах личности, противоположных по описанию. Однако модели, которые будут описаны далее, эмпирически подтверждают как сходство грандиозного и сензитивного нарциссизма (общее ядро), так и различия этих двух черт нарциссизма.

Структурные модели грандиозного и сензитивного нарциссизма

Выделение сензитивного нарциссизма в частную черту личности способствовало разработке структурных и процессных моделей грандиозного и сензитивного нарциссизма. Одна из структурных моделей, демонстрирующая историческое развитие представлений о нарциссизме как черте личности, — трехфакторная модель нарциссизма Дж.Д. Миллера [Miller J.D. et al., 2021].

В центре модели нарциссизм как черта личности, разделяют данную черту на грандиозный и сензитивный нарциссизм — как две более частные черты личности. Поскольку грандиозный и сензитивный нарциссизм обладают спецификой, Дж.Д. Миллер выделяет отдельные личностные характеристики, основополагающие различия данных черт нарциссизма, — агентная экстраверсия, антагонизм и нейротизм. Грандиозный нарциссизм выражается как крайне недоброжелательная, экстравертированная и эмоционально стабильная черта, что обуславливается агентной экстраверсией. Нейротизм является предпосылкой к сензитивному нарциссизму, т.к., в отличие от грандиозного нарциссизма, сензитивный нарциссизм рассматривается как менее недоброжелательная, интровертированная, нейротичная черта. Общим ядром для данных нарциссических черт является антагонизм, проявляющийся в низкой доброжелательности и соперничестве [Miller J.D. et al., 2021]. Графически трехфакторная модель нарциссизма представлена на рис. 1.

Трехфакторная модель интегрирует в нарциссизм базовые личностные черты (экстраверсию и нейротизм), а также подчеркивает специфику нарциссических черт через антагонизм. Грандиозный нарциссизм характеризуется напористостью, мотивом достижения, высокой самооценкой и экстраверсией, что соответствует агентной экстраверсии. Низкая самооценка, склонность к переживанию негативных состоя-

ний, избегание социальных контактов и интроверсия относятся к сензитивному нарциссизму и отражаются в его связи с нейротизмом. Таким образом, в трехфакторной модели нарциссизм

представлен как широкий феномен, опирающийся на другие личностные черты, и рассматривается в виде грандиозного и сензитивного нарциссизма.

Рис. 1. Трехфакторная модель нарциссизма Дж.Д. Миллера [Miller J.D. et al., 2021]

Fig. 1. J.D. Miller's three-factor model of narcissism [Miller J.D. et al., 2021]

Достоинствами модели являются включение нарциссизма в общепринятую диспозиционную модель личности, высокая объяснятельная сила, эмпирическая обоснованность. Однако существуют ограничения: относительная статичность, недостаточный учет динамических аспектов нарциссизма.

Другая структурная модель принадлежит З. Кризан и А.Д. Херлах [Krizan Z., Herlache A.D., 2017] — модель спектра нарциссизма. Нарциссизм представляет собой континuum от грандиозного к сензитивному нарциссизму, а в основе лежит чувство собственной важности (эгоцентрическая исключительность), т.е. чрезмерная сосредоточенность на себе, высокая самооценка и убежденность в том, что собственные потребности и цели важнее потребностей и целей других (убежденность в своем праве на привилегии) [Krizan Z., Herlache A.D., 2017]. Чувство собственной важности занимает середину в модели спектра нарциссизма, объединяя две более частные черты нарциссизма. С одной стороны располагается грандиозный нарциссизм, с другой — сензитивный.

Различия грандиозного и сензитивного нарциссизма зависят от ряда других характеристик, например, от ориентации на сближение и избегание в межличностных отношениях. При грандиозном нарциссизме обнаруживается ориентированность на сближение, смелость, высокомерие и демонстративность, тогда как при сензитивном нарциссизме чаще отмечаются избегание и склонность выражать реактивность, обиду, защитное поведение (см. напр., [Pincus A.L., Lukowitsky M.R., 2010; Krizan Z., Herlache A.D., 2017]). На основании этого можно говорить о том, что нарциссические черты расположены на противоположных сторонах от чувства собственной важности. Соответственно, как трехфакторная модель, так и модель спектра имеют общее ядро для двух нарциссических черт: в трехфакторной модели это антагонизм, в модели спектра — чувство собственной важности.

Преимущество модели спектра заключается в возможности рассматривать разные проявления (грандиозность и сензитивность) нарциссизма в непрерывном спектре, тем самым представляя собой теоретическую целостность. По сравне-

нию с трехфакторной моделью Дж.Д. Миллера [Miller J.D. et al., 2021], модель спектра более гибкая, т.к. предполагает возможность включения в нее других проявлений нарциссизма по мере развития представлений о нарциссизме как черте личности. Однако модель спектра имеет и ряд ограничений. Основной критике подвергается ее недостаточная операционализация: несмотря на теоретическую привлекательность, модель не всегда позволяет четко дифференцировать грандиозный и сензитивный нарциссизм, а также другие проявления нарциссизма в эмпирических исследованиях. Некоторые исследователи [Miller J.D. et al., 2021; Miller J.D. et al., 2018a] отмечают, что модель недооценивает качественные различия между грандиозным и сензитивным нарциссизмом, которые могут иметь разные корреляты, отраженные, к примеру, в трехфакторной модели Дж.Д. Миллера [Miller J.D. et al., 2021]. Следовательно, для исследователей, опирающихся только на модель спектра нарциссизма, может возникнуть сложность эмпирической верификации результатов.

В качестве альтернативы можно рассмотреть комплексную иерархическую модель нарциссизма [Sedikides C., 2021]. Данная модель рассматривает нарциссизм и как индивидуальный, и как групповой феномен. Последний представлен коллективным нарциссизмом, характеризующимся верой в исключительность своей социальной группы, гиперчувствительностью к межгрупповым угрозам и склонностью к конспирологическому мышлению. В рамках индивидуального нарциссизма К. Седикидес разделяет нарциссизм на две более частные черты: грандиозный и сензитивный. В свою очередь, грандиозный нарциссизм проявляется как в аспекте агентного нарциссизма, ключевой характеристикой которого является ориентированность на достижения и демонстративность, а также чувство превосходства, так и в аспекте общественного нарциссизма, связанного с потребностью в особом отношении в межличностных отношениях. Агентный нарциссизм дифференцируется на нарциссизм-восхищение, для которого характерны завышенная самооценка, харизматичность и стратегии позитивной самопрезентации, и нарциссизм-соперничества, проявляющийся в защитном поведении, склонности к доминированию через

запугивание и сравнительно более низкой самооценке.

Сензитивный нарциссизм не разделяется на аспекты в силу недостаточной изученности по сравнению с работами по грандиозному нарциссизму. К. Седикидес описывает сензитивный нарциссизм как сочетающий эгоцентризм с повышенной чувствительностью к критике и хрупкостью самооценки.

Отметим, что предложенная модель отличается от альтернативных концепций, таких как подходы Дж.Д. Миллера [Miller J.D. et al., 2021] и З. Кризан, А.Д. Херлах [Krizan Z., Herlache A.D., 2017], в частности отсутствием выделения общего для всех аспектов компонента (например, антагонизма или чувства собственной важности) и раскрытием нейротического компонента как основополагающей характеристики сензитивного нарциссизма, что отражает существующие разногласия в понимании структуры нарциссических проявлений. Однако иерархическая модель представляет собой попытку интеграции выделенных проявлений не-клинического нарциссизма (как индивидуального, так и группового феномена), которые на данный момент обсуждаются в психологии.

Сопоставляя три описанные модели, можно сказать, что если трехфакторная модель Дж.Д. Миллера [Miller J.D. et al., 2021] и модель спектра З. Кризана и А.Д. Херлаха [Krizan Z., Herlache A.D., 2017] определяют ядро грандиозного и сензитивного нарциссизма, тем самым доказывая их сходство, то иерархическая модель К. Седикидеса [Sedikides C., 2021] больше демонстрирует разнообразие данных черт, опуская уточнения особенностей взаимосвязей, представленных в модели аспектов нарциссизма. Несмотря на привлекательность иерархической модели, для понимания структуры нарциссических черт обращение к трехфакторной модели позволяет описывать нарциссизм в более широких личностных чертах.

Дальнейшее развитие представленных выше моделей привело к разработке круговой модели нарциссических черт Р. Рогозы [Rogoza R. et al., 2019]. Модель основана на основных и дополнительных осиях, описывающих личностные черты. Так, Альфа/Стабильность отражает эмоциональную и социальную стабильность, оси графически образуют круговую модель, в которой грандиозный нарциссизм расположен бли-

же к оси Поиск ощущений, импульсивность, а сензитивный нарциссизм — рядом с осью Дисгармония, нейротизм. Модель также подтверждает ядро нарциссических черт как чувство собственной важности и право на особое отношение, т.к. оба типа нарциссизма находятся рядом с осью Антисоциальные тенденции, что также было описано в модели спектра [Krizan Z., Herlache A.D., 2017] и при характеристике антагонизма в трехфакторной модели [Miller et al., 2021]. Круговая модель нарциссических черт Р. Рогозы [Rogoza R. et al., 2019] подчеркивает многогранность нарциссизма, описывая различия и сходства грандиозного и сензитивного нарциссизма.

Проведенный анализ позволяет сформулировать области применения рассмотренных моделей нарциссизма в исследованиях. Для более точного понимания феномена нарциссизма следует учитывать все вышеописанные модели в зависимости от исследовательских задач. В частности, трехфакторная модель Дж.Д. Миллера применима для решения следующих задач: в эмпирических исследованиях, требующих операционализации и точного измерения грандиозного и сензитивного нарциссизма; при изучении связей нарциссизма с базовыми личностными чертами (в рамках диспозиционного подхода); в исследованиях, ориентированных на прогнозирование конкретных личностных проявлений.

Модель спектра З. Кризана и А.Д. Херлаха может применяться при исследовании континуума нарциссических проявлений и переходных видов между грандиозностью и сензитивностью; в исследованиях, ориентированных на изучение общего ядра нарциссизма (чувства собственной важности); при решении задач, требующих гибкого понимания нарциссизма как многогранного феномена, в особенности в качественных исследованиях и теоретическом моделировании, где важна целостность концептуализации.

Исследованиям, ориентированным на комплексное изучение нарциссизма на разных уровнях (индивидуальном и коллективном), следует учитывать иерархическую модель нарциссизма К. Седикидеса.

Из описания структурных моделей следует, что грандиозный и сензитивный нарциссизм представляют собой две более частные, связанные друг с другом черты нарциссизма. Однако остается не раскрытым механизм проявления нарциссических черт, что будет изложено далее в рамках процессных моделей.

Процессные модели нарциссизма

Одна из первых моделей, включающих как грандиозный, так и сензитивный нарциссизм, — модель саморегуляции нарциссизма К.К. Морфа и Ф. Родеволта [Morf C.C., Rhodewalt F., 2001; Morf C.C. et al., 2011]. В отличие от диспозиционного подхода, авторы рассматривают нарциссизм как динамический процесс поддержания позитивного образа себя, восходящий к психоаналитической традиции. Согласно модели, проявления нарциссизма (специфический способ регуляции представлений о себе) зависят от выраженности грандиозности или сензитивности и наличия угроз самооценке. Во-первых, грандиозный нарциссизм выражается в активных стратегиях утверждения социального статуса через самопрезентацию и демонстрацию превосходства. Во-вторых, сензитивный нарциссизм характеризуется избегающим поведением, направленным на контроль и минимизацию угроз самооценке. Модель объясняет противоречивые поведенческие проявления при грандиозном и сензитивном нарциссизме: от социальной привлекательности и целеустремленности до обесценивания других и агрессивных реакций на критику [Morf C.C., Rhodewalt F., 2001; Morf C.C. et al., 2011]. Учет и грандиозного, и сензитивного нарциссизма объясняет всю картину поведенческих реакций и личностных характеристик нарциссизма [Morf C.C., Rhodewalt F., 2001]. Данная модель описывает процесс саморегуляции представления о себе при нарциссизме, учитывая характеристики как грандиозного, так и сензитивного нарциссизма. Описание особенностей саморегуляции при разных проявлениях черт нарциссизма стало основой для других современных теорий нарциссизма.

Достоинствами модели саморегуляции нарциссизма К.К. Морфа и Ф. Родеволта можно считать описание различных поведенческих стратегий при грандиозном и сензитивном нарциссизме, учет ситуационных факторов и их взаимодействие с личностными особенностями. Ограниченностю данной модели видится в недо-

статочном объяснении происхождения и устойчивости нарциссических паттернов, а также довольно узком описании мотивационной основы нарциссического поведения без учета роли базовых психологических потребностей.

Идея о том, что нарциссизм связан с дефицитом базовых потребностей и что это может быть причиной острой реакции обладателей нарциссизма на угрозы их самооценке извне, привела к разработке теории нарциссической самодетерминации.

На основании теории самодетерминации Э. Десси и Р. Райна [Райан Р.М., Деси Э.Л., 2003; Deci E.L., Ryan R.M., 2008], К. Седикидес [Sedikides C., 2019] делает попытку объяснить причины нарциссизма через систему потребностей и мотивов. Согласно теории самодетерминации, существуют три основные потребности: автономия, компетентность и принадлежность. Если эти потребности не удовлетворены, люди теряют мотивацию к деятельности [Sedikides C., 2019].

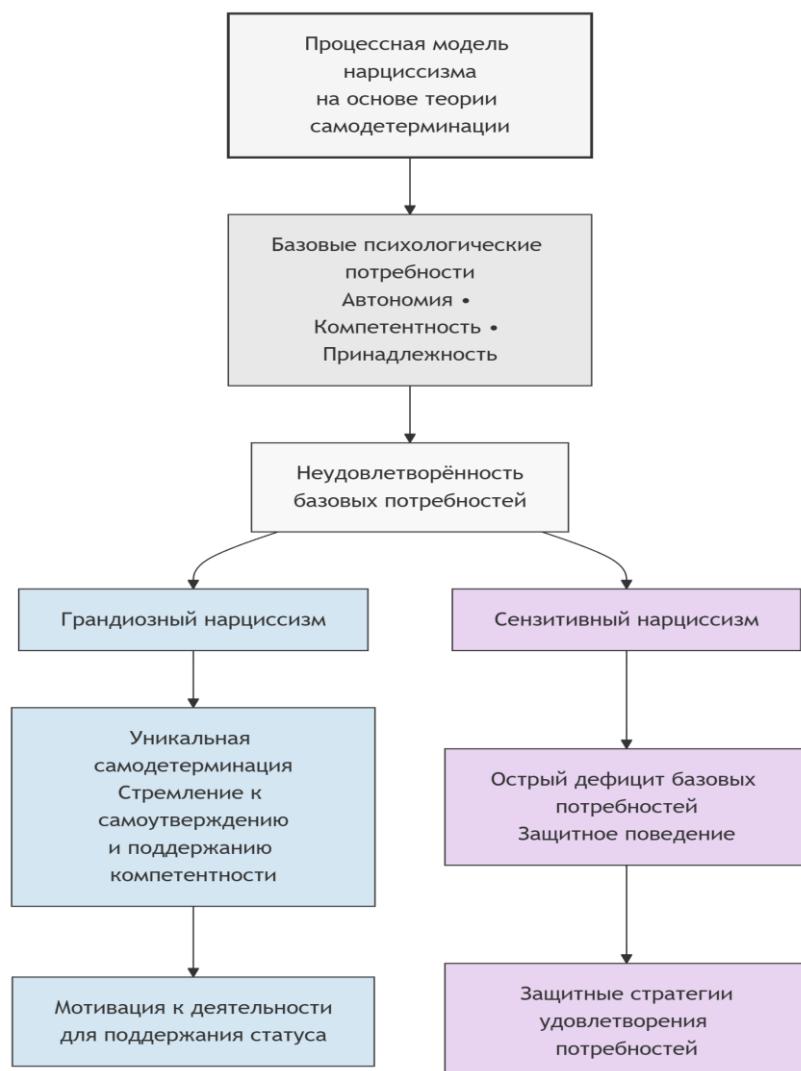

Рис. 2. Процессная модель нарциссизма К. Седикидеса

Fig. 2. C. Sedikides's process model of narcissism

Однако при грандиозном и сензитивном нарциссизме обнаруживается уникальная самодетерминация, т.к. неудовлетворенность базовыми потребностями не останавливает личность

на пути к достижению поставленных целей, особенно связанных с поддержанием статуса (см. рис. 2). В основе нарциссического поведения (независимо от того, какой аспект рассмат-

риается — грандиозный или сензитивный) лежит стремление к самоутверждению и поддержанию своей компетентности (мотивация к деятельности). К. Седикидес [Sedikides C., 2019] отмечает, что по сравнению с обладателями выраженного грандиозного нарциссизма, обладатели выраженного сензитивного нарциссизма испытывают дефицит базовых потребностей более остро. Вероятно, это является причиной защитного поведения, с помощью которого при сензитивном нарциссизме личность может удовлетворить психологические потребности в автономии, компетентности и принадлежности [Thomaes S. et al., 2018; Crowe M.L. et al., 2019].

Преимущество модели К. Седикидеса заключается в интегративном потенциале, соединяя мотивационные, аффективные и когнитивные аспекты. Данная модель предлагает теоретическое обоснование происхождения нарциссизма через фрустрацию базовых потребностей, а также открывает перспективы для практического применения данной модели в психологическом консультировании и психотерапии нарциссических черт. Однако модель К. Седикидеса недостаточно эмпирически подтверждена по сравнению с другими моделями, слабо операционализирована для исследований.

Модель «Нарциссическое стремление к статусу», разработанная С. Грапасом [Grapsas S. et al., 2020], постулирует, что основным мотивом нарциссизма является достижение и сохранение высокого социального статуса. С. Грапас [Grapsas S. et al., 2020] обнаружил, что процесс реализации данного мотива проходит последовательные этапы: отбор релевантных ситуаций, повышенное внимание к статусным сигналам, их когнитивная оценка и реализация ответных действий.

В зависимости от результатов оценки ситуации активируется один из двух поведенческих паттернов. При благоприятных возможностях для повышения статуса доминирует агентная стратегия, проявляющаяся в демонстративной самопрезентации. В противном случае преобладают антагонистические реакции, направленные на снижение статуса окружающих через их принижение. По мнению авторов модели, повторяющиеся поведенческие активации в стремлении к статусу со временем формируют черту личности (нарциссизм). В данной модели детально описан процесс достижения статуса

при грандиозном нарциссизме, однако Грапас и соавт. отмечают, что в ситуациях, когда человек ощущает угрозу своему социальному статусу, он испытывает сензитивный нарциссизм [Grapsas S. et al., 2020].

Стоит отметить, что в модели С. Грапаса [Grapsas S. et al., 2020] находит свое отражение структурная трехфакторная модель Дж.Д. Миллера [Miller J.D. et al., 2021] в части поведенческих проявлений аспектов грандиозного нарциссизма. Касательно грандиозного нарциссизма — его потребности и поведение объяснены достаточно полно, однако данные о сензитивном нарциссизме еще недостаточны, а исследования сензитивного нарциссизма уступают работам, сфокусированным на разработке представлений о грандиозном нарциссизме.

Сильной стороной модели С. Грапаса являются детально описанные механизмы достижения статуса, предлагающие четкую последовательность процессов: от выбора ситуации до выполнения поведенческих реакций. Данная модель имеет потенциал для эмпирической проверки. Слабой же стороной модели является отсутствие объяснений поведения при сензитивном нарциссизме. Автор упрощает мотивационную основу при нарциссизме, сводя ее преимущественно к достижению статуса.

В недавней работе Н. Махадеван и С. Джордан [Mahadevan N., Jordan Ch., 2022] была поставлена цель более детально изучить сензитивный нарциссизм и мотивацию стремления к статусу. Оказывается, что при сензитивном нарциссизме социальный статус является одной из ключевых потребностей, как и при грандиозном нарциссизме, что согласуется с теорией нарциссической самодетерминации [Sedikides C., 2019]. Ключевое различие заключается в самовосприятии: при грандиозном нарциссизме отмечается отсутствие стремления принадлежать социальной группе, а при сензитивном нарциссизме обнаруживается стремление к принадлежности, включенной в социальную группу, которое сопровождается убежденностью в собственном низком социальном статусе по сравнению с окружающими. В таком случае главной целью при грандиозном нарциссизме становится достижение статуса, которое сопровождается уверенностью в успешном его достижении, тогда как стратегии повышения социального статуса при сензитивном нарциссиз-

ме сводятся к социальной интеграции, избеганию конкуренции. Данные результаты дополняют модель «Нарциссического стремления к статусу» [Grapsas S. et al., 2020], объясняя специфику сензитивного нарциссизма.

Попыткой ответить на вопросы: что побуждает человека с грандиозным и сензитивным нарциссизмом выбирать столь отличные друг от друга модели поведения и почему при сензитивном нарциссизме дефицит базовых психологических потребностей наблюдается ярче, является рассмотрение императивной функции самоуважения, описанной в теории иерометра [Mahadevan N. et al., 2016; Mahadevan N., Jordan Ch., 2022]. В данной теории предполагается, что самоуважение регулирует поведение, направленное на поиск статуса. Высокое самоуважение при грандиозном нарциссизме проявляется в напористости, а низкое самоуважение при сензитивном нарциссизме ведет к уступчивости и отказу от борьбы за статус, что объясняет более выраженный дефицит базовых потребностей при этом виде нарциссизма.

Применение модели иерометра для объяснения нарциссизма имеет ограничения, т.к. сведение сложных поведенческих различий к единственному фактору самоуважения может упрощать многогранную природу нарциссизма. Модель иерометра представляет значительную ценность как эвристический инструмент, однако требует интеграции с другими теоретическими подходами для создания более комплексного объяснения механизмов нарциссизма. Особенно перспективным представляется ее сочетание с теорией самодетерминации для объяснения источников формирования разных уровней самоуважения при грандиозном и сензитивном нарциссизме.

Анализ рассмотренных теорий позволяет выделить различия грандиозного и сензитивного нарциссизма в мотивации, стратегиях саморегуляции и реакциях на социальные угрозы. Грандиозный нарциссизм формируется через зависимость от внешнего подтверждения, в то время как сензитивный нарциссизм развивается как защитная реакция на хрупкую самооценку [Morf C.C., Rhodewalt F., 2001; Morf C.C. et al., 2011]; нарциссические проявления могут быть компенсаторной реакцией на неудовлетворенные базовые психологические потребности [Sedikides C., 2019]; для грандиозного нарцис-

сизма свойственно активное завоевание статуса (демонстрация превосходства) [Grapsas S. et al., 2020], а для сензитивного нарциссизма ключевым становится избегание угроз статусу и сохранение принадлежности к группе (используя преимущественно пассивные стратегии поведения (обида, зависть)) [Mahadevan N., Jordan Ch., 2022]. Теоретизирование процессных моделей в основном строится на объяснении специфики поведения при грандиозном и сензитивном нарциссизме, рассматривая систему потребностей и мотивов человека.

Выводы и перспективы дальнейших исследований

Проведенный анализ существующих современных моделей и теорий неклинического нарциссизма делает возможным выделить ряд положений, меняющих традиционное представление о нарциссизме как черте личности.

Во-первых, исходя из вышеупомянутых исследований можно сформулировать следующее определение грандиозного и сензитивного нарциссизма. Грандиозный нарциссизм — это черта неклинического нарциссизма, характеризующаяся преувеличенным чувством собственной значимости, эгоизмом, демонстративностью и потребностью в восхищении, низкой эмпатией, а также склонностью к манипулированию и доминированию в социальных взаимодействиях. Сензитивный нарциссизм — это черта неклинического нарциссизма, характеризующаяся преувеличенным чувством собственной значимости, эгоцентризмом, гиперчувствительностью к оценкам окружающих, скрытой неуверенностью, избирательной эмпатией, склонностью к тревоге и негативным переживаниям, пассивно-агgressивным паттернам поведения.

Во-вторых, анализ структурных моделей нарциссизма показывает, что трехфакторная модель Дж.Д. Миллера [Miller J.D. et al., 2021] совмещает различные подходы к изучению грандиозного и сензитивного нарциссизма: включает нарциссические черты в общепринятую диспозиционную модель личности, а также рассматривает аспекты нарциссизма, определяющие антагонистическое ядро нарциссических черт и специфику каждой из них. Данная модель имеет значительную объяснительную силу, позволяя понять парадоксальное сочетание позитивных и негативных коррелятов нарциссизма. Она демонстрирует, как различ-

ные комбинации трех основных аспектов могут приводить к разным поведенческим проявлениям — от социально успешного лидерства до межличностных конфликтов и психологического дистресса.

Трехфакторная модель Дж.Д. Миллера [Miller J.D. et al., 2021] соответствует отечественной традиции и может быть встроена в текущие исследования личностных черт, например, в психологии индивидуальных различий позволит изучить черты Темной триады и тетрады на уровне аспектов и сформировать представления о связях негативных личностных черт с другими психологическими конструктами (напр., [Красавцева Ю.В., Корнилова Т.В., 2019; Корниенко Д.С. и др., 2022]); в психодиагностике может способствовать уточнению имеющихся и разработке новых психодиагностических инструментов для более точного выявления и прогнозирования деструктивного поведения (см. напр., [Клепикова Н.М., 2013; Нестерова С.Б., 2017]); в клинической психологии расширит представления о нарциссизме как психологическом феномене в целом и позволит уточнить критерии перехода нормы в патологию (см. напр., [Соколов С.Е., 2009; Лутова Н.Б. и др., 2021]).

В-третьих, выбор ведущей процессной модели нарциссизма затруднителен, т.к. модели дополняют друг друга и тем самым формируют общее представление о механизме проявления грандиозного и сензитивного нарциссизма. Поскольку исследуются преимущественно мотивы и потребности при нарциссических чертах, то можно выделить теорию самодетерминации Э. Десси и Р. Райна [Райан Р.М., Десси Э.Л., 2003; Deci E.L., Ryan R.M., 2008], адаптированную к исследованию нарциссизма в работе К. Седикидеса [Sedikides C., 2019]. Важным достоинством теории является ее интегративный потенциал: она органично сочетает когнитивные, аффективные и мотивационные компоненты нарциссизма, что позволяет преодолеть фенотипические различия между грандиозными и сензитивными проявлениями. При этом модель К. Седикидеса позволяет избежать рассмотрения нарциссических черт в контексте патологии, фокусируется на нормальном процессе саморегуляции и самореализации, рассматривает специфику поведения при грандиозном и сензитивном нарциссизме как компенсаторную стратегию при фрустрации базовых потребностей.

В-четвертых, интегративная модель соответствует современным тенденциям изучения нарциссизма в психологии личности и может стать перспективой как для отечественных фундаментальных исследований (расширения представлений о механизмах проявления нарциссических черт), так и прикладных исследований, к примеру, предлагая стратегии работы с нарциссическими проявлениями через удовлетворение базовых психологических потребностей, цельное изучение особенностей профессиональной и образовательной среды, где вопросы мотивации и самореализации имеют первостепенное значение, а нарциссические черты могут оказывать прямое влияние на человека.

Проведенный комплексный анализ современных исследований нарциссизма позволяет сформулировать следующую методологическую позицию в отношении понимания нарциссизма: нарциссизм представляет собой нормативную личностную черту, обладающую различными адаптивными аспектами в рамках континуума. Преодоление традиционной дихотомии «норма – патология» открывает возможности для рассмотрения нарциссизма как сложной, многомерной черты. Грандиозный и сензитивный нарциссизм, при всей внешней противоположности проявлений, образуют единую обобщенную личностную черту, где антагонизм и чувство собственной важности составляют общее ядро для отдельных подчерт нарциссизма (отражены в структурных моделях нарциссизма), а различия определяются спецификой саморегуляционных стратегий (представлены в процессных моделях). При эмпирическом исследовании нарциссизма целесообразно рассматривать не только грандиозный нарциссизм, но и сензитивный, т.к. учет обеих черт создает теоретическое единство и поддерживает интегративный подход современной науки к нарциссизму.

Современный этап изучения нарциссизма характеризуется переходом от общих теоретических конструктов к детальному анализу его более частных черт и аспектов — изучение грандиозного и сензитивного нарциссизма и их эмпирическая проверка, включая уточнение структурных и процессных особенностей, представляет собой ключевое направление дальнейших исследований.

Список литературы

Кернберг О.Ф. Тяжелые личностные расстройства / пер. с англ. М.И. Завалова. М.: Класс, 2000. 464 с.

Клепикова Н.М. Нарциссизм как объект дифференциальной психометрики // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2013. Т. 3, № 4. С. 5–18. URL: <http://scifored.ru/article/345> (дата обращения: 07.09.2022).

Корниенко Д.С., Вязовкина В.К., Горностаев И.С. Адаптация и психометрическая проверка методики «Короткий опросник темной тетрады» // Психологический журнал. 2022. Т. 43, № 5. С. 87–98. DOI: <https://doi.org/10.31857/s020595920022787-1>

Красавцева Ю.В., Корнилова Т.В. Нарциссизм как «светлая» черта в Темной триаде // Консультативная психология и психотерапия. 2019. Т. 27, № 4. С. 65–80. DOI: <https://doi.org/10.17759/cpr.2019270405>

Лутова Н.Б., Макаревич О.В., Вид В.Д., Новикова К.Е., Сорокин М.Ю. Внутренняя стигма и нарциссическая регуляция больных эндогенными психозами // Российский психологический журнал. 2021. Т. 18, № 3. С. 18–31. DOI: <https://doi.org/10.21702/rpj.2021.3.2>

Нестерова С.Б. Стандартизация и адаптация зарубежной методики «Шкала сензитивного нарциссизма» Х.М. Хендин и Дж.М. Чик (HSNS) // Сибирский педагогический журнал. 2017. № 1. С. 117–123.

Райан Р.М., Деси Э.Л. Теория самодетерминации и поддержка внутренней мотивации, социальное развитие и благополучие / пер. с англ. Н.А. Вороновой // Вестник Барнаульского государственного педагогического университета. 2003. Вып. 3–1. С. 97–111.

Соколов С.Е. Ценностные корреляты нарциссических проявлений личности: в пределах психической нормы: дис. канд. психол. наук. Хабаровск, 2009. 236 с.

Терехин А.С. Нарциссическое расстройство личности // Актуальные исследования. 2022. № 36(115). С. 69–71. URL: <https://apni.ru/article/4566-nartsissicheskoe-rasstrojstvo-lichnosti> (дата обращения: 07.07.2025).

Crowe M.L., Lynam D.R., Campbell W.K., Miller J.D. Exploring the structure of narcissism: toward an integrated solution // Journal of Personality. 2019. Vol. 87, iss. 6. P. 1151–1169. DOI: <https://doi.org/10.1111/jopy.12464>

Deci E.L., Ryan R.M. Self-determination theory: A macrotheory of human motivation, development,

and health // Canadian Psychology. 2008. Vol. 49, no. 3. P. 182–185. DOI: <https://doi.org/10.1037/a0012801>

Gabriel M.T., Critelli J.W., Ee J.S. Narcissistic illusions in self-evaluations of intelligence and attractiveness // Journal of Personality. 1994. Vol. 62, iss. 1. P. 143–155. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1467-6494.1994.tb00798.x>

Grapsas S., Brummelman E., Back M.D., Denissen J.J.A. The «why» and «how» of narcissism: A process model of narcissistic status pursuit // Perspectives on Psychological Science. 2020. Vol. 15, iss. 1. P. 150–172. DOI: <https://doi.org/10.1177/1745691619873350>

Hendin H.M., Cheek J.M. Assessing hypersensitive narcissism: A reexamination of Murray's narcissism scale // Journal of Research in Personality. 1997. Vol. 31, iss. 4. P. 588–599. DOI: <https://doi.org/10.1006/jrpe.1997.2204>

Krizar Z., Herlache A.D. The narcissism spectrum model: A synthetic view of narcissistic personality // Personality and Social Psychology Review. 2017. Vol. 22, iss. 1. P. 3–31. DOI: <https://doi.org/10.1177/1088868316685018>

Levy K.N., Ellison W.D., Reynoso J.S. A historical review of narcissism and narcissistic personality // The handbook of narcissism and narcissistic personality disorder: Theoretical approaches, empirical findings, and treatments / ed. by W.K. Campbell, J.D. Miller. Hoboken, NJ: John Wiley & Sons, 2011. P. 3–13. DOI: <https://doi.org/10.1002/9781118093108.ch1>

Mahadevan N., Gregg A.P., Sedikides C., Waal-Andrews W.G. de. Winners, losers, insiders, and outsiders: Comparing hierometer and sociometer theories of self-regard // Frontiers in Psychology. 2016. Vol. 7. URL: <https://public-pages-files-2025.frontiersin.org/journals/psychology/articles/10.3389/fpsyg.2016.00334/pdf> (accessed: 12.05.2025). DOI: <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2016.00334>

Mahadevan N., Jordan Ch. Desperately seeking status: How desires for, and perceived attainment of, status and inclusion relate to grandiose and vulnerable narcissism // Personality and Social Psychology Bulletin. 2022. Vol. 48, iss. 5. P. 704–717. DOI: <https://doi.org/10.1177/01461672211021189>

Miller J.D., Back M.D., Lynam D.R., Wright A.G.C. Narcissism today: what we know and what we need to learn // Current Directions in Psychological Science. 2021. Vol. 30, iss. 6. P. 519–525. DOI: <https://doi.org/10.1177/09637214211044109>

Miller J.D., Gentile B., Carter N.T., Crowe M., Hoffman B.J., Campbell W.K. A comparison of the

nomological networks associated with forced-choice and likert formats of the Narcissistic Personality Inventory // *Journal of Personality Assessment*. 2018. Vol. 100, iss. 3. P. 259–267. DOI: <https://doi.org/10.1080/00223891.2017.1310731>

Miller J.D., Hoffman B.J., Gaughan E.T., Gentle B., Maples J., Campbell W.K. Grandiose and vulnerable narcissism: a nomological network analysis // *Journal of Personality*. 2011. Vol. 79, iss. 5. P. 1013–1042. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1467-6494.2010.00711.x>

Miller J.D., Lynam D.R., Vize C., Crowe M., Sleep Ch., Maples-Keller J.L., Few L.R., Campbell W.K. Vulnerable narcissism is (mostly) a disorder of neuroticism // *Journal of Personality*. 2018. Vol. 86, iss. 2. P. 186–199. DOI: <https://doi.org/10.1111/jopy.12303>

Morf C.C., Rhodewalt F. Unraveling the paradoxes of narcissism: a dynamic self-regulatory processing model // *Psychological Inquiry*. 2001. Vol. 12, iss. 4. P. 177–196. DOI: https://doi.org/10.1207/s15327965pli1204_1

Morf C.C., Torchetti L., Schürch E. Narcissism from the perspective of the dynamic self-regulatory processing model // *The handbook of narcissism and narcissistic personality disorder: Theoretical approaches, empirical findings, and treatments* / ed. by W.K. Campbell, J.D. Miller. Hoboken, NJ: John Wiley & Sons, 2011. P. 56–70.

Murray H.A. Explorations in personality. N.Y.: Oxford University Press, 1938. 780 p.

Paulhus D.L. Interpersonal and intrapsychic adaptiveness of trait self-enhancement: A mixed blessing? // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1998. Vol. 74, iss. 5. P. 1197–1208. DOI: <https://doi.org/10.1037/0022-3514.74.5.1197>

Pincus A.L., Lukowitsky M.R. Pathological narcissism and narcissistic personality disorder // *Annual Review of Clinical Psychology*. 2010. Vol. 6. P. 421–446. DOI: <https://doi.org/10.1146/annurev.clinpsy.121208.131215>

Raskin R.N., Hall C.S. A narcissistic personality inventory // *Psychological Reports*. 1979. Vol. 45, iss. 2. P. 590. DOI: <https://doi.org/10.2466/pr.1979.45.2.590>

Rogoza R., Cieciuch J., Strus W., Baran T. Seeking a common framework for research on narcissism: An attempt to integrate the different faces of narcissism within the circumplex of personality metatraits // *European Journal of Personality*. 2019. Vol. 33, iss. 4. P. 437–455. DOI: <https://doi.org/10.1002/per.2206>

Sedikides C. In search of Narcissus // *Trends in Cognitive Sciences*. 2021. Vol. 25, iss. 1. P. 67–80. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.tics.2020.10.010>

Stone B.M., Bartholomay E.M. A two-factor structure of the Hypersensitive Narcissism Scale describes gender-dependent manifestations of covert narcissism // *Current Psychology*. 2022. Vol. 41, iss. 9. P. 6051–6062. DOI: <https://doi.org/10.1007/s12144-020-01088-2>

Thomaes S., Brummelman E., Sedikides C. Narcissism: a social-developmental perspective // *The SAGE handbook of personality and individual differences. Vol. III: Applications of personality and individual differences* / ed. by V. Zeigler-Hill, T.K. Shackelford. London, UK: Sage, 2018. P. 377–396. DOI: <https://doi.org/10.4135/9781526470300.n16>

Watson L.R., Patten E., Baranek G.T., Poe M., Boyd B.A., Freuler A., Lorenzi J. Differential associations between sensory response patterns and language, social, and communication measures in children with autism or other developmental disabilities // *Journal of Speech, Language, and Hearing Research*. 2011. Vol. 54, no. 6. P. 1562–1576. DOI: [https://doi.org/10.1044/1092-4388\(2011/10-0029\)](https://doi.org/10.1044/1092-4388(2011/10-0029)

Wink P. Two faces of narcissism // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1991. Vol. 61, iss. 4. P. 590–597. DOI: <https://doi.org/10.1037/0022-3514.61.4.590>

Zajenkowski M., Witowska J., Maciantowicz O., Malesza M. Vulnerable past, grandiose present: The relationship between vulnerable and grandiose narcissism, time perspective and personality // *Personality and Individual Differences*. 2016. Vol. 98. P. 102–106. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.paid.2016.03.092>

References

Crowe, M.L., Lynam, D.R., Campbell, W.K. and Miller, J.D. (2019). Exploring the structure of narcissism: toward an integrated solution. *Journal of Personality*. Vol. 87, iss. 6, pp. 1151–1169. DOI: <https://doi.org/10.1111/jopy.12464>

Deci, E.L. and Ryan, R.M. (2008). Self-determination theory: A macrotheory of human motivation, development, and health. *Canadian Psychology*. Vol. 49, no. 3, pp. 182–185. DOI: <https://doi.org/10.1037/a0012801>

Gabriel, M.T., Critelli, J.W. and Ee, J.S. (1994). Narcissistic illusions in self-evaluations of intelligence and attractiveness. *Journal of Personality*. Vol. 62, iss. 1, pp. 143–155. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1467-6494.1994.tb00798.x>

Grapsas, S., Brummelman, E., Back, M.D. and Denissen, J.J.A. (2020). The «why» and «how» of narcissism: A process model of narcissistic status pursuit. *Perspectives on Psychological Science*.

Vol. 15, iss. 1, pp. 150–172. DOI: <https://doi.org/10.1177/1745691619873350>

Hendin, H.M. and Cheek, J.M. (1997). Assessing hypersensitive narcissism: A reexamination of Murray's narcissism scale. *Journal of Research in Personality*. Vol. 31, iss. 4, pp. 588–599. DOI: <https://doi.org/10.1006/jrpe.1997.2204>

Kernberg, O.F. (2000). *Tyazhelye lichnostnye rastroystva* [Severe personality disorders]. Moscow: Klass Publ., 464 p.

Klepikova, N.M. (2013). [Narcissism as an object of differential psychometrics]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Novosibirsk State Pedagogical University Bulletin]. Vol. 3, no. 4, pp. 5–18. Available at: <http://sciforedu.ru/article/345> (accessed 07.09.2022).

Kornienko, D.S., Vyazovkina, V.K. and Gornostanov, I.S. (2022). [Adaptation and psychometric properties of the Dark Tetrad short questionnaire]. *Psichologicheskiy zhurnal* [Psychological Journal]. Vol. 43, no. 5, pp. 87–98. DOI: <https://doi.org/10.31857/s020595920022787-1>

Krasavtseva, Yu.V. and Kornilova, T.V. (2019). [Narcissism as a «light» trait in the Dark Triad]. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya* [Counseling Psychology and Psychotherapy]. Vol. 27, no. 4, pp. 65–80. DOI: <https://doi.org/10.17759/cpp.2019270405>

Krizan, Z. and Herlache, A.D. (2017). The narcissism spectrum model: A synthetic view of narcissistic personality. *Personality and Social Psychology Review*. Vol. 22, iss. 1, pp. 3–31. DOI: <https://doi.org/10.1177/1088868316685018>

Levy, K.N., Ellison, W.D. and Reynoso, J.S. (2011). A historical review of narcissism and narcissistic personality. W.K. Campbell, J.D. Miller (eds.) *The handbook of narcissism and narcissistic personality disorder: Theoretical approaches, empirical findings, and treatments*. Hoboken, NJ: John Wiley & Sons Publ., pp. 3–13. DOI: <https://doi.org/10.1002/9781118093108.ch1>

Lutova, N.B., Makarevich, O.V., Vid, V.D., Novikova, K.E. and Sorokin, M.Yu. (2021). [Internalized stigma and narcissistic regulation among patients with endogenous psychoses]. *Rossiyskiy psichologicheskiy zhurnal* [Russian Psychological Journal]. Vol. 18, no. 3, pp. 18–31. DOI: <https://doi.org/10.21702/rpj.2021.3.2>

Mahadevan, N., Gregg, A.P., Sedikides, C. and Waal-Andrews, W.G. de. (2016). Winners, losers, insiders, and outsiders: Comparing hierometer and sociometer theories of self-regard. *Frontiers in Psychology*. Vol. 7. Available at: <https://public-pages-files-2025.frontiersin.org/journals/psychology/articles/10.3389/fpsyg.2016.00334/pdf> (accessed 12.05.2025).

DOI: <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2016.00334>

Mahadevan, N. and Jordan, Ch. (2022). Desperately seeking status: How desires for, and perceived attainment of, status and inclusion relate to grandiose and vulnerable narcissism. *Personality and Social Psychology Bulletin*. Vol. 48, iss. 5, pp. 704–717. DOI: <https://doi.org/10.1177/01461672211021189>

Miller, J.D., Back, M.D., Lynam, D.R. and Wright, A.G.C. (2021). Narcissism today: what we know and what we need to learn. *Current Directions in Psychological Science*. Vol. 30, iss. 6, pp. 519–525. DOI: <https://doi.org/10.1177/09637214211044109>

Nesterova, S.B. (2017). [Standardization and adaptation foreign methods «scale senzitivnost narcissism» H.M. Hendin and J.M. Cheek (HSNS)]. *Sibirskiy pedagogicheskiy zhurnal* [Siberian Pedagogical Journal]. No. 1, pp. 117–123.

Miller J.D., Gentile B., Carter N.T., Crowe M., Hoffman B.J. and Campbell W.K. (2018). A comparison of the nomological networks associated with forced-choice and likert formats of the Narcissistic Personality Inventory. *Journal of Personality Assessment*. Vol. 100, iss. 3, pp. 259–267. DOI: <https://doi.org/10.1080/00223891.2017.1310731>

Miller, J.D., Hoffman, B.J., Gaughan, E.T., Gentile, B., Maples, J. and Campbell, W.K. (2011). Grandiose and vulnerable narcissism: a nomological network analysis. *Journal of Personality*. Vol. 79, iss. 5, pp. 1013–1042. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1467-6494.2010.00711.x>

Miller J.D., Lynam D.R., Vize C., Crowe M., Sleep Ch., Maples-Keller J.L., Few L.R. and Campbell W.K. (2018). Vulnerable narcissism is (mostly) a disorder of neuroticism. *Journal of Personality*. Vol. 86, iss. 2, pp. 186–199. DOI: <https://doi.org/10.1111/jopy.12303>

Morf, C.C. and Rhodewalt, F. (2001). Unraveling the paradoxes of narcissism: a dynamic self-regulatory processing model. *Psychological Inquiry*. Vol. 12, iss. 4, pp. 177–196. DOI: https://doi.org/10.1207/s15327965pli1204_1

Morf C.C., Torchetti L. and Schürch E. (2011). Narcissism from the perspective of the dynamic self-regulatory processing model. W.K. Campbell, J.D. Miller (eds.) *The handbook of narcissism and narcissistic personality disorder: Theoretical approaches, empirical findings, and treatments*. Hoboken, NJ: John Wiley & Sons Publ., pp. 56–70.

Murray, H.A. (1938). *Explorations in personality*. New York: Oxford University Press, 780 p.

- Paulhus, D.L. (1998). Interpersonal and intrapsychic adaptiveness of trait self-enhancement: A mixed blessing? *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 74, iss. 5, pp. 1197–1208. DOI: <https://doi.org/10.1037/0022-3514.74.5.1197>
- Pincus, A.L. and Lukowitsky, M.R. (2010). Pathological narcissism and narcissistic personality disorder. *Annual Review of Clinical Psychology*. Vol. 6, pp. 421–446. DOI: <https://doi.org/10.1146/annurev.clinpsy.121208.131215>
- Raskin, R.N. and Hall, C.S. (1979). A narcissistic personality inventory. *Psychological Reports*. Vol. 45, iss. 2, p. 590. DOI: <https://doi.org/10.2466/pr0.1979.45.2.590>
- Rogoza, R., Cieciuch, J., Strus, W. and Baran, T. (2019). Seeking a common framework for research on narcissism: An attempt to integrate the different faces of narcissism within the circumplex of personality metatraits. *European Journal of Personality*. Vol. 33, iss. 4, pp. 437–455. DOI: <https://doi.org/10.1002/per.2206>
- Ryan, R.M. and Deci, E.L. (2003). [Self-determination theory and the facilitation of intrinsic motivation, social development, and well-being]. *Vestnik Barnaulskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. Iss. 3–1, pp. 97–111.
- Sedikides, C. (2021). In search of Narcissus. *Trends in Cognitive Sciences*. Vol. 25, iss. 1, pp. 67–80. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.tics.2020.10.010>
- Sokolov, S.E. (2009). *Tsennostnye korrelyaty nartsissicheskikh proyavleniy lichnosti: v predelakh psikhicheskoy normy: dis. ... kand. psichol. nauk* [Value correlates of narcissistic personality manifestations: within the limits of the mental norm: Abstract of Ph.D. dissertation]. Khabarovsk, 236 p.
- Stone, B.M. and Bartholomay, E.M. (2022). A two-factor structure of the Hypersensitive Narcissism Scale describes gender-dependent manifestations of covert narcissism. *Current Psychology*. Vol. 41, iss. 9, pp. 6051–6062. DOI: <https://doi.org/10.1007/s12144-020-01088-2>
- Terekhin, A.S. (2022). [Narcissistic personality disorder]. *Aktual'nye issledovaniya* [Actual research]. No. 36(115), pp. 69–71. Available at: <https://apni.ru/article/4566-nartsissicheskoe-rasstrojstvo-lichnosti> (accessed 07.07.2025).
- Thomaes, S., Brummelman, E. and Sedikides, C. (2018). Narcissism: a social-developmental perspective. V. Zeigler-Hill, T.K. Shackelford (eds.) *The SAGE handbook of personality and individual differences. Vol. III: Applications of personality and individual differences*. London, UK: Sage Publ., pp. 377–396. DOI: <https://doi.org/10.4135/9781526470300.n16>
- Watson, L.R., Patten, E., Baranek, G.T., Poe, M., Boyd, B.A., Freuler, A. and Lorenzi, J. (2011). Differential associations between sensory response patterns and language, social, and communication measures in children with autism or other developmental disabilities. *Journal of Speech, Language, and Hearing Research*. Vol. 54, no. 6, pp. 1562–1576. DOI: [https://doi.org/10.1044/1092-4388\(2011/10-0029\)](https://doi.org/10.1044/1092-4388(2011/10-0029)
- Wink, P. (1991). Two faces of narcissism. *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 61, iss. 4, pp. 590–597. DOI: <https://doi.org/10.1037/0022-3514.61.4.590>
- Zajenkowski, M., Witowska, J., Maciantowicz, O. and Malesza, M. (2016). Vulnerable past, grandiose present: The relationship between vulnerable and grandiose narcissism, time perspective and personality. *Personality and Individual Differences*. Vol. 98, pp. 102–106. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.paid.2016.03.092>

Об авторе

Ничепорук Екатерина Викторовна
аспирант кафедры общей и клинической
психологии

Пермский государственный национальный
исследовательский университет,
614068, Пермь, ул. Букирева, 15;
e-mail: ekaterina.nicheporuk@bk.ru
ResearcherID: GSN-2569-2022

About the author

Ekaterina V. Nicheporuk
Postgraduate Student of the Department
of General and Clinical Psychology

Perm State University,
15, Bukirev st., Perm, 614068, Russia;
e-mail: ekaterina.nicheporuk@bk.ru
ResearcherID: GSN-2569-2022

СОЦИОЛОГИЯ

УДК 316.016
<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2025-4-616-628>
<https://elibrary.ru/zpaeoj>

Поступила: 09.06.2025
Принята: 18.09.2025
Опубликована: 26.12.2025

К ВОПРОСУ ОБ ОЦЕНКЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ УПРАВЛЕНИЯ СТУДЕНЧЕСКИМИ СПОРТИВНЫМИ КЛУБАМИ

Желинская Марья Андреевна, Воронцов Алексей Васильевич

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург)

В последние десятилетия в Российской Федерации уделяется большое внимание развитию студенческого спорта. Созданная в 2013 г. Ассоциация студенческих спортивных клубов (АССК), призванная координировать развитие спорта в учебных заведениях, в настоящее время объединяет более 800 клубов при вузах и профессиональных училищах страны. Заинтересованными министерствами издан ряд нормативных актов, определяющих направление и задачи студенческих спортивных клубов (ССК). Дальнейшее развитие студенческого спорта и наблюдаемый рост количества ССК обуславливает необходимость существования эффективной системы управления ими, а совершенствование системы управления, в свою очередь, ставит вопрос о необходимости существования объективных критериев оценки его качества. Без правильной оценки качества управления не может быть эффективного развития самой структуры. Существующая система оценки деятельности ССК базируется на основе расчета рейтинга клуба, а этот расчет, в свою очередь, ведется на основе основных показателей работы, в числе которых количество членов клуба, количество команд, количество проведенных мероприятий. Огромное внимание при формировании рейтинга отводится взаимодействию с медиа — учитывается наличие собственного сайта клуба, страниц в социальных сетях и т.п. Однако существующие критерии, на основе которых оценивается эффективность управления клубом, зачастую далеки от объективности. Проблемы заключаются в отсутствии при оценке деятельности ССК критериев, характеризующих вовлеченность студентов в спортивную жизнь вуза, критериев оценки здоровья и физической подготовки студентов, в смешении разнородных с точки зрения влияния на здоровье студентов спортивных дисциплин, в частности, киберспорта.

Ключевые слова: вузы, студенческие спортивные клубы, система управления, критерии эффективности.

Для цитирования:

Желинская М.А., Воронцов А.В. К вопросу об оценке эффективности управления студенческими спортивными клубами // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2025. Вып. 4. С. 616–628.
<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2025-4-616-628>. EDN: ZPAEOJ

ON THE EFFECTIVENESS EVALUATION OF STUDENT SPORTS CLUBS' MANAGEMENT

Marya A. Zhelinskaia, Alexey V. Vorontsov

Herzen State Pedagogical University of Russia (Saint Petersburg)

In recent decades, the Russian Federation has paid great attention to the development of student sports. The Association of Student Sports Clubs, established in 2013 to coordinate the development of sports in educational institutions, currently unites more than 800 clubs at universities and vocational schools across the country. The ministries concerned have issued a number of regulations defining the direction and objectives of the activities of student sports clubs (SSCs). The further development of student sports and the observed increase in the number of SSCs necessitates ensuring an effective management system for them; the improvement of the management system, in turn, raises the question of objective criteria for assessing its quality. Without proper assessment of the quality of management, there can be no effective development of the structure itself. The existing system for evaluating the activities of SSCs is based on calculating the club's rating, and this calculation, in turn, is based on key performance indicators, including the number of club members, the number of teams, and the number of events held. When forming the rating, great attention is paid to interaction with the media — the presence of the club's own website, social networks pages, etc. is taken into account. However, the criteria on the basis of which the effectiveness of club management is currently assessed are often far from objective. The problems lie in the absence of criteria characterizing the involvement of students in the sports life of the university, in the lack of criteria for assessing the health and physical fitness of students as well as in the mixing of sports disciplines that are heterogeneous in terms of their impact on students' health, in particular, e-sports.

Keywords: universities, student sports clubs, management system, effectiveness criteria.

To cite:

Zhelinskaia M.A., Vorontsov A.V. [On the effectiveness evaluation of student sports clubs' management]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologiya. Sociologiya* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2025, issue 4, pp. 616–628 (in Russian), <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2025-4-616-628>, EDN: ZPAEOJ

Введение

В последние десятилетия развитию студенческого спорта в Российской Федерации уделяется особое внимание. В вузах формируется будущая политическая и интеллектуальная элита страны, а потому гармоничное развитие студентов, воспитание в них приверженности здоровому образу жизни приводит к формированию нравствено и физически здорового поколения, что способствует устойчивому стратегическому прогрессу России на внутренней и международной арене. В рамках решения этих задач в 2013 г. создана Ассоциация студенческих спортивных клубов (АССК), которая на сегодняшний день объединяет более 800 студенческих спортивных клубов (ССК). Всего же, по данным Федераль-

ного центра организационно-методического обеспечения физического воспитания (ФЦОМОФВ) при Министерстве просвещения РФ, в России на данный момент зарегистрировано 2795 студенческих спортивных клубов (включая ССК при профессиональных образовательных организациях)¹.

Развитие студенческого спорта и существенный рост количества ССК объективно обуславливает необходимость налаживания эффективной системы управления ими, поскольку качеством этого управления во многом будет определяться и качество решения тактических и

¹ Портал ФЦОМОФВ. URL: <https://fcomofv.ru/> (дата обращения: 24.05.2025).

стратегических задач, стоящих перед студенческим спортивным движением.

Под управлением в социологии понимается особый вид профессиональной деятельности, который не только сводится к достижению целей системы, организации, но и представляет собой средство поддержания целостности любой сложной социальной системы, ее оптимального функционирования и развития. При этом управление подразделяется на три основных области: управление техническими системами, управление биологическими системами и социальное управление [Гладышев А.Г. и др., 2001]. Совершенно очевидно, что, говоря об управлении ССК, мы имеем дело с социальным управлением, под которым, в свою очередь, понимается общественно значимая деятельность людей, осуществляемая с целью обеспечения согласованности и упорядоченности совместных действий индивидов и их коллективов в интересах эффективного достижения стоящих перед ними задач [Козлов Ю.М., Фролов Е.С., 1986, с. 57].

Социальное управление базируется на целом ряде принципов, одним из которых является **обязательность обратной связи**, т.е. получение информации о результатах воздействия управляющей системы на управляемую систему. Без такой обратной связи управляющая система не может судить ни о текущем состоянии управляемой системы, ни об эффективности управляющего воздействия. Однако формального существования обратной связи недостаточно — важны еще и ее форма, а также система объективных критериев, которые позволяют управляющей системе объективно оценивать ситуацию, что особенно важно, когда управляемая система представлена многочисленными субъектами. Простым аналогом может служить процесс оценки качества усвоения классом новой темы. Педагог после теоретического изложения и решения практических задач хочет понять, хорошо ли материал понят учениками. С этой целью он проводит контрольную работу, выставляет отметки и на основании анализа массива этих отметок может судить о том, насколько усвоена тема. Наличие аномально большого количества низких отметок, в том числе и у «сильных» учеников, будет свидетельствовать о необходимости вернуться к изучению пройденного. Соответственно, важен не только факт существования обратной связи (контрольная работа), но и факт существования **объективного** критерия

(отметка за контрольную), позволяющего педагогу в относительно короткие сроки понять, насколько усвоен материал как всей управляемой системой (учебный класс), так и отдельными субъектами управления (конкретные ученики). В принципе, уровень усвоения материала можно было бы оценить и в рамках другой формы обратной связи — на основании индивидуального собеседования с каждым учеником, но совершенно понятно, что такой подход связан с гораздо большими затратами времени и иных ресурсов.

Таким образом, в рамках реализации принципа обратной связи в социальном управлении важно выработать совокупность критериев, позволяющих в лаконичной форме, но при этом максимально объективно оценить уровень управляемой системы.

Как уже указывалось выше, в настоящее время АССК включает более 800 студенческих спортивных клубов, по результатам деятельности которых ежегодно определяется и публикуется соответствующий рейтинг. В сезоне 2023/2024 десятка лучших выглядит следующим образом (по данным Росстудспорт [Рейтинг 2023–2024..., 2024]).

Но каким образом рассчитывается этот рейтинг?

К сожалению, авторам не удалось найти ответ на этот вопрос. Пункт 45 приложения 2 к Межотраслевой программе развития студенческого спорта до 2024 г., утвержденной совместным приказом Минспорта, Минобра и Минпросвещения России от 09.03.2021 № 141/167/90, указывает, что Российский студенческий спортивный союз (РССС) совместно со студенческими спортивными лигами должен разработать независимый рейтинг, а результат этой работы должен быть подтвержден соответствующим актом [Совместный приказ № 141/167/90 от 09.03.2021]. Однако на официальном сайте РССС в перечне документов не найдено ни самого акта, ни иных документов, раскрывающих методику расчета рейтинга ССК². Нет соответствующей информации и на портале национальной ассоциации студенческого спорта Минобрнауки РФ, где опубликован вышеупомянутый

² Общероссийская общественная организация «Российский студенческий спортивный союз». URL: <https://studsport.ru> (дата обращения: 24.05.2025).

рейтинг. И это, кстати, говорит о заметном пробеле в системе управления студенческим спортом, ибо явно нарушен другой принцип социального управления, а именно **принцип гласности в принятии решений**.

Единственный документ, немного проливающий свет на методику расчета рейтинга ССК, который удалось найти авторам данной статьи, это несколько устаревшее «Положение о проведении Всероссийского конкурса “Лучший студенческий спортивный клуб 2021–2022”, утвержденное исполнительным директором

АССК России [Положение от 10.01.2022]. Из этого «Положения» следует, что при формировании рейтинга учитываются самые различные стороны деятельности клуба — от непосредственно спортивных достижений до наличия атрибутики, освещения работы клуба в СМИ, наличии страниц в социальных сетях и т.п. Не подвергая сомнению необходимость учета всех этих аспектов при формировании рейтинга клуба, авторы хотят обратить внимание на ряд проблем, связанных с объективизацией оценки итогов работы ССК.

Таблица 1. Рейтинг студенческих спортивных клубов по всем видам спорта в сезоне 2023–2024

Table 1. The ranking list of student sports clubs in all sports in the 2023–2024 season

Место	Название ССК и/или вуза	Рейтинг
1	ССК Рязанского государственного медицинского университета им. акад. И.П. Павлова (РГМУ)	15416
2	ССК «Кронверкские барсы» Национального исследовательского университета ИТМО (Санкт-Петербург)	13746
3	ССК «Сибирские львы» Национального исследовательского Томского политехнического университета (ТПУ)	12780
4	ССК «Тандем» Волгоградского государственного социально-педагогического университета (ВГСПУ)	12308
5	ССК «Казанские Юлбарсы» Казанского (Приволжского) федерального университета (КФУ)	11917
6	ССК «Гвардия» Тюменского индустриального университета (ТИУ)	11220
7	ССК «Хищные бобры» Воронежского государственного университета (ВГУ)	10057
8	ССК «Волжские медведи» Ярославского государственного технического университета (ЯГТУ)	9553
9	ССК «Казак» Московского государственного университета технологий и управления им. К.Г. Разумовского (Первый казачий университет) (МГУТУ)	9376
10	ССК Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону) (ЮФУ)	9136

1. Что у нас с вовлеченностью студентов в спортивную жизнь вузов?

Опираясь на табл. 1 (десятка лучших спортивных клубов России по итогам сезона 2023–2024), информацию о количестве членов клуба, количеству команд и секций в ССК (опубликована на национальном портале студенческого

спорта Минобрнауки вместе с рейтингом), а также информацию об общей численности студентов (опубликована на официальных сайтах соответствующих вузов или в иных источниках), составлена нижеследующая табл. 2, позволяющая примерно оценить вовлеченность студентов в спортивную жизнь вуза.

Таблица 2. Данные по общему количеству студентов, количеству членов ССК, количеству команд и спортивных секций в вузах первой десятки рейтинга

Table 2. The data on the total number of students, the number of student sports clubs' members, the number of teams and sports groups at the first top 10 universities from the ranking list

Вуз	Общее количество студентов	Количество членов ССК	Доля студентов членов ССК, %	Количество секций	Количество команд
РГМУ	7965	2405	30	23	921
ИТМО	11000	2754	25	48	196
ТПУ	11553	2530	22	3	551
ВГСПУ	7000	1929	28	20	323
КФУ	38653	1971	5	12	382
ТИУ	30000	1703	6	44	299
ВГУ	14930	1648	11	10	275
ЯГТУ	5000	1160	23	11	128
МГУТУ	17000	962	6	18	185
ЮФУ	24762	2378	10	22	836

Предваряя выводы, авторы статьи вынуждены отметить, что данные об общем количестве студентов, обучающихся в вузе, сильно разнятся в разных источниках. Именно поэтому и приходится говорить о примерной, а не точной оценке вовлеченности. Однако определенные суждения могут быть высказаны даже при таком разбросе.

Согласно п. 1 Приложения 1 к упомянутой Межотраслевой программе развития студенческого спорта до 2024 г., утвержденной совместным приказом Минспорта, Минобра и Минпросвещения России от 09.03.2021 № 141/167/90, доля студентов, систематически занимающихся физкультурой и спортом, в общей численности студентов вуза должна к 2024 г. достигнуть показателя 86 %. Из таблицы 2 видно, что ни один из СКК из первой десятки рейтинга не достиг даже половины контрольного показателя. Конечно, ряд студентов занимается спортом вне структуры ССК своего вуза (продолжая, допустим, заниматься в той структуре, где занимался до поступления в вуз). Но даже если допустить, что таковых столько же, сколько и членов ССК, контрольные показатели все равно **не выполнены ни одним клубом**.

Возможно, что при утверждении Межотраслевой программы ее авторы были слишком оптимистичны в формировании контрольного показателя. Но, тем не менее, нам представляется не совсем правильным, что СКК, членами которых является лишь 5–10 % студентов вуза, входят в рейтинг лучших. Ни в коем случае не умаляя спортивных достижений этих клубов, хотим отметить, что одной из приоритетных задач развития студенческого спорта, сформулированных все той же Межотраслевой программой, является «...увеличение числа студентов, систематически занимающихся физкультурой и спортом...» [Совместный приказ № 141/167/90 от 09.03.2021]. Аналогичное положение имеется и в приказе Минобрнауки от 23.03.2020 № 462 «Об утверждении Порядка осуществления деятельности студенческих спортивных клубов», п. 5 которого начинается с упоминания следующей из основных задач деятельности спортивных клубов: **вовлечение обучающихся в систематические занятия физической культурой и спортом, формирование у них мотивации и устойчивого инте-**

реса к укреплению здоровья [Приказ Минобрнауки РФ № 462 от 23.03.2020]. Между тем, при формировании рейтинга клуба в числе критерии **нет ни единого показателя**, характеризующего **уровень вовлеченности** студентов в работу ССК! Многое есть — даже дополнительные баллы за количество «лайков» в социальных сетях, а о выполнении одной из приоритетных задач — ни слова...

Авторам представляется необходимым ввести в систему оценок деятельности ССК показатель вовлеченности студентов в работу клуба, определяемый как доля студентов-членов ССК к общему количеству студентов вуза. Причем такой показатель может быть ранжированным: чем больше вовлеченность, тем выше балл. Как вариант: уровень вовлеченности может использоваться в качестве коэффициента, понижающего определенные показатели. Чем меньше вовлеченность, тем сильнее этот коэффициент снижает показатель.

2. А как же приоритет здоровья?

О том, что одной из главных функций студенческого спорта является **укрепление здоровья студентов**, выше уже говорилось. И раз такая задача стоит, то вполне логичным было бы знать, как она выполняется и как ее выполнение влияет на рейтинг ССК. Вновь обращаемся к методике расчета рейтинга, изложенной в «Положении о проведении Всероссийского конкурса «Лучший студенческий спортивный клуб 2021–2022», и вновь не находим соответствующего критерия! Получается, что, ставя перед спортивными клубами задачу по укреплению здоровья обучающихся, мы не имеем эффективного инструмента контроля над тем, как она выполняется.

Справедливости ради надо отметить, что разработка показателей, объективно характеризующих здоровье студентов, является довольно сложной задачей. Элементарный подсчет количества пропусков занятий по больничным листам явно не годится для этой цели по той простой причине, что здоровый и физически развитый человек запросто может оказаться на больничной койке из-за травмы, поскользнувшись на скользком тротуаре или споткнувшись на плохо освещенной лестнице. С этой точки зрения у спортсменов — особенно занимаю-

щихся контактными видами спорта (футбол, хоккей, гандбол, регби, бокс и т.п.) — риск оказаться на больничном по причине травматизма даже выше, чем у людей, ведущих пассивный образ жизни. Аналогичная ситуация наблюдается и в сфере инфекционных заболеваний. Существует даже так называемая «теория открытого окна», согласно которой спортсмены больше подвержены риску заболеть, поскольку в течение нескольких часов после интенсивной тренировки иммунная система спортсмена существенно ослаблена [Толстой О.А., 2020].

Однако «критерии здоровья» все же можно выработать. В этом плане представляется интересным подход, использованный специалистами Приволжского исследовательского медицинского университета, изучавших распространённость факторов риска возникновения хронических неинфекционных заболеваний у студентов с различным уровнем физической активности [Апоян С.А. и др., 2020]. Они показали, что среди студентов-спортсменов гораздо больше тех, кто не употребляет алкоголь, чем среди студентов с пассивным образом жизни (57,8 % против 30,2 % соответственно); избыточная масса тела и ожирение наблюдается у 24,6 % студентов, не занимающихся спортом, против 9,1 % у спортсменов; 40 % студентов, не занимающихся спортом, курят на регулярной основе, в то время как среди спортсменов более 80 % заявили об отсутствии у них этой привычки. Соответственно, доля «курильщиков» в общем числе студентов, а также доля студентов, имеющих избыточную массу тела и страдающих ожирением, могли бы, на наш взгляд, стать своеобразным критерием эффективности работы ССК. Чем больше студентов возьмет клуб «под свое крыло», тем меньше среди них будет курящих и людей с избыточной массой тела, и тем более здоровое поколение будет выходить из дверей вуза. Проблема заключается в том, что подобная статистика в вузах либо не ведется, либо, если и ведется, то доступ к ней может быть ограничен.

3. А что же такое «спорт»?

Говоря о развитии студенческого спорта и его влиянии на здоровье и когнитивные способности студентов, мы зачастую не задумываемся: а что же такое, собственно говоря, спорт? Данное слово, вроде бы, понятное всем и звучащее

практически одинаково на многих языках мира, тем не менее, не имеет единого, общепринятого определения. Существуют трактовки, в которые входят отдельные критерии: наличие соревновательного элемента, требования к правилам, которые не должны базироваться на элементе случайности или везения, и т.п.

Например, известный американский исследователь и популяризатор спорта Пол Педерсен предлагает читателю понимать термин «спорт» как включающий в себя широкий спектр физических нагрузок и связанных с ними видов бизнеса [Contemporary sport management, 2021]. Такой подход представляется нам слишком общим, чтобы его можно было положить в основу тех или иных выводов. Сфера деятельности, требуемые навыки и modus operandi профессионального хоккеиста, инженера фабрики по производству теннисных мячей, продавца спортивной одежды и директора спортивного комплекса настолько несходны, что объединять их в одну группу по какому бы то ни было основанию не имеет смысла.

Федеральный закон «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» дает следующее определение: «Спорт — сфера социально-культурной деятельности как совокупность видов спорта, сложившаяся в форме соревнований и специальной практики подготовки человека к ним» [Федеральный закон № 329-ФЗ от 04.12.2007].

Л.П. Матвеев, основатель советской школы теории физического воспитания, физической культуры и спорта, рассматривает термин «спорт» в широком и узком смысле. В широком смысле понятие «спорт» охватывает собственно соревновательную деятельность, процесс подготовки к достижениям в ней, а также специфические межчеловеческие отношения и поведенческие нормы, возникающие на основе этой деятельности. В узком смысле под спортом понимается лишь собственно соревновательная деятельность, которая выявляется в условиях четко регламентированного соперничества и направлена на максимальную реализацию возможностей индивида (его сил, способностей, умений) с объективизированной оценкой достигаемых результатов [Матвеев Л.П., 2005].

Большая Олимпийская Энциклопедия трактует спорт как «соревнования по различным физическим упражнениям и их комплексам, а

также система их организации и проведения» [Штейнбах В.Л., 2006, с. 662], и это определение нам кажется более соответствующим реалиям, а также целям и задачам спорта, в том числе студенческого.

Мы вновь возвращаемся к тезису о том, что оздоровительная направленность является одним из социально-педагогических принципов, на которых основывается система физического воспитания в вузе. Соответственно, приоритетным критерием спорта должна быть **физическая, мышечная, двигательная активность, положительно влияющая на здоровье студента**. С учетом этой позиции авторы статьи хотели бы обратить внимание на такой относительно недавно вышедший «в люди» вид спорта, как киберспорт. Не умаляя достоинств этого вида активности, способствующего развитию и совершенствованию таких качеств, как скорость реакции, зрительно-моторная координация, стратегическое и тактическое мышление, умение работать в команде, мы все же против того, чтобы ставить его «на одну доску» с «традиционным» спортом. Деятельность киберспортсменов связана с длительным, порой многочасовым сидением перед экраном монитора, в результате чего сегодня исследователи говорят о **специфических** заболеваниях его приверженцев: боли в спине и нарушение осанки, синдром запястного канала, единит, синдром сухого глаза и др. [Макеев И., 2024]. Если студент занимается киберспортом, то по окончании многочасовых занятий в аудиториях и лабораториях вуза он на несколько часов садится перед компьютером. И, раз уж мы говорим о том, что студентам необходимо заниматься спортом для **укрепления здоровья**, то к киберспорту этот тезис навряд ли применим.

Авторы статьи еще раз хотят подчеркнуть, что ни в коем случае не выступают против киберспорта, завоевавшего умы и сердца миллионов людей во всем мире. Мы лишь считаем нецелесообразным ставить его «на одну доску» с традиционными видами спорта, связанными с физической активностью, причем именно с позиции влияния на здоровье человека.

Между тем, при расчете рейтинга ССК киберспорт вносит весьма существенный вклад в итоговую оценку. Если снова обратиться к уже упомянутому «Положению о проведении Всероссийского конкурса «Лучший студенческий

спортивный клуб 2021–2022», то увидим, что одно только наличие в структуре ССК киберспортивного клуба (без учета результатов выступления киберспортсменов!) приносит в рейтинг 100 баллов (п. 1.30 приложения 3) — столько же, сколько приносит проведение клубом от 4 до 6 спортивно-массовых мероприятий в очном формате (п. 1.13). На наш взгляд, совершенно неравновесный подход, ибо с точки зрения решения одной из основных задач, стоящих перед студенческим спортом, а именно массового вовлечения молодежи в занятия спортом, а также с точки зрения укрепления здоровья студентов, спортивно-массовые мероприятия приносят гораздо большие пользы.

На наш взгляд, было бы целесообразным выделить киберспорт в отдельную дисциплину и вести по нему отдельную статистику, не включая как сам факт существования киберспортивного клуба, так и результаты выступлений киберспортсменов на соревнованиях в общую статистику «традиционного» спорта. В качестве аналога можно вспомнить о том, что во многих вузах страны существуют студенческие хоры и театральные студии, которые тоже соревнуются в формате конкурсов и фестивалей, но никому и в голову не приходит учитывать результаты этих конкурсов и фестивалей в статистике именно спортивных клубов.

4. Можно ли вообще оценить уровень физической подготовки студентов в вузе?

Обсуждая этот аспект, авторы не могут не согласиться с мнением специалистов Иркутского государственного университета, изучавших проблемы физического воспитания в российских вузах и пришедших к выводу о том, что в этой сфере **нет определенных критериев и нормативов**, определяющих позиции физического воспитания в вузах [Ницина О.А. и др., 2018].

Но, тем не менее, мы считаем, что решение существует.

Так, об уровне физического развития студентов вуза можно было бы судить на основании выполнения ими нормативов возрожденного в 2014 г. комплекса ГТО, введенного в действие Указом президента [Указ Президента РФ № 172 от 24.03.2014] и конкретизированного соответствующим Постановлением правительства [Постановление Правительства РФ № 540 от 11.06.2014]. Проблема лишь в том, что на

данный момент одним из принципов комплекса, зафиксированных в определяющих документах, является добровольность, т.е. сдача этих нормативов **не является обязательной**. По факту, на сдачу нормативов «выходят» лишь наиболее подготовленные, уверенные в себе молодые люди. Так, например, по данным официального сайта Российского государственного медицинского университета им. Павлова, нормативы ГТО сдали лишь 35 % студентов [Доля участия студентов..., 2024]. Основная же масса молодых людей остается в стороне, причем среди них немало и тех, кто эти нормативы мог бы сдать, но по тем или иным причинам не хотят тратить на это личное время. По данным Е. Одинцова, нормы ГТО планирует сдавать лишь каждый четвертый россиянин [Одинцов Е., 2025]. Соответственно, на данном этапе выполнение ГТО не может быть объективным критерием уровня физического развития молодых людей, поскольку характеризует меньшую часть студентов.

В этой связи авторам представляется интересной инициатива депутата Государственной думы Сергея Колунова, предложившего сделать **обязательной** сдачу нормативов ГТО для студентов российских вузов, о которой сообщалось в ЭСМИ [Обязательная сдача нормативов ГТО..., 2024]. При всей кажущейся «принудиловке» в этом предложении есть рациональное начало. Нельзя забывать, что именно в вузах формируется будущая интеллектуальная элита страны, воспитываются будущие руководители различных уровней в различных сферах экономики и не только. С этой точки зрения поддержание должного уровня их физического здоровья в известной степени становится государственной задачей (вспомним известное: «В здоровом теле — здоровый дух»). А как можно поддерживать «должный» уровень, если нет критериев оценки, в какой степени он «должный»? Тогда обязательная сдача ГТО могла бы стать основой для выработки такого критерия, ибо в этом случае процент сдавших норматив с высокой долей объективности отражал бы уровень физической подготовки студентов данного вуза. Поэтому авторы полностью поддерживают вышеназванную инициативу депутата С. Колунова и выражают надежду, что она не останется без внимания его коллег по Государственной думе.

Интересной представляется также инициатива ряда вузов, которые добавляют баллы к ЕГЭ абитуриентам, сдавшим норматив ГТО [ГТО для поступления в вуз..., 2020]. Такой подход находится полностью в русле главной задачи — формировании здорового поколения, а потому, по нашему мнению, заслуживает пристального внимания и более широкого распространения.

Кроме комплекса ГТО, существуют и иные подходы. Так, специалистами кафедры физического воспитания Алтайского государственного технического университета разработали собственную систему количественной оценки физической воспитанности учащихся и выразили ее в форме рейтинга [Фролов А.В., 2019]. После более внимательного изучения и апробации в других вузах такая система могла бы быть положена в основу решения проблемы.

5. Кому нужны «дутые» показатели?

Известный российский социолог профессор Н.Л. Захаров, автор теории социальных регуляторов [Захаров Н.Л., 2024], указал на существование двух типов мышления: рационального, свойственного «западной» цивилизации, и атрактивного, свойственного россиянам. Одним из отличительных свойств руководителей с атрактивным типом мышления является их стремление не к фактическому выполнению определенной задачи, а к достижению определенных показателей, характеризующих степень ее выполнения [Захаров Н.Л., 2005]. А достигнуть определенных показателей и достигнуть цели — это далеко не всегда одно и то же, чему мы находим подтверждение и в сфере студенческого спорта. Так, группа исследователей Иркутского государственного университета, анализировавшая проблемы физического воспитания в российских вузах, совершенно справедливо отмечает, что выглядящие внушительно и широко превозносимые успехи российских спортсменов на студенческих спортивных соревнованиях международного уровня фактически никак не характеризуют реальное состояние отечественного студенческого спорта [Ницина О.А. и др., 2018]. Авторы, в частности, приводят следующий пример: практически вся российская сборная по легкой атлетике на Универсиаде в Корее в 2015 г. состояла из спортсменов либо основного состава сборной России,

либо резервного. Это говорит о том, что в соревновании принимали участие не столько студенты-спортсмены, сколько спортсмены-профессионалы, получающие образование. А это две совершенно разные социальные категории, ставить которые на один уровень совершенно бессмысленно.

Если вновь обратиться к неоднократно упомянутому «Положению о проведении Всероссийского конкурса «Лучший студенческий спортивный клуб 2021–2022», то нетрудно убедиться, что при подсчете рейтинга итоги выступлений спортсменом вуза на соревнованиях любого ранга в расчет не берутся, и формальное зачисление олимпийского чемпиона в ряды студентов преференций клубу не даст. Но, вместе с тем, существует целый ряд показателей, «вклад» которых в расчет рейтинга ССК вызывает немало вопросов.

Так, например, возьмем п. 2.7 Приложения 3, который называется «Количество лайков». Из него следует, что за количество «лайков», которое характеризуется, как «менее 1000», клубу начисляется 10 баллов, от 1000 до 2000 — 20 баллов, более 3000 — 30 баллов. Совершенно очевидно, что 5 «лайков» — это менее 1000 и, следовательно, за них клуб получит 10 баллов. А за 950 «лайков», что в 190 (!) раз больше... тоже 10 баллов. Если количество «лайков» в социальных сетях в принципе можно рассматривать как объективный критерий, что далеко небесспорно, то почему мы наблюдаем здесь столь низкую степень ранжированности?

Далее — п. 3.1 того же Приложения 3, который называется «Наличие названия у ССК, отличающегося от названия образовательной организации». Из этого пункта следует, что если клуб будет называться не «ССК N-ского университета», а ССК «Атлант», то только за это он получит сразу 50 баллов — ровно столько, сколько за проведение от 1 до 3 спортивно-массовых мероприятий (п. 1.13). Во-первых, одно и то же количество баллов начисляется за совершенно несопоставимые по вложению труда и энергии мероприятия. Во-вторых: а что плохого в том, что в названии клуба фигурирует название вуза? Одним из аспектов деятельности ССК является популяризация самого учебного заведения, так где же логика?..

В завершении следует сказать, что в рамках данной статьи авторы могут лишь обозначить

некоторые возможности на пути выработки системы критериев, объективно оценивающих уровень деятельности студенческих спортивных клубов в вузах. Разработка проблемы на концептуальном уровне требует более глубокого анализа всей имеющейся информации и накопленного опыта, проработки огромного объема статистики и может быть реализована с участием специалистов разных профессий: медиков, спортсменов, преподавателей физической культуры, социологов, юристов, а также функционеров студенческого спорта и руководителей ССК.

Выходы

В настоящее время в сфере управления студенческими спортивными клубами имеются проблемы с оценкой эффективности деятельности. Существующая система рейтингов ССК несвободна от недостатков, в числе которых: отсутствие критерия, характеризующего степень вовлеченности студентов в деятельность ССК; отсутствие критериев, характеризующих уровень здоровья и уровень физической подготовки студентов вуза; постановка «на одну доску» спортивных дисциплин, оказывающих диаметрально противоположное влияние на здоровье студентов.

Авторы предлагают следующие шаги на пути разработки системы оценки качества работы ССК:

1. Обязательное включение в перечень критериев уровня вовлеченности студентов в спортивную жизнь вуза, т.е. доля студентов, активно занимающихся спортом, в общем числе таковых.

2. Разработка и включение в систему критерия/ев, характеризующего/их уровень здоровья студентов вуза. Это могут быть, к примеру, процент курящих молодых людей; процент молодых людей, страдающих избыточным весом.

3. Вывод в отдельный блок киберспорта, положительное влияние которого на здоровье студентов весьма сомнительно, и исключение относящихся к киберспорту аспектов из статистики ССК по «традиционным» видам спорта.

4. Разработка критериев, объективно характеризующих уровень физического развития молодых людей. На этом пути представляется весьма правильным инициатива депутата Государственной думы С. Колунова об обязательной сдаче студентами нормативов ГТО. Про-

цент выполнивших нормативы в этом случае мог бы с высокой степенью объективности характеризовать уровень физической подготовки студентов вуза в целом. Заслуживает интереса и разработанная специалистами Алтайского государственного технического университета система количественной оценки физической воспитанности студентов.

5. Уменьшение в итоговом рейтинге ССК «вклада» показателей, приносящих необоснованно высокие баллы, а также более глубокая степень ранжированности баллов, начисляемых за количество проведенных мероприятий.

Список литературы

Апоян С.А., Гурьянов М.С., Поздеева А.Н. Распространенность факторов риска хронических неинфекционных заболеваний среди студентов медицинского университета с различным уровнем физической активности // Саратовский научно-медицинский журнал. 2020. Т. 16, № 4. С. 940–943.

Гладышев А.Г., Иванов В.Н., Патрушев В.И., Иванов А.В. и др. Основы социального управления: учеб. пособие / под ред. В.Н. Иванова М.: Вышш. шк., 2001. 271 с.

ГТО для поступления в вуз / Абитуриент. 2020. 6 июн. URL: <https://tabituirient.ru/article/7/> (дата обращения: 24.05.2025).

Доля участия студентов в реализации программы комплекса ГТО / Первый Санкт-Петербургский государственный медицинский университет им. акад. И.П. Павлова. 2024. URL: <https://www.1spbgmu.ru/obschestvennaya-zhizn/512-glavnaya/obshchestvennaya-zhizn/pspbgmu-vuz-zozh/3891-dolya-uchastiya-studentov-v-realizatsii-programmy-kompleksa-gto> (дата обращения: 24.05.2025).

Захаров Н.Л. «Загадка русской души» или особенности мотивации труда российского персонала // Управление персоналом. 2005. № 1–2. URL: <https://www.top-personal.ru/issue.html?407> (дата обращения: 24.05.2025).

Захаров Н.Л. Теория социальных регуляторов. М.: Инфра-М, 2024. 241 с. DOI: <https://doi.org/10.12737/2119965>

Козлов Ю.М., Фролов Е.С. Научная организация управления и право. М.: Изд-во Моск. ун-та. 1986. 247 с.

Макеев И. Травмы и профессиональные заболевания в киберспорте: неизведанные риски цифровой эры // Esports.ru. 2024. 8 июл. URL: <https://esports.ru/articles/travmy-i-professionalnye-zabolevan/> (дата обращения: 24.05.2025).

Матвеев Л.П. Общая теория спорта и ее прикладные аспекты. 4-е изд., испр. и. доп. СПб.: Лань, 2005. 384 с.

Ницина О.А., Бонько Т.И., Колесникова А.Ю., Проходовская Р.Ф. Современная система физического воспитания в российских вузах: тенденции и проблемы // Мир науки. 2018. Т. 6, № 3. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/86PDMN318.pdf> (дата обращения: 24.05.2025).

Обязательная сдача нормативов ГТО для студентов: инициатива депутата / Азбука ума. 2024. 4 июл. URL: <https://azbukuma.ru/o-kompanii/novosti/obyazatelnaya-sdacha-normativov-gto-dlya-studentov-inicziativa-deputata> (дата обращения: 24.05.2025).

Одинцов Е. Каждый четвертый молодой россиянин планирует сдавать нормы ГТО // Газета.ru. 2025. 4 июн. URL: <https://www.gazeta.ru/social/news/2025/06/04/25949582.shtml?ysclid=mece0w4a7f577305253&updated> (дата обращения: 24.05.2025).

Положение «О проведении Всероссийского конкурса “Лучший студенческий спортивный клуб 2021–2022”»: утверждено 10 января 2022 г. (с изменениями от 30 мая 2022 г.). URL: <http://old.apatity-college.ru/wp-content/uploads/2022/06/Всероссийский-конкурс-Лучший-ССК.pdf> (дата обращения: 13.10.2024).

Постановление Правительства РФ от 11 июня 2014 г. № 540 «Об утверждении Положения о Всероссийском физкультурно-спортивном комплексе “Готов к труду и обороне” (ГТО)». URL: <https://base.garant.ru/70675222/?ysclid=meb37mntch305970531> (дата обращения: 21.05.2025).

Приказ Минобрнауки РФ от 23 марта 2020 г. № 462 «Об утверждении Порядка осуществления деятельности студенческих спортивных клубов (в том числе в виде общественных объединений), не являющихся юридическими лицами». URL: <https://minjust.consultant.ru/documents/46170?ysclid=m6s062qr6o553653162> (дата обращения: 21.05.2025).

Рейтинг 2023–2024 по всем видам спорта среди всех клубов / Росстудспорт: национальный портал студенческого спорта. 2024. URL: <https://rosstudsport.ru/frontend/rating/clubs> (дата обращения: 24.05.2025).

Совместный приказ Министерства спорта Российской Федерации, Министерства просвещения Российской Федерации и Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 9 марта 2021 г. № 141/167/90 «Об утверждении Межотраслевой программы развития студенческого спорта до 2024 года». URL:

https://minobrnauki.gov.ru/documents/?ELEMENT_I_D=30816 (дата обращения: 21.05.2025).

Толстой О.А. Дисфункция иммунной системы и ее коррекция при интенсивных физических нагрузках (экспериментально-клиническое исследование): дис. ... канд. мед. наук. СПб., 2020. 153 с.

Указ Президента РФ от 24 марта 2014 г. № 172 «О Всероссийском физкультурно-спортивном комплексе “Готов к труду и обороне” (ГТО)». URL: <https://base.garant.ru/70619520/?ysclid=meb34xolxx250044109> (дата обращения: 21.05.2025).

Федеральный закон от 4 декабря 2007 г. № 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации». URL: <https://base.garant.ru/12157560/?ysclid=meb25i7dmi261864995> (дата обращения: 21.05.2025).

Фролов А.В. О некоторых подходах балльно-рейтинговой системы оценки студентов по дисциплине «физическая культура» // Проблемы физкультурного непрофессионального образования обучающихся в высших учебных заведениях: материалы I межвуз. науч.-практ. конф. (Барнаул, 20 апреля 2019 г.). Барнаул: Тип. АлтГТУ им. И.И. Ползунова, 2019. С. 152–157.

Штейнбах В.Л. Спорт // Большая олимпийская энциклопедия: в 2 т. / авт.-сост. В.Л. Штейнбах. М.: Олимпия-Пресс, 2006. Т. 2. С. 662–663.

Contemporary sport management / ed. by P.M. Pedersen, L. Thibault. 7th ed. Champaign, IL: Human Kinetics, 2021. 536 p.

References

- Apoyan, S.A., Guryanov, M.S. and Pozdeeva, A.N. (2020). [Prevalence of risk factors of chronic non-communicable diseases among medical students with different levels of physical activity]. *Saratovskiy nauchno-meditsinskiy zhurnal* [Saratov Journal of Medical Scientific Research]. Vol. 16, no. 4, pp. 940–943.
- Dolya uchastiya studentov v realizatsii programmy kompleksa GTO [Student Participation in the Implementation of the GTO Complex Program]. Pavlov First St. Petersburg State Medical University, 2024. Available at: <https://www.1spbgmu.ru/obschestvennaya-zhizn/512-glavnaya/obshchestvennaya-zhizn/pspbgu-vuz-zozh/3891-dolya-uchastiya-studentov-v-realizatsii-programmy-kompleksa-gto> (accessed 24.05.2025).
- Federal'nyy zakon ot 4 dekabrya 2007 g. № 329-FZ «O fizicheskoy kul'ture i sporte v Rossiiyiskoy Fed-
- eratsii» [Federal law of December 4, 2007 No. 329-FZ «On physical culture and sports in the Russian Federation»]. Available at: <https://base.garant.ru/12157560/?ysclid=meb25i7dmi261864995> (accessed 21.05.2025).
- Frolov, A.V. (2019). [On some approaches to the point-rating system for assessing students in the discipline «physical education】. *Problemy fizkul'turnogo neprofessional'nogo obrazovaniya obuchayushchikhsya v vysshikh uchebnykh zavedeniyakh: materialy I mezhvuz. nauch.-prakt. konf. (Barnaul, 20 aprelya 2019 g.)* [Problems of non-professional physical education of students in higher educational institutions: Proceedings of the 1st inter-university scientific-practical conference. (Barnaul, April 20, 2019)]. Barnaul: Printing house of I.I. Polzunov AltSTU, pp. 152–157.
- Gladyshev, A.G., Ivanov, V.N., Patrushev, V.I., Ivanov, A.V. et al. (2001). *Osnovy sotsial'nogo upravleniya: ucheb. posobie* [Fundamentals of social management: a textbook]. Moscow: Vysshaya shkola Publ., 271 p.
- GTO dlya postupleniya v vuz [GTO (Ready for labor and defense) for university admission]. Abiturient, 2020, Jun. 6. Available at: <https://abiturient.ru/article/7/> (accessed 24.05.2025).
- Kozlov, Yu.M., Frolov, E.S. (1986). *Nauchnaya organizatsiya upravleniya i pravo* [Scientific organization of management and law]. Moscow: MSU Publ., 247 p.
- Matveev, L.P. (2005). *Obshchaya teoriya sporta i yeye prikladnyye aspekty* [General theory of sport and its applied aspects]. 4th ed. St. Petersburg: Lan' Publ., 384 p.
- Makeev, I. (2024). *Travmy i professional'nyye zabolevaniya v kibersporte: neizvedannyye riski tsifrovoy ery* [Injuries and occupational illnesses in esports: unknown risks of the digital age]. Esports.ru. Jul. 8. Available at: <https://esports.ru/articles/travmy-i-professionalnye-zabolevan/> (accessed 24.05.2025).
- Nitsina, O.A., Bonko, T.I., Kolesnikova, A.Yu. and Prokhodovskaya, R.F. (2018). [Modern system of physical education in Russian universities: trends and problems]. *Mir nauki* [World of Science. Pedagogy and Psychology]. Vol. 6, no. 3. Available at: <https://mir-nauki.com/PDF/86PDMN318.pdf> (accessed 24.05.2025).
- Obyazatel'naya sdacha normativov GTO dlya studentov: initsiativa deputata [Mandatory GTO (Ready for labor and defense) testing for students: a deputy's initiative]. Azbuka uma, 2024, Jul. 4. Available at: <https://azbukuma.ru/o-kompanii/novosti/obyazatelnaya-sdacha-normativov-gto-dlya-studentov-inicziativa-deputata> (accessed 24.05.2025).

Odintsov, E. (2025). [Every fourth young Russian plans to pass the GTO (Ready for labor and defense) standards]. *Gazeta.ru*. Jun. 4. Available at: <https://www.gazeta.ru/social/news/2025/06/04/25949582.shtml?ysclid=mece0w4a7f577305253&updated> (accessed 24.05.2025).

Pedersen, P.M., Thibault, L. (eds.) (2021). *Contemporary sport management*. 7th ed. Champaign, IL: Human Kinetics Publ., 536 p.

Polozheniye «O provedenii Vserossiyskogo konkursa “Luchshiy studencheskij sportivnyy klub 2021–2022”»: utverzhdeno 10 yanvarya 2022 g. (s izmeneniyami ot 30 maya 2022 g.) [Regulations «On holding the All-Russian competition “Best student sports club 2021–2022”»: approved on January 10, 2022 (as amended on May 30, 2022)]. Available at: <http://old.apatity-college.ru/wp-content/uploads/2022/06/Всероссийский-конкурс-Лучший-CCK.pdf> (accessed 13.10.2024).

Postanovleniye Pravitel'stva RF ot 11 iyunya 2014 g. № 540 «Ob utverzhdenii Polozheniya o Vserossiiskom fizkul'turno-sportivnom kompleksse “Gotov k trudu i oborone” (GTO)» [Resolution of the Government of the Russian Federation of June 11, 2014 No. 540 «On approval of the regulation on the All-Russian physical education and sports complex “Ready for labor and defense” (GTO)»]. Available at: <https://base.garant.ru/70675222/?ysclid=meb37mntch305970531> (accessed 21.05.2025).

Prikaz Minobrnauki RF ot 23 marta 2020 g. № 462 «Ob utverzhdenii Poryadka osushchestvleniya deyatel'nosti studencheskikh sportivnykh klubov (v tom chisle v vide obshchestvennykh ob'yedineniy), ne yavlyayushchikhsya yuridicheskimi litsami» [Order of the Ministry of education and science of the Russian Federation of March 23, 2020 No. 462 «On approval of the procedure for the implementation of activities of student sports clubs (including in the form of public associations) that are not legal entities»]. Available at: <https://minjust.consultant.ru/documents/46170?ysclid=m6s062qp6o553653162> (accessed 21.05.2025).

Reyting 2023–2024 po vsem vidam sporta sredi vsekh klubov [2023–2024 all-sports club rankings]. Rosstudsport: the national portal for student sports. Available at: <https://rosstudsport.ru/frontend/rating/clubs> (accessed 24.05.2025).

Sovmestnyy prikaz Ministerstva sporta Rossiyskoy Federatsii, Ministerstva prosveshcheniya Rossiyskoy Federatsii i Ministerstva nauki i vysshego obrazovaniya Rossiyskoy Federatsii ot 9 marta 2021 g. № 141/167/90 «Ob utverzhdenii Mezhotraslevoy programmy razvitiya studencheskogo sporta do 2024 goda» [Joint order of the Ministry of sport of the Russian

Federation, the Ministry of education of the Russian Federation, and the Ministry of science and higher education of the Russian Federation of March 9, 2021 No. 141/167/90 «On approval of the intersectoral program for the development of student sports until 2024»]. Available at: https://minobrnauki.gov.ru/documents/?ELEMENT_ID=30816 (accessed 21.05.2025).

Steinbach, V.L. (2006). [Sport]. *Bol'shaya olimpiyskaya entsiklopediya: v 2 t., avt.-sost. V.L. Shteynbakh* [V.L. Steinbach (compl.) The great Olympic encyclopedia: in 2 vols]. Moscow: Olympia-Press Publ., vol. 2, pp. 662–663.

Tolstoy, O.A. (2020). *Disfunktsiya imunnnoy sistemy i yeye korreksiya pri intensivnykh fizicheskikh nagruzkakh (eksperimental'no-klinicheskoye issledovaniye): dis. ... kand. med. nauk* [Dysfunction of the immune system and its correction during intense physical activity (experimental clinical study): dissertation]. St. Petersburg, 153 p.

Ukaz Prezidenta RF ot 24 marta 2014 g. № 172 «O Vserossiiskom fizkul'turno-sportivnom kompleksse “Gotov k trudu i oborone” (GTO)» [Decree of the President of the Russian Federation of March 24, 2014 No. 172 «On the All-Russian physical culture and sports complex “Ready for labor and defense” (GTO)»]. Available at: <https://base.garant.ru/70619520/?ysclid=meb34xolxx250044109> (accessed 21.05.2025).

Zakharov, N.L. (2005). [«The riddle of the Russian soul» or the peculiarities of motivating Russian personnel]. *Upravleniye personalom* [Human Resources Management]. No. 1–2. Available at: <https://www.top-personal.ru/issue.html?407> (accessed 24.05.2025).

Zakharov, N.L. (2024). *Teoriya sotsial'nykh regul'uatorov* [Theory of social regulators]. Moscow: Infra-M Publ., 241 p. DOI: <https://doi.org/10.12737/2119965>

Об авторах

Желинская Марья Андреевна

помощник проректора по общим вопросам

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена,
191186, Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, 48;
e-mail: marya.sukhanova@mail.ru
ResearcherID: NKP-6913-2025

Воронцов Алексей Васильевич

доктор философских наук, профессор,
профессор кафедры социологии

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена,
191186, Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, 48;
e-mail: vorontsov.spb@yandex.ru

About the authors

Maryia A. Zhelinskaia

Assistant to the Vice-Rector for General Affairs

Herzen State Pedagogical University of Russia,
48, Moika river emb., Saint Petersburg,
191186, Russia;
e-mail: marya.sukhanova@mail.ru
ResearcherID: NKP-6913-2025

Alexey V. Vorontsov

Doctor of Philosophy, Professor,
Professor of the Department of Sociology

Herzen State Pedagogical University of Russia,
48, Moika river emb., Saint Petersburg,
191186, Russia;
e-mail: vorontsov.spb@yandex.ru

НАШИ РЕЦЕНЗЕНТЫ

Редколлегия журнала

«Вестник Пермского университета. Философия. Psychology. Sociology»
выражает глубокую благодарность рецензентам 2025 года

OUR REVIEWERS

*Editorial Board of «Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology»
expresses deepest gratitude to 2025 reviewers*

Антипьев Константин Анатольевич — кандидат социологических наук, заведующий кафедрой социологии и политологии Пермского национального исследовательского политехнического университета.

Асеева Ирина Александровна — доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН (Москва).

Балева Милена Валерьевна доктор психологических наук, профессор кафедры общей и клинической психологии ПГНИУ.

Береснева Наталья Ириковна — доктор философских наук, профессор кафедры культурологии и социально-гуманитарных технологий ПГНИУ.

Буданов Владимир Григорьевич — доктор философских наук, руководитель Сектора междисциплинарных проблем научно-технического развития Института философии РАН (Москва).

Бурко Виктор Александрович — кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и политологии Пермского национального исследовательского политехнического университета.

Василенко Юрий Владимирович — кандидат философских наук, заведующий кафедрой гуманитарных дисциплин НИУ ВШЭ Пермь.

Вихман Александр Александрович — кандидат педагогических наук, доцент кафедры теоретической и практической психологии Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета.

Волегов Владимир Сергеевич — кандидат социологических наук, и.о. заведующего кафедрой социологии ПГНИУ.

Воронова Елена Юрьевна — кандидат психологических наук, доцент кафедры практической психологии Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета.

Воронова Ксения Андреевна — кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии ПГНИУ.

Гордеева Светлана Сергеевна — кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии ПГНИУ.

Динабург Светлана Роальдовна — старший преподаватель кафедры философии и права Перм-

ского национального исследовательского политехнического университета.

Дудорова Екатерина Валерьевна — кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии развития ПГНИУ.

Железняк Владимир Николаевич — доктор философских наук, профессор кафедры философии и права Пермского национального исследовательского политехнического университета.

Желнин Антон Игоревич — кандидат философских наук, доцент кафедры философии ПГНИУ.

Жданова Светлана Юрьевна — доктор психологических наук, заведующая кафедрой психологии развития ПГНИУ.

Зарипова Лина Зефаровна — кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии развития ПГНИУ.

Игнатова Екатерина Сергеевна — кандидат психологических наук, заведующая кафедрой общей и клинической психологии ПГНИУ.

Калугин Алексей Юрьевич — кандидат психологических наук, заведующий кафедрой теоретической и практической психологии Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета.

Киселева Марина Сергеевна — доктор философских наук, главный научный сотрудник Сектора методологии междисциплинарных исследований человека Института философии РАН (Москва).

Киященко Лариса Павловна — доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Сектора междисциплинарных проблем научно-технического развития Института философии РАН (Москва).

Коромыслов Виталий Валерьевич — кандидат философских наук, доцент кафедры истории и философии Пермского государственного аграрно-технологического университета им. акад. Д.Н. Прянишникова.

Корякин Вячеслав Владимирович — кандидат философских наук, доцент кафедры философии ПГНИУ.

Комаров Сергей Владимирович — доктор философских наук, декан философско-социологического факультета, профессор кафедры философии ПГНИУ.

Краснов Алексей Витальевич — кандидат психологических наук, доцент кафедры общей и клинической психологии ПГНИУ.

Кричалушая Дарья Сергеевна — кандидат философских наук, доцент кафедры философии и права Пермского национального исследовательского политехнического университета.

Кузнецов Александр Евгеньевич — кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии ПГНИУ.

Курбатова Людмила Николаевна — кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и политологии Пермского национального исследовательского политехнического университета.

Лобанов Сергей Дмитриевич — доктор философских наук, научный сотрудник управления научно-исследовательской деятельности Пермского государственного института культуры.

Лоскутов Юрий Викторович — кандидат философских наук, доцент кафедры философии ПГНИУ.

Маркова Юлия Сергеевна — кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии ПГНИУ.

Мехрякова Наталья Михайловна — кандидат философских наук, доцент кафедры философии ПГНИУ.

Мицкевич Арина Михайловна — кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии развития ПГНИУ.

Моисеев Вячеслав Иванович — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии, биомедэтики и гуманитарных наук Российского университета медицины (Москва).

Мусаелян Лева Асканазович — доктор философских наук, профессор кафедры философии ПГНИУ.

Мусеев Николай Александрович — кандидат философских наук, доцент кафедры философии ПГНИУ.

Плотникова Елена Борисовна — кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии ПГНИУ.

Поросенков Сергей Владимирович — доктор философских наук, и.о. заведующего кафедрой философии ПГНИУ.

Рыбин Владимир Александрович — доктор философских наук, независимый исследователь (Челябинск).

Сироткин Павел Федорович — кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии ПГНИУ.

Снетова Нина Васильевна — кандидат философских наук, независимый исследователь (Пермь).

Столбова Наталья Викторовна — кандидат философских наук, доцент кафедры философии и права Пермского национального исследовательского политехнического университета.

Струговщикова Ульяна Сергеевна — кандидат философских наук, научный сотрудник сектора междисциплинарных проблем научно-технического развития Института философии РАН (Москва).

Тищенко Павел Дмитриевич — доктор философских наук, главный научный сотрудник Сектора гуманитарных экспертиз и биоэтики Института Философии РАН (Москва).

Шевкова Елена Викторовна — кандидат психологических наук, доцент кафедры общей и клинической психологии ПГНИУ.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Редакционная коллегия научного журнала «**Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология**» (ISSN 2078-7898, ISSN online 2686-7532) приглашает опубликовать статьи, содержащие оригинальные идеи и результаты исследований, а также переводы и литературные обзоры. Журнал включен в **Перечень рецензируемых научных изданий ВАК России, а также в «белый список» научных журналов**.

Редакционная коллегия принимает к рассмотрению оригинальные статьи на русском и английском языке по следующим отраслям науки и соответствующим научным специальностям:

- 5.7.1 Онтология и теория познания
- 5.7.2 История философии
- 5.7.7 Социальная и политическая философия
- 5.7.8 Философская антропология, философия культуры
- 5.3.1 Общая психология, психология личности, история психологии
- 5.4.1 Теория, методология и история социологии
- 5.4.4 Социальная структура, социальные институты и процессы
- 5.4.7 Социология управления

Издание включено в международные базы данных **Ulrich's Periodicals Directory** и **EBSCO Discovery Service**, в электронные библиотеки «**IPRbooks**», «**Университетская библиотека on-line**», «**КиберЛенинка**», «**Руконт**», в электронную систему **Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)**.

Правила оформления текста

При подготовке статей используется редактор Microsoft Word (версия 2003 и ниже). Статья представляется в электронном виде (в формате RTF). Имя файла — фамилия автора (первого из соавторов).

Параметры страницы. Формат страниц A4, поля по 2 см с каждой стороны. Расстояние до верхнего и нижнего колонтитулов — 1,25 см.

Заглавие статьи набирается строчными буквами жирным шрифтом и форматируется по центру.

Основной текст статьи оформляется стилем «Обычный/Normal»: шрифт — Times New Roman, 11 pt, интервал — 1, абзацный отступ — 1 см. Объем статьи от 20000 знаков до 40000 знаков с пробелами. Допускаются выделения курсивом и полужирным шрифтом, а также вставка в текст специальных символов (с использованием шрифтов Symbol). В тексте следует четко различать О (букву) и 0 (ноль); 1 (арабскую цифру), I (римскую цифру) и l (латинскую букву); а также дефис (-) и тире (—). Обозначение веков следует писать римскими цифрами (XIX в.). Рекомендуемые кавычки «...», при выделениях внутри цитат следует использовать другой тип кавычек, например: «...“...”...».

В журнал не принимаются материалы в формате эссе. Рекомендуется разбить текст статьи на разделы:

- введение;
- основное содержание (рекомендуется разбить тело статьи на несколько тематических частей и присвоить каждой собственное наименование);
- результаты/обсуждение;
- заключение /выводы.

Заголовки к основным разделам статьи необходимо оформлять в едином стиле. Использование автоматических списков не допускается. Нумерованные списки набираются вручную.

Таблицы должны сопровождаться заголовком вида «Таблица 1. Название таблицы». Слова в таблицах должны быть написаны полностью. В конце заголовков и ячеек таблицы точка не ставится. Русская версия заголовка, названия таблицы и примечания (при наличии) к таблице должна сопровождаться ее переводом на английский язык.

Рисунки должны быть размещены в тексте статьи в виде внедренных объектов. Под рисунками должны располагаться подписи типа «Рис. 1. Название рисунка». В конце всех заголовков и подписей к рисункам точка не ставится. Подписи и примечания (при наличии) к рисункам должны приводиться как на русском, так и на английском языках. Рисунки, графики, диаграммы должны быть четкими, легко читаемыми.

Формулы выполняются в редакторе формул Microsoft Word Equation, версия 3.0 и ниже.

Библиографические ссылки в тексте оформляются на языке источников согласно принципами **Гарвардского стиля оформления** (<http://www.psu.ru/nauka/nauchnye-zhurnaly/metodicheskie-materialy/oformlenie-spiska-literatury-v-latinitse-references>) с указанием страниц источника цитирования (в случае прямого цитирования на конкретных страницах или обращения к конкретному фрагменту источника без прямого цитирования). При этом ссылки на использованную литературу даются в самом тексте статьи в квадратных скобках. В списке литературы не должно быть источников, на которые отсутствуют ссылки в тексте статьи. В списке литературы должны быть все источники, на которые дается ссылка в тексте статьи.

Постстраничные сноски для ссылок на литературу *не допускаются*. После завершения основного текста статьи автор может добавить раздел **Выражение признательности** на русском и английском языках, в которых указывается ссылка на *программу*, в рамках которой выполнена работа, или *фонд поддержки*.

Ссылки в тексте оформляются в следующем виде:

- один автор: [Новиков А.М., 2002, с. 52], [Vernaleken A., 2006, р. 7];
- два автора: [Обухов, Иванова, 1999, с. 130];
- несколько авторов: указывается имя первого автора с последующим «и др.» [Иванова и др., 2002], но в списке литературы издание должно включать все имена авторов;
- несколько ссылок в алфавитном порядке разделяются точкой с запятой: [Орлов, Васильева, 2006; Рябухин, 2009], [Социология города..., 2010, с. 71; Петров, 2010, с. 55];
- две или более работ одного автора: [Береснева, 2014, 2016], [Внутских, 2017а, 2017б];
- книги под редакцией, материалы конференций, энциклопедии, словари, иные публикации: [Психолого-педагогическая..., 2014, с. 198], [Sociology and the end..., 2011].

Список литературы в соответствии с практикой международных научных журналов, рекомендуется составлять как минимум из 15–20 источников; рекомендуется включать в него ссылки на современные журналы и монографии на иностранных языках.

Список литературы в конце статьи оформляется *автором (авторами)* в двух вариантах: в русском, согласно ГОСТ 7.07-2021 (<http://www.internet-law.ru/gosts/gost/1560/>), но без нумерации источников, и в *английском*, согласно принципам **Гарвардского стиля оформления** (<http://www.psu.ru/nauka/nauchnye-zhurnaly/metodicheskie-materialy/oformlenie-spiska-literatury-v-latinitse-references>) также без нумерации источников.

Русский вариант списка литературы должен содержать все источники, оформленные по ГОСТ 7.07-2021 *в алфавитном (русском языке) порядке без нумерации*. Обязательно указывается: *для книг* — фамилия и инициалы автора (выделенные курсивом), название, город, издательство, год издания, том, *количество страниц*; *для журнальных статей, сборников трудов* — фамилия и инициалы автора, название статьи, полное название журнала, серия, год, том, номер, выпуск, *страницы*; *для материалов конференций* — фамилия и инициалы автора, название статьи, название издания, время и место проведения конференции, город, издательство, год, *страницы*.

Внимание: если источник, помещенный в библиографический список, имеет **идентификатор DOI**, то его указание в разделе Библиографический список в виде активной гиперссылки является обязательным! DOI указывается в конце библиографической записи, отделяясь от страниц точкой и пробелом. Информацию о DOI источников можно найти по адресу: <https://www.crossref.org/>.

Пример:

Внумских А.Ю. Глобальные катастрофические риски в свете концепции единого закономерного мирового процесса // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2017. Вып. 4. С. 528–536. DOI: <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2017-4-528-536>.

Bard, P. On Emotional Expression After Decortications With Some Remarks on Certain Theoretical Views. *Psychological Review*. 1934, vol. 41, p. 309. DOI: <https://doi.org/10.1037/2Fh0070765>.

Ссылки на кириллице в не русском варианте (белорусском, украинском, словенском и т.д.) должны сопровождаться переводом на русский или английский язык.

Для статей, имеющих в списке литературы **только англоязычные источники**, список литературы делается только **один**, в соответствии с правилами оформления английского варианта списка литературы.

Английский вариант списка литературы («References») должен быть выполнен в соответствии с принципами **Гарвардского стиля оформления** и содержать все источники *в алфавитном (английского языка) порядке без нумерации*.

Необходимо указывать всех авторов цитируемой работы, не ограничиваясь тремя или четырьмя, для того, чтобы они все учитывались в базе данных. Используйте союз *and* для связи имен последних двух авторов. В английском варианте списка литературы для разделения информации должны использоваться только знаки «.» и «,». Знаки «::», «--», «/», «//» не применяются.

При написании названия русской книги, статьи, журнала, конференции и т.п. на английском языке желательно использовать общепринятый перевод, если таковой существует (например, роман Н.Г. Чернышевского в английском переводе называется «What Is to Be Done?», а не «What to Do?»). Просим сверяться с официальными сайтами конференций, РИНЦ, англоязычной Википедией и другими источниками, которые могут содержать англоязычные названия. Основное, что должно быть понятно иностранному читателю, не знакомому с русским языком, — это авторы и источник. Транслитерация обязательно должна сопровождаться переводом.

Правила транслитерации для оформления References:

а б в г д е ё ж з и й к л м н о п р с т у ф х ц ч ш щ ъ ѿ ѿ ѿ ѿ
a b v g d e e zh z i y k l m n o p r s t u f kh ts ch sh sch y e uy ua

Для помощи в транслитерации можно воспользоваться сайтом <https://translitonline.com/nastrojki/> настроив транслитерацию в соответствии с указанными выше правилами (следует особо проверить транслитерированное отображение буквы щ).

Русские имена можно транслитерировать либо по приведенным правилам (например, «Ivanov», «Ignatev»), либо по другим, если их иное написание встречается в других источниках или документах автора (например, «Sergei» вместо «Sergey»). Иностранные фамилии должны писаться в общепринятой европейской форме (например, «Agazzi», а не «Agatstsi», «Marx», а не «Marks»).

По правилам английского языка с заглавной буквы пишутся все значащие слова (то есть все слова, кроме артиклей, сочинительных союзов, коротких предлогов и частиц).

Шаблон для оформления книг:

Автор/ы, редакторы, переводчики и др. (фамилия запятая инициалы) Год издания. *Заглавие. Сведения об издании (информация о переиздании, номер издания, серия)*, Место издания, Издательство. Объем — количество страниц.

Название русскоязычной книги приводят в транслитерации, а затем в квадратных скобках переводят на английский язык (для переводных изданий в скобках приводят оригинальное английское название). **Для англоязычных книг** приводят оригинальное английское название.

Примеры:

Panina, T.S. and Vavilova, L.N. (2008). *Sovremennye sposoby aktivizacii obucheniya* [Modern ways of activating learning]. Moscow: Akademiya Publ., 176 p.

Black, B., Kraakman, R. and Tarasova A. (1999). *Komentariy Federal'nogo zakona «Ob aktsionernykh obshchestvakh»* [Commentary to the Federal Law «On Joint-Stock Companies»]. Moscow: COLPI Labirint, 720 p.

Porter, M. (2008). *Konkurentnaya strategiya: metodika analiza otrraslei i konkurentov*. Per. s angl. 3-e izd. [Competitive strategy: methodology for analyzing industries and competitors]. Trans. from Eng. 3rd ed.]. Moscow, Al'pina Biznes Publ., 453 p.

Turner, A. (2006). *Introduction to Neogeography*. London, O'Reilly Media, 56 p.

Шаблон для оформления статей или отдельных глав с указанием разных авторов из книги или сборника:

Автор/ы, редакторы, переводчики и др. (фамилия запятая инициалы) Год издания. *Заглавие статьи: сведения, относящиеся к заглавию. Заглавие книги: сведения, сведения, относящиеся к заглавию*. Место издания, Издательство, Местоположение статьи — интервал страниц.

Название русскоязычного источника приводят в переводе на английский язык (для переводных изданий приводят оригинальное английское название). **Для англоязычных источников** приводят оригинальное английское название.

Примеры:

Gonobolin, F.N. (1962). *Psihologicheskiy analiz pedagogicheskikh sposobnostey* [Psychological analysis of pedagogical abilities]. *Sposobnosti i interesy* [Abilities and interests]. Moscow, APN RSFSR Publ., pp. 63–72.

Шаблон для оформления диссертаций:

Автор (фамилия запятая инициалы) Год издания. Заглавие: *Ph.D. Thesis/D.Sc. Thesis*. Место написания, Издательство (если указано). Объем — количество страниц.

Примеры:

Voskresenskaya, E.V. (2003). *Pravovoe regulirovanie otsenochnoi deyatel'nosti: dis. ... kand. yurid. nauk* [Legal regulation of valuation activities: dissertation]. St. Petersburg, 187 p.

Meadows, K. (2017). *Aristotle on ontological priority: Ph.D. Thesis*. Stanford: Stanford University, 185 p.

Шаблон для оформления авторефератов диссертаций:

Автор (фамилия запятая инициалы) Год издания. Заглавие: *Abstract of Ph.D./D.Sc. dissertation*. Место написания, Издательство (если указано). Объем — количество страниц.

Примеры:

Bezrodnaya, V.F. (2004). *Osnobennosti formirovaniya grazhdanskogo obshchestva v protsesse politicheskoi modernizatsii Ukrayiny: avtoref. dis. ... kand. polit. nauk* [Features of civil society development in the process of political modernization of Ukraine: Abstract of Ph.D. dissertation]. Odessa, 16 p.

Шаблон для оформления статей из газет или журналов:

Автор/ы (фамилия запятая инициалы) Год издания. Заглавие статьи в переводе на английский язык в квадратных скобках: сведения, относящиеся к заглавию. **Название журнала**. Номер выпуска, Местоположение статьи — интервал страниц.

Название русскоязычного источника приводят в транслитерации, а затем в квадратных скобках переводят на английский язык (для переводных изданий в скобках приводят оригинальное английское название). **Для англоязычных источников** приводят оригинальное английское название.

Примеры:

Nazarchuk, A.V. (2011). [Network research in the social sciences]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 1, pp. 39–51.

Fedosiuk, O. (2005). Trafficking in human beings in criminal law and practice of courts. *Law*. No. 54, pp. 72–73.

Шаблон для оформления источников электронного ресурса удаленного доступа:

Название русскоязычного источника приводят в транслитерации, а затем в квадратных скобках переводят на английский язык (для переводных изданий в скобках приводят оригинальное английское название). **Для англоязычных источников** приводят оригинальное английское название.

Автор/ы (фамилия запятая инициалы) Год. Заглавие. Available at: URL (без знаков препинания в конце) (accessed — дата обращения).

Примеры:

Bauman, Z. (2011). *Tekuchaya modernost: vzglyad iz 2011 goda* [Flowing Modernity: view from 2011]. Available at: <http://polit.ru/article/2011/05/06/bauman/> (accessed 21.07.2017).

Для статей, имеющих в списке литературы **только англоязычные источники** список литературы делается только один, в соответствии с принципами **Гарвардского стиля оформления**.

Для источников **на других языках** (например, немецком) данные пишутся на английском языке и языке оригинала.

Пример:

Goltz, F. (1892). *Der Hund ohne Grosshirn. Siebente Abhandlung über die Verrichtungen des Grosshirns* [The Dog Without a Cerebrum: Seventh Treatise on the Functions of the Cerebrum]. *Archiv für die gesamte Physiologie* [Archives of All Physiology]. Bd. 51, no. 11–12, pp. 570–614.

Для статей, имеющих в списке литературы **только англоязычные источники** список литературы делается только **один**, в соответствии с правилами оформления английского варианта списка литературы.

Постстраничные сноски для ссылок на литературу не допускаются. Допускается указание в формате постраничной сноски на **программу**, в рамках которой выполнена работа, или наименование **фонда поддержки**.

Статья должна сопровождаться:

- **индексом УДК;**
- **аннотацией** на русском и английском языках состоящей минимум из 200 слов;
- **ключевыми словами** (до 15 слов) на русском и английском языках (ключевые слова просим разделять запятыми) с заголовком *Ключевые слова/Keywords*;
- **информацией об авторе** в отдельном файле (на русском и английском языках): фамилия, имя, отчество, место работы и должность, ученая степень, ученое звание, полный почтовый адрес (с индексом) — рабочий и адрес, на который будет выслан авторский экземпляр журнала, телефон, адрес электронной почты;
- **информацией об идентификаторе автора в виде активной гиперссылки: ResearcherID** (в обязательном порядке, регистрация возможна на сайте <https://publons.com/account/login/>);
- **скан-копией справки об обучении в аспирантуре**, заверенной руководителем учреждения (только для аспирантов).

Текст аннотации не следует разбивать на абзацы. В аннотации следует избегать лишних вводных фраз (например, «В статье рассматриваются...» или «Автором рассматривается...») Аннотация должна раскрывать содержание исследования и включать информацию:

- предмет, тема, цели работы (если они не очевидны из названия статьи);
- метод или методологию проведения работы (если они отличаются новизной и представляют специальный интерес);
- результаты работы;
- область применения результатов;
- выводы (могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, описанными в статье).

При подготовке аннотации на английском следует избегать сложных грамматических конструкций, не используемых в научном английском языке. Следует, например, использовать активный, а не пассивный залог: «The study tested», а не «It was tested in the study».

Подробные рекомендации по подготовке качественной аннотации можно найти в работе эксперта О.В. Кирилловой (<https://rassep.ru/academy/biblioteka/106584/>).

Рукопись, полученная редакцией, не возвращается. Редакция оставляет за собой право проводить редакторскую правку текстов статей, не изменяющую их основного смысла, без согласования с автором. Мнение членов редколлегии может не совпадать с мнением авторов статей.

Статьи и сопутствующие материалы отправляются автором на электронный адрес fsf-vestnik@yandex.ru и дублируются на платформе <https://press.psu.ru/index.php/philsoc>. Датой поступления статьи считается день получения рукописи статьи редакцией.

В соответствии с «Положением об этических стандартах редакционной политики Пермского государственного национально-го исследовательского университета», автор, направляя рукопись в редакцию, принимает личную ответственность за оригинальность исследования и достоверность представленной в нем информации. Автор несет ответственность за неправомерное использование в научной статье объектов интеллектуальной собственности, объектов авторского права в полном объеме в соответствии с действующим законодательством РФ.

В связи с формированием Министерством юстиции РФ единого реестра организаций, физических лиц и СМИ, выполняющих функции иностранного агента, убедительно просим авторов проверять текст предоставляемых статей и ссылок в них на предмет включения соответствующих субъектов в объединенный реестр: <https://minjust.gov.ru/uploaded/files/reestr-inostrannyih-agentov-13122024.pdf>.

При наличии указаний/ссылок на физических лиц, организации и СМИ, из указанного реестра, необходимо после ФИО, наименования организации или СМИ ставить знак сноски * (звездочку) и на этой же странице под текстом указывать Включен в реестр иностранных агентов Министерством юстиции РФ и дату включения:

При наличии указаний/ссылок на физических лиц, организации и СМИ, из указанных реестров необходимо после ФИО, наименования организации или СМИ ставить знак сноски * (звездочку) и на этой же странице под текстом указывать Включен в Реестр такой-то Министерством юстиции РФ и дату включения.

Направляя статью в редакцию, автор подтверждает, что направляемая статья нигде ранее не была опубликована, не направлялась и не будет направляться для опубликования в другие научные издания. Направляя статью в редакцию, автор подтверждает, что ознакомлен и согласен с приведенными выше требованиями, и готов подписать лицензионный договор с Издателем (с текстом лицензионного договора можно ознакомиться в сети Интернет по адресу: <https://press.psu.ru/index.php/philsoc>).

Предоставление авторами сторонних рецензий не требуется. Все статьи в обязательном порядке подвергаются процедуре двойного «слепого» рецензирования. Принятые статьи рейтингуются и отбираются к публикации в ближайших выпусках.

Публикации для авторов **бесплатные**.

Сроки представления рукописей статей и запланированные сроки выхода издания в 2026 году:

Сроки представления рукописей статей	Запланированный срок выхода соответствующего номера Вестника
в № 1 — до 1 февраля	2 апреля
в № 2 — до 1 мая	2 июля
в № 3 — до 1 августа	1 октября
в № 4 — до 1 октября	25 декабря

С электронными версиями опубликованных ранее выпусков Вестника можно ознакомиться в сети Интернет по адресу: <https://press.psu.ru/index.php/philsoc>

Контактная информация редколлегии:

e-mail: fsf-vestnik@yandex.ru, тел. +7(342) 2396-305

GUIDELINES FOR ENGLISH-SPEAKING AUTHORS

The Editorial Board of the *Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology* (ISSN 2078-7898, ISSN online 2686-7532) invites authors of original research to publish their findings in the journal. The journal is on the Russian list of the leading peer-reviewed scientific journals and periodicals where the results of scientific research required for getting the scientific degree of Candidate or Doctor of Sciences (PhD) must be published, and also on Russian «white list» of scientific journals.

The Editorial Board of the journal receives original papers in Russian and in English accordingly study fields as follows:

5.7.1 Ontology and theory of knowledge

5.7.2 History of philosophy

5.7.7 Social and Political philosophy

5.7.8 Philosophical anthropology, philosophy of culture

5.3.1 General psychology, personality psychology, history of psychology

5.4.1 Theory, methodology and history of sociology

5.4.4. Social structure, social institutions and processes

5.4.7 Sociology of management

The journal is included in the international databases *Ulrich's Periodicals Directory* and *EBSCO Discovery Service*, in the digital library *IPRbooks, electronic library system «The University Library On-line», open access scientific library «CyberLeninka», national digital resource «RUCONT»* and *national information-analytical system «Russian Science Citation Index (RSCI)»*.

Guidelines for submission

Articles should be submitted electronically in Microsoft Word (version 2003 or earlier) as a Rich Text File (rtf). The file should be named after the surname of the author (or the first coauthor).

Page Parameters. Please use A4 page size with 2 cm margins on each side with 1.25 cm to headers and footers.

The title of your contribution should be placed centrally in lowercase letters and in bold type.

The main text of your contribution should be typed in Normal style: Times New Roman, 11 pt, interval — 1, paragraph spacing — 1 cm. Articles should aim for a target length of 20 000 to 40 000 characters with spaces. You may use **boldface** or *italic*. Special symbols should be introduced by means of Symbol fonts. Please make sure that there observed distinctions between O (the letter) and 0 (zero); 1 (one), I (Roman figure) and l (Latin letter); intra-word hyphen (-) and dash (—). Centuries should be represented by with Roman numerals (e.g. XIX century). Recommended quotation marks are «...»; inside the quotations please use a different type of quotation marks (e.g. «...”...”...»).

The materials in the essay format are not accepted in the journal. We urge to divide the text of your article into the following parts:

- introduction;
- principal content (we recommend subdivide the article body into several components giving a title to each of them);
- results / discussion;
- conclusions / statements.

Headings of the main sections of your paper should be in one style. Please do not use automatic lists. Numbered lists should be done manually.

Tables should be signed as follows «Table 1. Name of Table». Words in tables should not be contracted. Full stop should not be used at the end of headings and in table cells.

Pictures should be placed in the text as embedded objects. Captions should be placed under the pictures (e.g. «Pic. 1. Name of the picture»). Full stop should not be used at the end of headings and captions to pictures. Pictures, graphs, diagrams should be clear, easy to read.

Formulas should be written in Microsoft Word Equation, version 3.0 or earlier.

References should be presented accordingly Harvard style of referencing (<http://www.citethisforme.com/harvard-referencing>) If a quotation is included, the page of the source should also be mentioned in square brackets, e.g.: [Vernaleken A., 2006, p. 7].

We recommend including from 15 to 20 citations in Reference list as minimum. These citations should be presented accordingly Harvard style of referencing (<http://www.citethisforme.com/harvard-referencing>). Generally, Harvard Reference List citations follow this format: Last name, First Initial. (Year published). *Title*. City: Publisher, Page(s), e.g.: Turner, A. (2006), *Introduction to Neogeography*, London, O'Reilly Media, 56 p.

Citations are listed in alphabetical order by the author's last name without numbering. If there are multiple sources by the same author, then citations are listed in the order of the date of publication.

Each resource should be mentioned in the list of references just once. The list of references should contain only those resources, which were cited in the text. All the resources cited in the text should be included in the list of references. Please provide Russian or English translation to non-Russian Cyrillic references.

Note: If cited source has DOI, then DOI name should be given in References as active hyperlink. DOI name should be placed at the end of the item, and it should be divided from the previous text by dot and void interval.

For example:

Bard, P. (1934). On Emotional Expression After Decortications With Some Remarks on Certain Theoretical Views. *Psychological Review*. Vol. 41, p. 309. DOI: <https://doi.org/10.1037/2Fh0070765>.

For resources in English the imprint should be given in English only.

For example:

Head, H. and Holmes, G. (1911–1912). Sensory Disturbances from Cerebral Lesions. *Brain*. Vol. 34, p. 102.

For resources in other languages (e.g. German) the imprint should be given both in English and in the resource language

For example:

Goltz, F. (1892). Der Hund ohne Grosshirn. Siebente Abhandlung über die Verrichtungen des Grosshirns [The Dog Without a Cerebrum: Seventh Treatise on the Functions of the Cerebrum]. *Archiv für die gesamte Physiologie* [Archives of All Physiology]. Bd. 51, no. 11–12, pp. 570–614.

Please do not use footnotes. The author can add a section Acknowledgements after the main text of the article to indicate a **project, scholarship or foundation** supporting his or her research.

Your contribution should be accompanied by:

- the index of the Universal Decimal Classification;
- abstract of 200 words (as minimum): abstract should include information about subject, objectives, methodology of the article, discussion of results and conclusion;
- key words (up to 15);
- information about the author (in separate file): surname and first name; place of work and position; academic degree; academic title; information about author's ID as active hyperlink (Researcher ID); mail address (with postal code) for your author's copy to be sent to; phone number and e-mail address;
- scanned copy of verified certificate of study (for PhD students only).

Please take notice that submissions received by the Editorial Board will not return to the authors. The editorship may edit the text of the article and make minor amendments, which do not change the general meaning of the text, without the author's consent. Opinions of the Editorial Board may not coincide with the opinion of the author.

Authors have to send their materials into e-mail address of the Herald (fsf-vestnik@yandex.ru). In addition, submissions need to be made via our online submission system (<https://press.psu.ru/index.php/philsoc>). The date when the Editorial Board receives the manuscript is considered to be the date of the submission receipt.

According to «Regulations of Ethical Standards of Editorial Policy of Perm State University» the author of the article is responsible for the originality of research and authenticity of the information presented. The author is equally responsible for all copyright permissions in accordance with national and international legislation. By sending his or her article the author confirms that the manuscript has not been published previously and has not been sent to other journals for consideration before and will not be sent to other journals for publication afterwards. By sending his or her article the author confirms that he or she agrees with the requirements of the Guidelines, and is ready to sign the license agreement with the Publisher (see the text of the agreement at web-site: <https://press.psu.ru/index.php/philsoc>).

All articles are exposed to double «blind» reviewing. The approved articles are ranked for selection to the publication in the next issues.

The publication of manuscript is **free**.

Submission deadlines in 2026

Submission deadlines	Planned date of publication
No 1 February 1	April 2
No 2 May 1	July 2
No 3 August 1	October 1
No 4 October 1	December 25

Electronic versions of the previously published issues of the *Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology* may be found here: <https://press.psu.ru/index.php/philsoc>

Contacts

Phone: +7(342) 2396-305

E-mail of the Herald: fsf-vestnik@yandex.ru

Научное издание
Вестник Пермского университета
ФИЛОСОФИЯ. ПСИХОЛОГИЯ. СОЦИОЛОГИЯ

2025
Выпуск 4

Редактор *A.C. Беляева*
Компьютерная верстка *И.Н. Черемных*
(ответственный секретарь коллегии)
Макет обложки *Н.С. Щеколовой*

Подписано в печать 19.12.2025
Дата выхода в свет 26.12.2025
Формат 60X84/8. Усл. печ. л. 18,14
Тираж 36 экз. Заказ 1721.

Адрес учредителя, издателя и редакции:
614068, Пермский край, г. Пермь, ул. Букирева, 15,
Пермский государственный национальный исследовательский университет.
(Философско-социологический факультет)

Пермский государственный национальный исследовательский университет.
Управление издательской деятельности.
614068, г. Пермь, ул. Букирева, 15. Тел.+7 (342) 239-66-36.

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии издательства
Пермского национального исследовательского политехнического университета.
614990, г. Пермь, Комсомольский пр., 29, к. 113. Тел. (342) 219-80-33

Распространяется бесплатно и по подписке

Подписка на журнал осуществляется онлайн на сайте «Урал-Пресс»
<https://www.ural-press.ru/catalog/98131/9020596/>
Подписной индекс — 41011